

Общественное объединение
«Диалог Евразия»

Факультет философии
и социальных наук БГУ

СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЕ
АСПЕКТЫ
УЧЕНИЯ Ф. ГЮЛЕНА

ВЗГЛЯД БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ

Минск
«Беларуская навука»
2012

УДК [1+929Гюлен](082)

ББК 87я43

С 69

Рецензенты:

доктор философских наук А. С. Лаптенюк,
кандидат философских наук А. П. Ждановский

Социально-философские аспекты учения Ф. Гюлена: взгляд белорусских ученых. – Минск : Беларуская навука, 2012. – 264 с.

ISBN 978-985-08-1402-9.

Монография представляет собой уникальное издание, включающее статьи представителей различных направлений современной белорусской гуманитаристики, посвященные философско-теоретическому анализу учения выдающегося сына турецкого народа – Фетхуллага Гюлена.

В книге рассматриваются содержание социально-философской концепции Ф. Гюлена, его философия культуры, философско-этические и педагогические взгляды. Особое внимание уделяется трактовке мыслителем проблемы диалога культурных традиций и его концепции толерантности. Таким образом, монография представляет собой фундаментальное и всестороннее исследование учения Ф. Гюлена как феномена мировой философской традиции.

Рассчитана на философов, социологов, политологов, культурологов, юристов, будет также интересна аспирантам и магистрантам гуманитарных специальностей.

УДК [1+929Гюлен](082)

ББК 87я43

ISBN 978-985-08-1402-9

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя и творчество выдающегося турецкого мыслителя и богослова, писателя и общественного деятеля Фетхуллага Гюлена широко известно не только в родной стране, но и далеко за ее пределами, в том числе и в Беларуси. Белорусская общественность, а также представители гуманитарных наук с большим вниманием и интересом восприняли появление на книжном рынке страны целой серии трудов Ф. Гюлена, чему в немалой степени способствует активная деятельность в Минске научно-просветительского и культурного центра «Диалог Евразия». Среди этих книг особой популярностью в Беларуси пользуются сборники очерков, эссе, мнений и суждений этого мыслителя – «Перспективы», «Диалог и толерантность», изданные в Минске соответственно в 2009 и 2011 годах.

В названных публикациях Ф. Гюлен предстает перед пытливым взором читателя как энциклопедист, человек большого таланта и широкого кругозора, который глубоко знает и творчески-новаторски обсуждает и решает актуальные проблемы мировой философской и исторической мысли, культуры, литературы и искусства, религии. В своих трудах он демонстрирует глубокое знание жизненных проблем, волнующих наших современников, глобальность обобщений и выводов, провидческий взгляд в будущее. Их пронизывает твердая убежденность в том, что в нашем тысячелетии мир станет гуманным, справедливым и милосердным для каждого человека и всего человечества. А это рождает в душах людей не только непреодолимую надежду, но и общую ответствен-

ность за создание счастливого мира, одним из важнейших путей к которому выступает глубокое понимание природы человечества, любовь и милосердие, толерантность и диалог между существующими в планетарном человеческом сообществе цивилизациями, культурами и религиями. В этом гуманистическом контексте Ф. Гюлен своим творчеством проникает в недра человеческой души, рисует притягательные портреты людей высокой нравственности, раскрывает свойства и стремления верующего человека, показывает непреходящую ценность и значимость социальной, духовной, гражданской ответственности человека в современном мире. Одно из самых прекрасных его изречений гласит: «Я верю в красоту, заложенную в природу человечества».

В решающей степени под влиянием идей и творчества Ф. Гюлена белорусскими авторами – философами, социологами, культурологами, политологами – написана данная книга. Содержащиеся в ней статьи сгруппированы в четыре главы. В первой из них в различных ракурсах белорусские ученые анализируют учение Ф. Гюлена в контексте мировой философской традиции. Во второй – рассматриваются проблемы современного цивилизационного развития, глубоко осмысленные в учении Ф. Гюлена. В третьей главе изложены высказанные выдающимся турецким мыслителем-гуманистом основные идеи положения о необходимости и благотворности диалога людей, культур, религий в современном мире. Четвертая глава включает статьи, посвященные основным аспектам социально-этического учения, созданного Ф. Гюленом, в них характеризуются ценностные основания и воспитательный потенциал данного учения.

При всем разнообразии подходов к исследуемым проблемам, оценок сущности и значимости решения этих проблем Ф. Гюленом для современного социокультурного и цивилизационного развития человечества и построения его лучшего будущего авторы этой книги едины в одном – в признании выдающейся роли мыслителя мирового масштаба, каковым, несомненно, является этот незаурядный человек, обладающий высокой интеллектуальной культурой и художественным та-

лантом, в воспитании, просвещении и духовном возвышении нашего современника и последующих поколений людей.

Е. М. Бабосов, заведующий отделом политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси, академик, доктор философских наук, профессор

* * *

В 2009 году в Беларуси впервые была издана одна из книг известного мусульманского ученого-богослова, писателя и поэта Турции Фетхуллага Гюлена «Перспективы: очерки, мнения». Знакомство с ней, другими произведениями известного турецкого мыслителя позволило лучше понять основы его мировоззрения, проповедуемые им и его последователями. Этому способствовали также совместные научные конференции, проведенные в Беларуси, поездки белорусских ученых, писателей, журналистов в Турцию, их встречи и беседы с турецкими учеными и общественными деятелями – сподвижниками Ф. Гюлена.

Книга «Социально-философские аспекты учения Ф. Гюлена» – труд коллектива авторов, представляющих ряд учебных и научных учреждений Беларуси, но прежде всего Белорусский государственный университет. В монографии последовательно раскрываются место идей Гюлена в контексте мировой философской традиции, подходы турецкого мыслителя к решению проблем современного цивилизационного развития, его представления о толерантности как основе диалога религиозных и культурных традиций, социально-этическое учение.

Оценивая взгляды Ф. Гюлена, авторы книги подчеркивают его личную убежденность и стремление убедить других в том, что цивилизация будущего сформируется благодаря синтезу научных достижений Запада и веры и этики Востока, стремление к тому, чтобы новый мир был основан на любви и уважении ко всему человечеству. Они особо отмечают связанные с этой фундаментальной идеей уважительное отношение Гюлена к духовно-нравственным основам различных ре-

лигий и культур, призыв к равноправному диалогу между ними, его стремление гармонизировать отношение религиозной и светской сторон жизни, признание ценностей демократии.

Авторам импонируют выдвижение Гюленом на первый план идей любви и гуманизма, которые, по его мнению, выражаются в гармоничном характере взаимоотношений, во-первых, между людьми, во-вторых, между человеком и природой; активная пропаганда этической ценности толерантности, сострадания, терпимости и прощения, которые Гюлен считает духовной основой истинного ислама; его однозначно отрицательное отношение к терроризму, которое турецкий мыслитель выразил краткой, но емкой формулой: «Истинный мусульманин не может быть террористом, а террорист – мусульманином».

Данная книга, несомненно, позволит углубить знание и понимание идей Ф. Гюлена, будет способствовать дальнейшему белорусско-турецкому диалогу.

А. В. Рубанов, декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

* * *

Бывают книги, интересные и необычные как по своему замыслу, так и по исполнению, как по личности, которой посвящены, так и по составу авторов, каждый из которых в свою очередь – известная личность.

Книга, лежащая перед Вами, – именно из таких необычных и интересных изданий.

Она актуальна по замыслу, поскольку посвящена одному из самых ярких и влиятельных мыслителей современного мира – Фетхуллаху Гюлену, выдающемуся сыну турецкого народа, чье учение, однако, вызывает широкий положительный резонанс далеко за пределами Турции.

Эта книга важна по исполнению, поскольку учение Ф. Гюлена рассмотрено не только как явление современной культуры – явление, безусловно, яркое и неординарное, – но как феномен мировой философской традиции. Перед Вами не просто книга – пред Вами научная монография, посвященная фундаментальному философскому анализу учения Ф. Гюлена. В этом отношении данное издание не только восполнит существенный пробел в представлении белорусской научной общественности современного состояния философской мысли Турции, у нас есть все основания утверждать, что читатель имеет дело с первым прецедентом собственно философского рассмотрения учения Ф. Гюлена.

Книга интересна составом авторов, поскольку организаторам в одном издании удалось объединить аналитические статьи философов, культурологов, социологов, политологов, юристов, каждая из которых высвечивает свой ракурс видения социально-философского учения Ф. Гюлена, что позволяет говорить о всестороннем анализе наследия этого выдающегося турецкого мыслителя.

Монография убедительно трактует Ф. Гюлена как мыслителя, чье учение имеет выраженное философское содержание. Привлекает внимание глава, содержащая анализ проблем цивилизационного развития в их интерпретации Ф. Гюленом. Статьи данной главы рассматривают как глобально-цивилизационные проблемы, касающиеся перспектив развития человеческой цивилизации в целом, так и конкретно-цивилизационные проблемы – вплоть до проблем развития современных семейно-брачных отношений. Большое значение, как теоретическое, так и практическое, имеет глава, посвященная рассмотрению учения Ф. Гюлена о толерантности, так как содержащиеся в ней материалы раскрывают возможности применения данного учения для развития всестороннего диалога между культурными и религиозными традициями в современном мире, что особенно важно в контексте глобализации. Особый интерес представляет глава, посвященная анализу социально-нравственных и педагогических аспектов учения Ф. Гюлена, поскольку содержит не только теоретические статьи, рассмат-

ривающие аксиологические основания этики и педагогики Ф. Гюлена, но и практико-ориентированные материалы, раскрывающие воспитательный потенциал учения Ф. Гюлена, пути его использования в современном педагогическом процессе. Отдельная глава монографии посвящена анализу места и роли учения Ф. Гюлена в формировании нового мышления современной Турции, в разворачивании просветительской традиции и, в целом, в контексте мировой философской традиции.

И, наконец, данная монография интересна тем, что представляет читателю взгляд именно белорусских ученых на философское наследие Ф. Гюлена. Проблемы взаимодействия традиций Запада и Востока, актуальные для всего Евразийского региона, делают данную книгу значимой и в свете налаживания более близкого и конструктивного диалога между народами и культурами, что особенно важно в контексте современного глобализационного процесса. Будем надеяться, что данная монография также внесет свой вклад в добрососедские отношения между Беларусью и Турцией.

А. С. Лаптенюк, заведующий лабораторией проблем воспитания личности Национального института образования Республики Беларусь, доктор философских наук, профессор

ГЛАВА 1

УЧЕНИЕ Ф. ГЮЛЕНА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

С. П. Винокурова

**ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ Ф. ГЮЛЕНА:
ПОИСК ПУТЕЙ ДУХОВНОЙ СВОБОДЫ**

Белорусская государственная академия искусств, Минск

Ушедший XX век отмечен величайшими достижениями в развитии науки и техники, но одновременно и кризисом духовности, деформациями духовно-нравственного опыта. Многие мыслители как на Западе, так и на Востоке отмечают, что душевный и умственный уклад современного цивилизованного человечества отличается обеднением духа и высокого чувства любви человека к человеку, ожесточением и обращенностью к чувственному, внешнему, материальному опыту. Бездуховность охватила не только отдельные государства, она характерна для нынешнего времени в целом и для всего человечества. Это выражается в падении роли духовной культуры, отсутствии интереса к высшим ступеням ее развития. На этом фоне отмечается рост агрессивности, преступности, правонарушений, межэтнических конфликтов и войн.

Причины этих процессов различны, они заложены в социобиологической природе человека. В любом случае глубинные корни агрессивности во многом скрыты от проницательного взора исследователя.

Успехи материальной цивилизации и связанная с этим всеобщая жажда комфорта и наслаждений способны дезориентировать человека, направить его выбор в сторону ложных ценностей. Рост гигантских городов обеспечивают такие условия жизни и деятельности, когда человека ежедневно окружают тысячи и миллионы незнакомых, чужих

ему людей, которым безразличны все его радости и беды. Такое положение способствует нарушению традиционных форм социальности, наполняет городскую жизнь непредсказуемыми опасностями. На фоне высоких достижений человеческого интеллекта и прорывов в области науки в мире растут масштабы массовой склонности к иррациональным формам познания, гаданию, слепой вере в экстрасенсов. Человек воображает себя свободным в своем выборе. На деле же зачастую демонстрирует зависимость от стандартов и образцов, в формировании которых он не принимал никакого участия.

С вовлечением в жизненную практику новых объектов и расширением границ личного выбора меняется исторический облик человека. В такой ситуации все сложнее улавливать социальный запрос, обращенный к личности. Погружение в суету ежедневных дел чаще всего не позволяет контролировать глубокие потоки сознания, направляющие наши действия. Рассудок зачастую торжествует над велениями сердца, что ведет к разрушению моральных основ поведенческой практики и представляется наиболее опасным для человека, поскольку порождает ситуацию, обозначенную Б. Паскалем как «пустота сердца».

В этих условиях стоящие перед современным миром проблемы не могут быть решены вне духовно-нравственных поисков самого широкого и глубокого плана. Не случайно в общественном сознании возрастает интерес к движениям, связанным с ненасильственными действиями, так как они предлагают определенные пути преодоления конфликтов и вражды в современном мире, возникающих по самым различным поводам, а порой и без всякого повода. Как правило, ненасильственные действия основываются на религиозных или философских течениях.

В современном мире существует большое количество групп и организаций, сделавших идею диалога, толерантности и ненасилия программой своих действий. Они объединяют людей различных вероисповеданий и неверующих

из разных стран и континентов. Это международная гуманитарная инициатива «Голубка», Толстовский фонд, Фонд «Вахта мира», Центр М. Л. Кинга, Содружество примирения, Институт им. А. Эйнштейна и др.

Одним из источников глубоких раздумий над реалиями мира являются проповедническая, просветительская деятельность современного исламского ученого и богослова Ф. Гюлена и возникшее на основе его идей международное общественное движение. В судьбе Гюлена было немало огорчений, однако тяготы и испытания не поколебали его убеждений. В своих работах Ф. Гюлен обращается к вечному и непреходящему, в них выражены вековая мечта о преодолении отчуждения между людьми различных рас и национальностей, забота о будущем, о молодых поколениях людей, живущих в XXI веке.

Посетив родину Ф. Гюлена – Турцию, встречаясь с его учениками и последователями его учения, постепенно начинаешь понимать причину массового тяготения к идеям Гюлена и загадку обаяния его личности.

Разные исторические эпохи рождают своих героев духа, подвижников, посвятивших себя служению добру и истине. Жизнь и деятельность Ф. Гюлена являются примером выполнения просветительской миссии, связанной с проповедью и пропагандой принципов терпимости, диалога культур, основу которых он черпает в нравственных ценностях ислама. Изучение биографии данного ученого и богослова позволяет провести ряд интересных, на наш взгляд, исторических параллелей.

Подобно судьбе Д. Гусмана, более известного как святого Доминика, основавшего в 1214 году орден проповедников (официально орден был утвержден папой Гонорием III в 1221 г.), деятельность Гюлена началась с обращения группы молодых людей, которых он увлек своей проповедью. Точно так же в свое время, 900 лет тому назад, миссия святого Доминика началась с обращения группы женщин. Затем идеи и убеждения святого Доминика составили основу

учения и легли в основу массового движения в рамках доминиканского ордена проповедников.

Идеи Гюлена в 70-е годы XX века были подхвачены многими его учениками и последователями. Сегодня они продолжают воплощаться в самых разнообразных конкретных делах.

Характерной особенностью идей Гюлена, придающей им убедительность и привлекательность, является то, что Гюлен демонстрирует проповедь не только через Слово, но и проповедует свидетельством собственной жизни, всем своим поведением, поступками. Точно так же в свое время подвергли себя самоотречению на почве служения великие просветители, чьи имена вписаны золотыми буквами в мировую историю и культуру: Сократ, святой Доминик, Франциск Ассизский, Фома Аквинский, позднее – Л. Н. Толстой, М. Ганди, М. Л. Кинг и др.

Наиважнейшим требованием, предъявляемым к просветителю и проповеднику, Гюлен считает высокую образованность. На пути к духовности находится немало препятствий, но самое основное – это безграмотность. Действительно, практика показала, что именно в духовной сфере люди могут быть наиболее безграмотны, независимо от наличия высшего образования, ученых степеней, духовных санов, количества прочитанных книг и т. д. Эта идея Гюлена как бы перекликается с представлениями древнегреческого философа Сократа, который считал равнозначными нравственность и знание, а также усматривал причины безнравственных поступков в дремучем незнании и невежестве людей. Известный испанский проповедник – святой Доминик – свято верил в то, что для достижения своей цели проповедь должна базироваться на глубокой богословской подготовке. Поэтому святой Доминик широко привлекал для обучения первых последователей учения ордена проповедников известных в то время университетских учителей, а также посылал братьев учиться в лучшие университеты Европы. Впоследствии преданные ученики святого Доми-

ника осуществили ряд исторических миссий, успешно распространяли идеи своего учителя не только на европейском континенте, но и духовно покорили Южную Америку, основали там ряд школ и первых университетов. Свое влияние орден распространял и в России вплоть до XXI века, где последователи доминиканцев в разные времена подвергались как признанию, так и гонениям. Одной из причин, обеспечивших успех ордену, была установка на изучение иностранных языков, позволяющих распространять свои идеи среди иноземцев, разговаривая с ними на их родном языке.

В XIII веке, в то историческое время, когда начала развиваться деятельность ордена доминиканцев, итальянец – Франциск Ассизский – добровольно принимает обет бедности, основанный на презрении к богатству, обет целомудрия и обет послушания, а также становится основателем другого монашеского ордена, привлечшего под знамена евангелических идей тысячи братьев-единомышленников. Христос через свое милосердие и самоотречение стал образцом для святого Франциска, поэтому не случайно его называют зеркалом Христа. Свято уверовав в то, что, отвергая всякий приют и собственность, он сможет успешнее распространять в народе идеи христианства, святой Франциск отправился к сарацинам в Сирию, чтобы прекратить крестовые войны. При этом он хотел сделать это не силой, а Словом, посредством которого он полагал возможным преодолеть угрозу, исходящую от ислама, и обратить весь мусульманский мир в христианство. Как свидетельствуют многочисленные легенды, магометанские муфтии принимали Франциска, слушали его проповеди, затем отпустили его живым и невредимым, однако веры его не приняли.

Объемное наследие Гюлена заключено в его многочисленных публикациях, а также проповедях, интервью, которые он дал представителям различных средств массовой информации. Гюлен – автор 50 книг, более десяти из которых в настоящее время переведены на русский язык. Только в 2010 году для русскоязычного читателя издательство «Но-

вый Свет» выпустило такие книги Ф. Гюлена, как «Диалог и толерантность», «Вера в потустороннюю жизнь», «Сомнения, порожденные веком» (т. 1 и 2), «Критерии, или Огни в пути», «Жизнь и исламская вера», «Пророк Мухаммед венец рода человеческого» и др.

В ряде его работ представлены достаточно пространственные рассуждения по тем или иным проблемам современности. Вместе с тем, короткий афористический стиль изложения ряда вопросов, связанных с развитием религии, науки, морали в современном обществе, требует внимательного изучения всего того, что написано или высказано Гюленом.

В частности, интерес вызывает наследие Гюлена, касающееся вопросов науки, морали и религии в контексте современных коллизий общества.

Так, отношение Гюлена к науке выражено предельно ясно в его следующем утверждении: «Наука и техника находятся на службе у человека, и нет никаких серьезных оснований для того, чтобы их опасаться. И опасность заключается не в научности и не в научном подходе к строительству нового мира, а в невежестве, бессознательности и нежелании брать на себя ответственность» [1, с. 30]. Именно так характеризует Гюлен вопрос о роли и эвристических возможностях науки в системе социально-прогнозируемых проектов.

Вместе с тем, можно ли с полной уверенностью утверждать, что наличие развитой научной сферы и большого количества ученых является достаточной гарантией социально-экономического и культурного процветания общества? Ведь хорошо известно, что в свое время Древняя Эллада, которая только за одно столетие дала мировой культуре десятки имен выдающихся мыслителей, многосторонне одаренных личностей, так и не сумела сохранить ни свой экономический уклад, ни свою культуру и была в конечном итоге завоевана варварами.

В современном мире, отмечает Гюлен, наука содержит много негативного, более того, истинные открыватели

и изобретатели нового в истории рождаются крайне редко. Гюлен озабочен тем, что их место чаще всего занимают подражатели и имитаторы, извлекающие изречения из различных многочисленных источников и составляющие таким образом новые и новые книги и авторские монографии. В этом отношении мысли Гюлена созвучны ряду статей великого русского поэта А. С. Пушкина или критической позиции известного русского баснописца И. Крылова, отмечавших тревогу, связанную с возможностями имитации учености.

В этом нельзя не согласиться с Ф. Гюленом. В частности, современная компьютерная техника таит в себе огромные возможности для поддержания псевдоимиджа учености. Действительно, без компьютерных технологий современная наука уже немыслима. С их помощью ученые быстро и качественно решают многие вопросы. Вместе с тем, компьютер представляет собой определенную угрозу сложившимся этическим нормам в науке, способствуя размыванию моральных и культурных основ науки. С помощью компьютерных программ и информационного ресурса Интернет-сети подготовка научных монографий может являться в прямом смысле делом техники. Современные программы позволяют компоновать необходимый материал путем компиляции из информационных ресурсов, заложенных на соответствующих Интернет-сайтах, буквально в течение недели. А это означает, что отсутствие соответствующего уровня личной культуры и ответственности в условиях технической оснащенности позволяет не только быть ученым, но и казаться им.

Что касается морали, то для Гюлена она равнозначна религиозности, а если говорить точнее – приверженности человека исламу. Гюлен не раз прямо ссылается на положения священного (кудси) хадиса, в котором Аллах говорит, что Он был Сокровенной Ценностью и пожелал быть признанным и оцененным по достоинству и сотворил для этой цели человека: «Там, где нет религии, и речи быть не может не

только о высокой нравственности и благородстве, но и о простом счастье» [1, с. 35]. Далее он замечает: «Те, кто отвергает религию, со временем теряют уважение к таким ценностям, как честь, родина, нация» [1, с. 36]. Таким образом, ислам для Гюлена – религия надежды и веры в светлое будущее. Автор уверен, что именно ислам содержит необходимый комплекс идей, способных организовать общество, улучшить его, одухотворить человека. Исходя из этого, Гюлен полагает необходимым элементом семейного воспитания ознакомление детей с мечетью, совершение намаза и привитие детям уважения к священному Корану [2].

Гюлен в своей проповеди «Чудеса пророков и святых» отмечает, что суть святости состоит во взаимной любви между человеком и Аллахом. И самому Аллаху решать, как одарить своего слугу. Он может даровать ему невероятные блага, осыпать золотом своей милости и сделать так, чтобы все узнали о его святости. Но может и спрятать его, подобно жемчугу в жемчужнице, и сделать так, что в этом мире не только другие люди, но и сам этот человек не будет знать о своей близости к Всевышнему... Эти великие личности, удостоивающиеся таких духовных благ, которые непонятны и неосязаемы для остальных, обычных людей, в определенном смысле являют собой тень истины пророчества. И это – то расстояние, которое разделяет нас с ними.

Истинное благородство – это удел верующих людей. Религия сравнивается им с путем Господним, безбожие – с дорогой сатаны. За всю историю человечества, считает Гюлен, самые прекрасные цветы расцветали в садах веры [1, с. 37]. При этом Гюлен декларирует приверженность исламу как единственно верному и достойному человека пути к духовному совершенству. Посланник Аллаха – Мухаммед – определяется Гюленом в качестве основателя настоящей, истинной культуры.

Вместе с тем, его размышления не лишены определенных противоречий. Так, Гюлен указывает, что «Коран, которому сегодня подчиняются более миллиарда человек, яв-

ляется единственной в своем роде книгой, которая благодаря своим вечным и неизменным божественным принципам указывает людям на лучший, кратчайший и светлейший из всех путей, ведущих к всеобщему счастью». Однако в настоящее время на земле живут семь миллиардов людей, и основная часть, а это шесть миллиардов, не разделяют истин ислама. О них Гюлен пишет: «Те, кто не признает ислама, не только не могут быть мусульманами, но они также не в состоянии установить прочное единство между собой» [1, с. 38–39].

В действительности прочное единство, к сожалению, не характерно и для мусульманского мира. Как свидетельствует история, мусульманство не является основой или же гарантией гражданского мира и не позволяет избежать братоубийственных войн.

Коран, согласно Гюлену, является самым светозарным источником наиболее добропорядочных людей, повлиявших на судьбы планеты. Нет второй такой книги. Однако аналогичные заявления принадлежат как христианским богословам в отношении новозаветной Библии, так и иудейским богословам по отношению к Ветхому Завету.

Гюлен отмечает, что скоро начнется эпоха Корана. Вместе с тем, как это будет осуществляться, остается вне подробного описания. Тем самым идеи ислама и свой личный идеал, связанный с мусульманством, Гюлен предлагает в качестве перспективы исторического развития. Может быть, поэтому в работах Гюлена мы не находим широкой сравнительной панорамы различных типов религиозного сознания, оценки внутренней мотивации преимуществ или недостатков тех или иных мировых религиозных систем. Автор не ставит перед собой такой задачи. Думается, это обусловлено его горячей личной приверженностью ценностям ислама. Как верующий он борется за то, во что верит как в полезное и единственно верное для всего человечества.

Вместе с тем, Гюлен отмечает, что «мы можем критиковать подходы и действия инакомыслящих людей, избран-

ные ими в этом направлении. Это указывает на то, что мысль может развиваться по-разному. Но объединенные общностью цели, мы должны хотя бы уважать позицию другого человека. Этого требует единство нашего пути и веры. Однако превыше всего – благоговейное отношение к священному смыслу, ниспосланному Всевышним Творцом» [3, с. 30].

Безусловно, обращение к нравственной составляющей религиозной веры не может исчерпать многообразие духовной и практической жизни человека, однако позволяет установить наличие особых «осевых нитей», вокруг которых это многообразие существует, распределяясь и соотносясь. На наш взгляд, именно духовная интерпретация жизненного пути в целом позволяет определить некоторые смысловые акценты, наметить нравственные вершины в реализации человеческих возможностей, сформировать и поддерживать позитивный интерес человека к себе. Поиск новых смыслов и образов жизни, символическое осмысление роли нравственности в жизни человека – вечная тема. При этом нравственные вершины в сознании личности могут быть отмечены одной строкою, словом-эпитетом или даже проигнорированы молчанием.

Сколько в истории высказано и высказывается субъективных оценок и преждевременных выводов из-за того, что новый этап принимался за окончание пути, а иллюзорные представления – за действительный расчет. Необходимо иметь в виду, что наше рассуждение на моральную тему может оказаться ошибочным. Человек может только думать о том, что в его жизни это нравственная вершина, принимая за вершину какой-либо небольшой жизненный холм, а порой и вовсе падение в яму. То, что является для человека нравственной вершиной, для него самоочевидно и не нуждается в доказательствах. Именно поэтому важно изначально представлять природу понятия, систему личностных доказательств, на которые опирается этическое суждение.

Вероятно, прав был Г. Честертон, когда отмечал, что в рамку, окаймляющую портрет человека, нельзя втиснуть все человечество. Однако ясно и другое. Духовность рождается и проявляется через человека. Только человек способен любую сферу своей деятельности наполнить духовностью. Для Гюлена духовность – это сама жизнь, наполненная любовью человека к человеку.

В истории народов наиболее чуткие умы всегда предчувствовали обострение кризиса бездуховности, которая все чаще называется главной проблемой современности, и предсказывали возвращение человека уже в скором будущем к религиозным духовным ценностям. Об этом времени, как о Новом средневековье, писали русские религиозные философы в начале XX века – П. Флоренский и Н. Бердяев, ощущавшие себя первыми его обитателями. Мыслям этих и других людей созвучны идеи многих. Но при этом нельзя не согласиться с высказыванием Ф. Гюлена: «Ввиду того, что человечество ждет непростое будущее, мы вынуждены быть особенно осторожными и бдительными, потому что поспешно принятые решения могут повлечь за собой непоправимые ошибки. Именно поэтому строящийся новый мир должен быть основан на любви и уважении ко всему человечеству». Именно в этом, на наш взгляд, состоит главная идея его учения.

Литература

1. *Гюлен, Ф. Критерии, или Огни в пути* / Ф. Гюлен; под ред. В. Шеремета. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
2. *Гюлен, Ф. Размышления о духовном воспитании* / Ф. Гюлен. – М.: Новый Свет, 2010.
3. *Гюлен, Ф. Время и поколение* / Ф. Гюлен. – Т. 1. – Измир, 2002.

С. А. Трахимёнок

**Ф. ГЮЛЕН: ГРАНИ ЛИЧНОСТИ
В РАМКАХ «ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ»***

Член Союза писателей Беларуси и России, Минск

Прежде чем говорить о личности Ф. Гюлена и его влиянии на современные социальные процессы, необходимо зафиксировать специфику этих процессов и их отличие от предыдущих этапов существования и развития человечества.

Нынешние проблемы можно свести к последствиям так называемой третьей технологической революции и глобализации, а также кризису, но не мировому экономическому, а мировоззренческому, поскольку экономический кризис всего лишь один их аспектов мировоззренческого. Впрочем, технологические революции всегда приводили к кризису всех социальных институтов человечества, а выход из этого кризиса человечество находило в осмыслении создавшейся ситуации, т. е. подведении под изменившийся мир некоего отчасти научного, отчасти сакрального шаблона, объясняющего и эти изменения.

Кроме того, на современную ситуацию оказывают существенное влияние:

– продолжающийся процесс разрушения традиционного общества, которое ранее служило мощным ограничителем негативных форм поведения человека;

– факт повышения степени управляемости людьми со стороны СМИ;

– появление в арсенале противоборствующих социальных систем средств, во много раз усиливающих информационно-психологическое воздействие на граждан государств-оппо-

* Статья напечатана в сокращенном варианте.

нентов и создающих возможность такого «промывания мозгов», при котором люди начинают действовать не только вопреки своим интересам, но и тем правилам, соблюдение которых позволяло им выживать на протяжении многих веков;

– социальные ритмы развития и упадка сверхдержав (империй). Они, хотя и гипотетичны в целом, но с основными положениями их следует согласиться, так как последние отвечают общей методологии человеческого существования и деятельности, в которой фазы взлета сверхдержав всегда следуют за фазами накопления потенциала и духовного, и материального.

С этого момента можно было бы перейти к исследованию личности Гюлена, однако необходимо избрать некий фундамент, на котором будут основываться наши рассуждения.

Все перечисленное выше является проблемами современного человечества, но не причинами происходящего. Это поверхность явления. Причины лежат глубже. И искать их следует в специфике цивилизационных ориентиров, которые не дают человеческим сообществам во время реализации сознательных проектов двигаться в произвольных направлениях. Однако существуют периоды, когда рамки и диапазон человеческого произвола увеличиваются. Это происходит тогда, когда условия существования изменились, а человеческие конструкции осмысления и видения мира остаются прежними.

Основу выживания различных социальных систем составляет их безопасность, т. е. такой уровень защищенности, при котором противодействующие системе факторы не способны уничтожить ее или изменить сущность.

Обеспечение безопасности есть первейшая потребность процесса выживания. Осознание и формулирование этой потребности делает ее интересом. А деятельность по защите интересов есть политика. В зависимости от субъекта ее проведения это может быть политика различных социальных структур, в том числе и государства. В последнем слу-

чае она называется государственной и осуществляется в форме государственного управления, т. е. деятельности, направленной на достижение определенного результата.

Суть любой государственной политики – разрешение противоречий, возникающих между государствами, в свою пользу. Причем государства чаще всего не пускают эти процессы на самотек и сами создают и обостряют у оппонента имеющиеся противоречия с той же целью – разрешить их в свою пользу.

Однако безопасность – лишь основа выживания человека. Весь же диапазон средств выживания охватывается понятием культуры, т. е. всего, что создано человечеством для выживания. Следовательно, культура в широком смысле слова есть способ существования, а в кризисные периоды – выживания.

В рамках данного подхода понятной становится и категория глобализации, по сути – последствия усилий человечества по выживанию. Само это понятие означает процесс распространения определенных явлений, влияний, тенденций на все пространство земного шара.

Исходя из этого, глобализационные процессы – это явления, тенденции которых начались давно и существуют объективно, но у определенных представителей человечества есть желание, встроившись в эти процессы, с одной стороны, использовать их для достижения политических, экономических и других целей, а с другой – прикрыть этими процессами деятельность, которую можно назвать недобросовестной цивилизационной конкуренцией.

В мире, по мнению ряда геополитиков, существует около десятка крупных цивилизаций (культур) – способов выживания, которые взаимодействуют друг с другом, а само взаимодействие протекает в рамках сотрудничества и конкуренции.

Третья технологическая революция размыла границы государств и цивилизаций, и их взаимодействие в силу возможности закрыться от обмена информацией стало бо-

лее плотным, поскольку возникла необходимость компенсационных процессов, которые не позволили бы всем противоречиям перерасти в конфликт.

Так, среди большого количества идей стали востребованными в рамках вышеуказанных процессов идеи толерантности, терпимости, межцивилизационного и прежде всего межконфессионального диалога.

Анализ информационного поля печатных и электронных СМИ позволяет выделить ряд фигур, с которыми связывают данные идеи. И самой значительной из них, пожалуй, является фигура Ф. Гюлена.

Грань первая. Итак, Ф. Гюлен родился в 1941 году в Турции, он автор более 60 книг об исламе, в 2008 году американским журналом «Форин Полиси» и британским журналом «Перспектив» признан ведущим интеллектуалом мира.

Гюлен после окончания медресе в 1960-е годы проповедовал в Турции учение ислама, рассказывал об исламских традиционных ценностях, однако делал это не совсем традиционно.

В своих проповедях он использовал научный подход.

Поскольку использование данного инструментария было понятно большинству верующих, поэтому слушателями Гюлена были в основном студенты университетов.

Формирование взглядов Гюлена происходило под влиянием его отца, активного пропагандиста суфийского мировоззрения. Оказали влияние на Гюлена и труды Саида Нурси, а также идеологов мусульманства Хасана Басри, Джелаладина Руми, индийских и западных писателей, в частности, Бальзака, Гюго и Шекспира.

В своих проповедях Гюлен был не одинок, на стыке 1960–1970-х годов в Турции многие священнослужители, озвучивая идеи терпимости, толерантности, диалога с представителями других конфессий и национальностей, обращались к опыту Османской империи, где межрелигиозные отношения, по их мнению, были более гармоничны.

На протяжении 400 лет во времена Османской империи люди жили в мире. Население империи составляли не толь-

ко мусульмане, но и многочисленные представители других рас и религий. В те времена, до возникновения современных националистических идей, людям, несмотря на все различия, удавалось жить более мирно, чем в настоящее время.

В прошлом таких взглядов придерживались основоположники суфизма, последователем которых является Ф. Гюлен.

Сам Гюлен называет суфизм «путем совершенствования духовного мира, постижения Всевышнего, которому следуют суфии и приверженцы тасаввуфа. Тасаввуф представляет собой теоретическую сторону пути истины, а дервишество – его практическую сторону. Согласно мнению некоторых праведных людей, суфизм – это умерщвление Всевышним Господом нафса – собственного естества и эгоизма человека с последующим достижением особого обновления и прилива сил при помощи божественного света».

Переводя сказанное на светский язык, суфизм – воспитание «совершенного человека», свободного от мирской суеты, сумевшего возвыситься над негативными качествами души, чьи действия согласуются с божественным велением и беспрецедентным выбором. Все это или достижение этого предполагает постоянное усердие и самоконтроль с целью избавления от порочных нравов и ориентации на высшие моральные качества.

Среди основ суфизма Гюлен выделяет:

- слушание и понимание Слова Божьего, чтение и созерцание велений Всесильного и Всемогущего;

- преисполненность любовью Господней и взгляд на весь мир, как на «колыбель братства», отношение с добром ко всем и всему;

- альтруизм и по мере возможности предпочтение других себе;

- исполнение в первую очередь желаний Всевышнего, нежели своих;

- открытость к таким состояниям души, как ашк (страстная любовь), ваджд (экстаз), джазба (экзальтация), инджи-заб (влечение);

– чтение по лицу состояния человеческой души, постижение глубинного смысла и божественных тайн, сокрытых в событиях;

– довольствование жизненными уладами в законных пределах и даже в помыслах не стремиться выйти за пределы дозволенного;

– постоянную борьбу с мирскими амбициями и иллюзиями, которые ведут всех к убежденности о вечности мира;

– понимание того, что служение религии и спасение, в том числе и постижение людьми истины, возможны только через основы знания, непоколебимую веру, ихлас (искреннюю любовь и привязанность) и благоволение Творца.

К вышеперечисленным обстоятельствам Гюлен добавляет усвоение явных и сокровенных знаний и принятие опеки праведного наставника.

Как истинный богослов и проповедник Гюлен ориентируется во многих сферах человеческой деятельности. Он категоричен в оценках прогресса и духовной культуры и вполне мог бы быть духовным и идеологическим наставником нации.

Несколько цитат из гюленовских высказываний.

«Развитие и прогресс нации зависят от того, насколько хорошо развиты и воспитаны ее умы и сердца. Не имеет смысла ждать развития той нации, представители которой далеки от интеллектуального начала и не обрели свет внутри себя», – полагает он.

«Наивысшее достояние всякого народа – это духовная культура, мораль и нравственность, развившиеся в свете образования и воспитания. Народы, которые приобрели эти ценности, завладели оружием, способным покорить в духовном смысле весь мир, а также обрели бы волшебный ключ, который может открыть для них культурные богатства всего мира. И напротив, массы, не способные возвыситься при помощи такого воспитания и таких понятий, еще в первом раунде жизненных перипетий, с которыми им придется столкнуться в будущем, получают нокаут и окажутся перед очевидностью выбытия из дальнейшей борьбы цивилизаций».

Солидаризируясь во взглядах на прогресс и образование с западными гуманистами, он, тем не менее, видит выход в преодолении человеческого эгоизма не столько через прогресс, сколько через любовь.

«Мы испытываем большой дискомфорт, сталкиваясь с огромным числом порожденных на свет эгоизмом противоречивых мыслей, а также их представителями. Мы негодуем, ненавидим их и стараемся уничтожить их. Кого можем, того уничтожаем, а если не удастся этого сделать, то начинаем глумиться над честью и достоинством этих людей. Часто, имея источники информации или влияние на какие-нибудь СМИ, мы пускаем их в ход и пытаемся унижить этих людей, подвергаем их таким нападкам, которые хуже смерти.

Когда люди сталкиваются с подобным, их охватывает обида и хочется сказать: «Неужели теперь люди будут уничтожать друг друга, постоянно будут происходить столкновения, никто не будет от души радоваться друг за друга; люди не будут думать друг о друге, никто не протянет руку помощи обездоленному, никто не защитит угнетенных; люди не будут раскрывать друг другу души, никто не будет чувствовать себя в безопасности; судьбой мира будут править безрассудные палачи, которые думают о крови, говорят о крови и проливают кровь, и опять наступит эпоха тирании и тиранов...». Далее так продолжаться не может, а если будет продолжаться, то приведет к гибели человечества и потере общечеловеческих ценностей».

Исследование размышлений Ф. Гюлена свидетельствует о том, что он является одним из немногих богословов, кто стремится к диалогу и призывает к терпимости не только между мусульманскими религиозными сообществами, которые конфликтуют между собой, но и между мусульманами и представителями других религиозных конфессий.

При этом Гюлен прежде всего исламский богослов и проповедник. Он уверен в том, что диалог является естественным результатом исламской этики.

Ф. Гюлен действует в рамках озвученных идей и принципов. Подтверждением этому является его визит к папе римскому Иоанну Павлу II в 1997 году.

Несмотря на то что католический мир в 1962 году на Втором церковном съезде принял решение о развитии межрелигиозного диалога, далее создания совета для обеспечения этого диалога и поздравлений мусульман с их религиозными праздниками он не продвинулся. Нужен был ответный шаг, который и осуществил Гюлен.

Здесь следует учесть, что попытка наладить межконфессиональный, а следовательно, межцивилизационный диалог происходила и происходит под угрозой реализации хантингтонского прогноза о столкновении и войне цивилизаций.

Гюлен говорит не только о возможности диалога, но и об обязанности мусульман всего мира вести его, чтобы обеспечить более спокойный и безопасный мир.

За последние десятилетия в Турции значительно увеличилось число не столько прямых сторонников взглядов Гюлена, сколько людей, связывающих свое будущее, стабильность и безопасность с диалогом с другими конфессиями и даже цивилизациями, опираясь на одно из изречений Корана: «Люди! Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и династиями, чтобы вы узнавали друг друга...».

В Турции идеи Гюлена пользуются поддержкой не только данного сектора общества, но и турецких национальных и конфессиональных меньшинств. Так, большим авторитетом Гюлен пользуется у греческой православной церкви, с лидером которой – Варфоломеем – у него хорошие отношения с конца 1980-х годов.

Грань вторая. Обратимся к другой стороне мировоззрения Ф. Гюлена в контексте идей ислама. Ислам, который считал себя религией мира, стал ассоциироваться с убийствами и беспределом. Это притом, что мусульманское население на планете выросло до 1,5 миллиардов человек, живущих в 57 государствах, одно из которых является об-

ладателем ядерного оружия. Причем около 7 миллионов мусульман живут в США, более 38 миллионов – в Европе, не говоря уже о России, где ислам является традиционной религией, и к 14 миллиону коренных мусульман можно смело добавить 3 миллиона, временно пребывающих на ее территории.

Сколько процентов мусульман являются боевиками, статистика умалчивает, но образ боевика-мусульманина напугал весь мир. И этот имидж не способствовал нормальным отношениям мусульманского мира с остальным миром. Особенно от него страдали бизнесмены, которые работали, в частности, в России и США.

И, разумеется, необходимо понять, что в скором времени должны возникнуть компенсационные процессы, в основе которых будут противоположные по направленности идеи.

Но идеи не могут висеть в воздухе. Они вкладываются в уста выдающихся деятелей того или иного времени. Так, например, Чингисхану приписывают выражение о том, что «империю можно завоевать в седле, но управлять ей из седла невозможно». Хотя эти слова принадлежат его советнику китайцу Чю-цаю. Но кто знает, кто такой Чю-цай? Или в западной традиции известный афоризм о том, что «штык штука удобная, им можно решать многие задачи, за исключением одной, – на штыке неудобно сидеть», вложен в уста Наполеона, хотя был известен и до него.

На стыке XX и XXI веков идеи толерантности и межкультурного диалога объективно и субъективно связывают с личностью Ф. Гюлена. Как объяснить этот феномен? В философии на такой случай есть два подхода. Один из них говорит о том, что именно личность подвигает человечество или определенную его часть к трансформации сложившихся социальных институтов, другой свидетельствует об обратном. Личность лишь отражает конфликтность и противоречивость мира. Но осуществлять сие может только личность, способная адекватно отражать все, что происходит вокруг нас. И таковой оказалась личность Ф. Гюлена.

Безусловно, способствующим фактором было и то, что в мусульманском мире и, прежде всего, в мусульманских государствах со светскими основами в организации власти вырос и стал значительным слой образованных людей с либеральными идеями, в корне расходящимися во взглядах на организацию жизни и с секуляристами, и с фундаменталистами.

Могут ли не зажечь данный слой людей призывы Гюлена, констатирующего сегодняшнюю ситуацию в мире: «Нас захватили злоба и ненависть, мы часто гневным и мстительным взглядом смотрим друг на друга. В наших сердцах нет места для любви, но есть место для вражды, мы годами живем в неведении о волшебном действии любви. Злые мысли часто вызывают негативные эмоции. Разрушать все вокруг, уподоблять всех себе и оказывать давление на тех, кого мы называем «другими», стало для нас привычным. Большинство из нас живет эмоциями, несмотря на наличие разума и логики. Мы стремимся унижить тех, кто думает не так, как мы. Мы настойчиво следуем тому, что знаем, не задумываясь над тем, что у некоторых проблем могут быть иные пути решения, поэтому, пытаясь что-то созидать, мы, наоборот, разрушаем и разрушаем. Понять другую душу, от души и искренне выразить себя представляется архаичным и устаревшим...».

Ф. Гюлен связывает мудрость прошлого с настоящим: «Поэтому давайте в эти дни, когда мы, находясь на распутье, прислушаемся к голосам таких мудрецов, как Юнус, Руми, в чьих трудах отражается универсальный Божественный призыв, и от всего сердца скажем: «Да здравствуют любовь и братство!». Давайте покажем всему миру, что значит быть человеком во всей его красе! Давайте в эти дни, когда одержимость, злоба и ненависть охватывают мировое сообщество, еще раз призовем к любви и взаимопониманию! Давайте возвысим свою совесть до уровня, который бы соответствовал широте божественной милости и раскроем свои души для всех! Давайте избавимся от самооцен-

ки, подобно той, где мы видим себя каплей, обреченной на высыхание, и будем стремиться слиться с бурным потоком и превратиться в океан! Если мы люди, значит, в нас присутствуют гены пророка Адама, а в нашей сути содержится квинтэссенция истины Ахмада, поэтому давайте, восстав против дьявольских искушений, провозгласим на весь мир, что мы наместники на Земле, что мы призваны достичь небесных высот и в очередной раз покажем ангелам, что значит быть человеком! Давайте сделаем путь, по которому мы идем, светлым и приятным и будем идти по нему – рука за руку, душа в душу, обратившись лицом к Аллаху».

И, наконец, Ф. Гюлен показывает выход из сложившейся ситуации, которая не устраивает большую часть современного общества: «Если мы, заложив в мозг молодого поколения современные позитивные науки, а в сердца – духовные ценности, через призму истории, которую мы превратим в подобие прожектора в их сознании, сможем направить их взор в будущее, то поверьте, что даже малая крупинка, потраченная на этом пути, не пропадет даром! Не то чтобы станет бесполезной – она вернется к нам во много раз больше. Мы с уверенностью можем утверждать, что каждая копейка, потраченная на воспитание и образование молодого поколения, превратится в этих доблестных сердцах и воспитанных натурах в некий «источник доходов», и как народ мы обретем неиссякаемую кладезь для развития в будущем».

Правда, если говорить о межцивилизационном диалоге, то нельзя не рассмотреть еще один аспект проблемы. Любая идея, основанная на ценностях одной цивилизации, проникает к носителям другой через культурные фильтры.

Культуры как способы выживания отличаются друг от друга многими признаками, а сами признаки – результат выживания в определенных географических, климатических и политических условиях. Поэтому попытки перенести нормы одной культуры в другую для регулирования процесса выживания чаще всего обречены на неудачу. Глу-

бокий анализ свидетельствует, что там, где на первый взгляд эти нормы все же «приживаются», имеет место результат совпадения назревших потребностей общества, потребностей, не совсем еще осознанных и осмысленных с субъективными действиями по некоему переустройству, в основу которого положен опыт других культур.

Но даже в этом случае «прижившиеся» нормы, как правило, регулируют общественные отношения половинчато, либо данное регулирование распространяется только на часть общества.

Культуры выработали иммунитет, которым они спасаются и от внедрения инокультурных моделей развития. В праве это так нелюбимые юристами правовой нигилизм и система двойных стандартов в правоприменении. Однако и первое, и второе – защитная реакция традиционной среды на внедрение норм, призванных регулировать общественные отношения, выросшие на другой цивилизационной почве и не отвечающие потребностям определенной части общества.

Цивилизации в процессе взаимодействия всегда стремятся расширить свое основание, поскольку именно оно придает большую устойчивость в межцивилизационной конкуренции. И несмотря на то что попытки увеличить сегмент устойчивости цивилизаций существуют всегда, эффект они дают только в том случае, если потенциал цивилизации конкурента по каким-то причинам слабеет.

В 2009 году вышла книга Б. Джил Кэрролл «Диалог цивилизаций: исламское учение и гуманистический взгляд Гюлена», где сравниваются взгляды Гюлена и мыслителей Востока и Запада – Канта, Милля, Платона и Конфуция.

Почему же они столь стремительно распространяются?

А ведь вывод очевиден. Суфийское мировоззрение, которое находится в основе идей Гюлена, а еще больше – в деятельности его адептов, не содержит закона исключенного третьего, который на латыни звучит так: «*tertium non datur*», т. е. «третьего не дано». На самом деле

в социальном движении существует и третье, и четвертое, и пр. Гюленовский подход, назовем его так, более гибок в оценке ситуации, т. е. более адекватен. А следовательно, у последователей данного подхода меньшая вероятность ошибки при принятии управленческих решений. Это прекрасно чувствует та часть человеческого общества, которое называется образованным и удельный вес которого в мире становится все более значительным.

В заключение хотелось бы подвести итоги. Но, наверное, итоги будет подводить время, которое все расставит на свои места. Нам же нужно адекватно зафиксировать ситуацию.

Итак, проект под названием «Фетхуллах Гюлен» существует. Дивиденды от его реализации пытаются получить две цивилизации – мусульманская и североамериканская.

Ж. М. Грищенко, Д. В. Качанова

УЧЕНИЕ Ф. ГЮЛЕНА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Белорусский государственный университет, Минск

Ф. Гюлен является авторитетным лидером массового движения, имеющего огромное количество последователей и участников не только в Турции, но и в других странах. Характеризуя это движение, исследователи обращают внимание на его сетевую структуру, основанную на четырех основных направлениях человеческой деятельности: экономического предприятия, образовательного учреждения, издательской деятельности и радиовещания, религиозных собраний.

После событий 11 сентября 2001 г. появилась постоянно возрастающая угроза того, что ненависть к тем, кто совершил этот акт терроризма, распространится и на другие исламские организации и сообщества, далекие от воинствующих настроений. Существующая на Западе тенденция односторонне рассматривать различные направления ислама, без учета различий между фанатиками и умеренными, не является чем-то новым. Тем не менее, после террористической акции против Центра мировой торговли в Нью-Йорке риск смешения понятий увеличился еще более.

Сегодня очень много говорится о том, что противником исламистскому экстремизму может стать *либеральный и просвещенный* ислам. И в этом смысле такой международно значимый фактор, как учение Ф. Гюлена, базирующееся на умеренном прочтении ислама и универсалистско-этических взглядах в межрелигиозных отношениях, заслу-

живает того, чтобы обратить на него пристальное внимание исследователей, в том числе и мусульманского сообщества в Беларуси.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что Ф. Гюлена можно охарактеризовать как мусульманского философа, мыслителя и публициста. Его жизнь и труды представляют собой попытки переложить мысли и идеи того, что называют богословием, на систему понятий обычных людей нашего времени, применить их на практике. Если попытаться кратко и вместе с тем емко отметить, в чем состоит оригинальность Гюлена как мусульманского мыслителя, то здесь надо упомянуть следующие моменты.

Во-первых, Ф. Гюлен ясно и последовательно проповедует ислам, прежде всего, как *религию любви и милости*. Этим он отличается от традиционного исламского мейн-стрима, в котором принято обозначать суть ислама через принцип полного подчинения и поклонения Всевышнему. Ф. Гюлен, не отрицая важности и первостепенности поклонения, все же постоянно подчеркивает то, что именно любовь лежит в основе создания мира Аллахом и в основе посланничества благословенного пророка Мухаммеда. Возможно, именно это обстоятельство заставило многих утверждать, что Гюлен проповедует христианство. Действительно, исламская мысль вплоть до последнего времени оперировала понятиями «божественной справедливости» и «божественной милости», которые не считались адекватными традиционному пониманию любви. Но в процессе развития христианско-исламского диалога многие мусульмане осознают, что их ключевые этические понятия соответствуют тому, что обозначается словом любовь. Не зря важнейшими принципами учения Ф. Гюлена вместе с тем являются *самодисциплина и диалог* [1, с. 49]. Если первая заповедь (самодисциплина) находит непосредственное проявление в пределах национального сообщества, то «диалог» выходит за рамки Турции, что означает терпимость и умеренность по отношению к немусульманским группам. Из

этого принципа вытекает принципиальное неприятие Ф. Гюленом насилия и терроризма. По его собственным словам, он ненавидит одного человека в мире – Усаму Бен Ладена, который опозорил светлый лик ислама.

Во-вторых, важный аспект мировоззрения Ф. Гюлена заключается в том, что мыслитель однозначно не приемлет *«политический ислам»* и в целом – слишком тесную привязку ислама и политики. Не секрет, что в современной мусульманской среде бытует утверждение о том, что ислам – не только религия, но и образ жизни (что верно), и вытекающее отсюда утверждение о том, что ислам есть не только религия, но и политическая доктрина. Гюлен однозначно показывает неверность и порочность такого *механического* связывания религии и политики. Он пишет о том, что те, кто принимают ислам как политическую идеологию, обычно делают это по причине личного негодования или враждебности. Мы должны положить конец подобной практике и основывать свои поступки на исламе как религии. Мусульмане должны прекратить действовать из идеологических или политических соображений и прикрываться при этом исламом, а также выдавать свои желания за идеи.

Ислам, в понимании Гюлена, не толкует о «бытии», а о «становлении» *морального* человека путем *интернализации* модели мусульманского, совершенного человека. Таким образом, для него важен процесс становления человека, его «спасение и «очищение». Гюлен стремится вдохнуть жизнь в исламскую традицию в соответствии с современными требованиями, вызовами модернизированного общества. Идентичность должна быть реализована на практике и интерпретирована на основе новых межкультурных вызовов. Поскольку ислам для Гюлена является Конституцией нравственности и самобытности, он подчеркивает роль *образования* для формирования, становления себя.

По мнению Ф. Гюлена, именно неоправданная политизация религии ислама и привела в значительной мере к сегодняшнему противостоянию мусульманского мира и За-

пада, к тому, что на Западе сложилось искаженное видение ислама, понимание его, прежде всего, как политической системы. Гюлен указывает на то, что многие мусульмане, даже сведущие и образованные, верят, что Запад стремится подорвать основы ислама самыми хитрыми и изощренными способами. Постепенное «превращение» ислама в идеологию конфликта и противодействия, или партийную идеологию, заставило людей с подозрением относиться к исламу и мусульманам [5].

Именно необходимостью преодолеть негативные последствия *политизации ислама*, выражающиеся в том, что между ним и остальным миром возникает противоречие и непонимание, объясняет Гюлен и практическую значимость *диалога* религий и цивилизаций, который занимает важное место в его мировоззрении.

Движение Гюлена не стремится к отрицанию или бросанию вызова процессам модернизации. Скорее, оно демонстрирует, каким образом правильно задуманный мусульманский проект можно утверждать и далее – наиболее важные результаты, такие, как формирование сознательного актора, который имеет на вооружении набор религиозных и светских знаний. Современность для Гюлена предлагает новые ресурсы для возобновления исламского сознания и присутствия мусульман в новой общественной деятельности.

Идеи о необходимости мистического и одновременно соответствующего критериям современной мысли и науки религиозного пути в исламе Гюлен значительно расширил. Он говорит не только о единстве и неразрывности *научного и религиозного опыта*, но также и о необходимости морально-нравственного воспитания, необходимости получения естественно-научных знаний, причем последним отдается даже определенный приоритет. Хотя философу в Турции приписывали действия, являющиеся угрозой для секулярного строя государства, именно Гюлен развивал мысли о сосуществовании секулярного строя и религиозно-

просветительской деятельности, соответствующие как духу времени, так и особенностям секуляризма. Кроме того, у Гюлена речь идет о первичности морального и этического воспитания безотносительно какой-либо религии. Ислам, хотя и важная константа для традиционно мусульманских обществ, но всего лишь одна из опций религиозного содержания морали и этики. Подобного рода **«образовательный ислам»** рассматривается и как альтернатива пресловутому «политическому исламу».

Его цели заключаются в том, чтобы **обострить мусульманское самосознание**, углубить смысл идиомы общей **практики** и общества для **расширения возможностей** для исключенных социальных групп с помощью **образования** и довести справедливое и мирное решение социальных и психологических проблем современного общества. Гюлен как **социальный новатор** основное внимание уделяет общественной сфере более, чем частной, и стремится превратить ислам и исламские практики в **социальный капитал** [1, с. 87].

Такой универсалистско-этический подход и стал идейной основой для формирования того, что принято называть движением Ф. Гюлена. Деятельность организаций, интегрирующих людей, разделяющих идеи Гюлена, можно назвать движением Ф. Гюлена. Однако это движение не имеет никакого политического смысла. Его идейным стержнем стал принцип «хисмет» **практической работы**, служения обществу в разных формах – как еще одно поклонение Всевышнему [4, с. 206].

Сам Ф. Гюлен (ходжаэфенди) не считает правильным, когда его называют лидером некоего движения. Действительно, понятие «движение Гюлена», или «фетхуллахчи» (на турецком языке), является скорее внешним, используемым исследователями для обозначения того, что ныне представляет собой транснациональный социокультурный феномен, который связан с личностью и учением Ф. Гюлена. У движения нет строго и четко выстроенной структуры, верховного руководства во главе с харизматическим и еди-

нолично принимающим решения лидером. Движение Ф. Гюлена правильно было бы определить как транснациональную социальную сеть, основывающуюся на инициативе входящих в нее лиц и организаций, общим для которых является то, что они разделяют в той или иной мере идеи и принципы, проповедуемые Ф. Гюленом, а вовсе не реализуют некие мифические указы ходжаэфенди [4, с. 317].

Помимо школ, открытых во многих городах Турции, приверженцами учения Гюлена были основаны учебные заведения почти во всех странах мира (кроме таких стран, как Иран, Саудовская Аравия, Северная Корея, Китай). Подход к организации образования, независимо от религиозной принадлежности учеников, свойственен всем учебным заведениям, открытым приверженцами учения Гюлена.

Наиболее заметной и, можно сказать, ключевой организацией в движении Ф. Гюлена является Фонд журналистов и писателей. Этот фонд показал пример создания центров диалога по всему миру, и деятельность, подобная деятельности фонда, осуществляется в разных странах разными организациями. Именно Фонду журналистов и писателей принадлежит инициатива формирования платформы культурно-гуманитарного «Диалога Евразия», который проводит различные программы и конференции на территории Евразии, в том числе и в Беларуси, а также издает ежеквартальный журнал с тем же названием. Особенность и уникальность движения Гюлена состоит в том, что оно, разившись сегодня в универсалистское течение, тем не менее, сохранило свой изначальный анатолийско-мусульманский колорит с откликами из Османской империи. При этом последователи Гюлена первые из мусульманских движений привлекли к диалогу и общению представителей не только авраамических религий, но индуизма, буддизма, а также неверующих.

В Турции и за ее пределами Ф. Гюлен известен среди религиозно умеренных и прогрессивных мусульман в связи с большим количеством *образовательных учреждений*,

построенных им и его последователями. Это воспитательная работа началась в начале 1980-х гг. в Турции. К 1999 г. его последователи основали около 150 частных школ, 150 образовательных центров (*dershanes*) (к настоящему моменту их насчитывается около 1000), которые предлагают дополнительные курсы и имеют значительное число студенческих общежитий. В начале 1990-х гг. это движение начало расширять свою деятельность за пределами Турции. К 1997 г. в данные учебные заведения почти во всех частях мира поступили более чем 26500 студентов, вдохновленных идеями Гюлена (к настоящему моменту их насчитывается 6–7 млн человек) [7]. Отличительной чертой этих школ является то, что они не изучают религию, хотя религиозная вера является основным мотивом для их создания. Напротив, они делают акцент на преподавании этики, которая рассматривается как объединяющий фактор между различными религиозными, этническими и политическими ориентациями.

Участие в образовательном секторе имеет несколько важных последствий. Как показали исследования, образование является важным средством для создания **социального капитала**, а также одним из наиболее значимых, прогностических факторов политической и социальной деятельности. Образование, таким образом, может создать социальный капитал, что важно в процессе построения гражданского общества. Споры о движении Гюлена основываются на широко распространенном мнении о том, что образование – необходимое средство социальных изменений, и подтверждают тот факт, что школы Гюлена дают **качественное образование**, которое является шагом в карьере во всех слоях общества. Гюлен стремится использовать современное образование, чтобы остановить процесс упадка в мусульманском мире. Он хочет создать **образованные элиты**, «исламские умы» в целом и в турецкой нации в частности. Его философия образования появилась из социального контекста и изменений социальных и политиче-

ских условий. Образовательные учреждения Гюлена являются частью исламского просветительского движения, их акцент должен быть сделан на *преподавании* [1, с. 185]. Создание школ было обусловлено желанием следить за состоянием учебной программы. Что касается Турции, то в школах Гюлена преподавать религиозные курсы разрешалось только один час в неделю, а в турецких учреждениях за рубежом преподавать религию запрещено вообще.

Гюлен всегда был увлечен созданием «современного мусульманина», т. е. человека, погруженного в систему этических ценностей ислама и обладающего всесторонним образованием во всех отраслях современных знаний. Объединив ислам с идеей всеобщего образования, он придал образованию новый смысл, который вполне можно охарактеризовать как развитие исламской этики в области образования, которая стремилась бы устранить пробел между светским и религиозным характером образования. Он прекрасно понимал важность науки для будущего, поэтому наука и религия были взаимосвязаны в его понимании.

Первый шаг к развитию исламской этики образования в движении Гюлена был сделан в 1980-х гг. Ф. Гюлен не ограничивался реализацией своих идеалов образования только в исламских кругах, он хотел распространить их на все современное общество. Для него было очень важно воспитывать новые элиты. Гюлен считал, что только такая образованная элита сможет стать реальной силой в формировании нового общества, т. е. он верил, что бюрократы или предприниматели могли бы сделать больше, чтобы изменить общество, чем проповедники, поскольку доминирующая, религиозная часть общества была настолько маргинальна, что не в состоянии влиять на общество. Его сторонники утверждали, что этот стиль образования являлся ответом на вопрос о том, как Турция, в частности, может сохранить свою *идентичность* в глобализованном мире. В этом контексте он увидел и представил образование как *средство разрешения конфликтов*, как мост между людьми

ми в пределах и за пределами Турции. Последователи движения утверждают, что тот, кто имеет сильное чувство идентичности, основанное на знаниях, не боится контакта с другими людьми. Таким образом, национальная и религиозная идентичность не противоречит участию в процессе глобализации.

Гюлен пытается выполнить три основные цели: 1) повысить мусульманское сознание; 2) пересмотреть связи между наукой и религией, чтобы опровергнуть доминирующий интеллектуальный дискурс материализма и позитивизма; 3) восстановить коллективную память путем пересмотра общей грамматики общества, ислама. Его ключевые понятия в области образования являются средствами достижения этих целей и общей цели создания «золотого поколения», вооруженного инструментами науки и религии [1, с. 213]. Метафорическое понятие «золотое поколение» является описанием будущего поколения, которое будет образованным во всех отношениях.

Одна из главных характеристик образовательного процесса – вера, которая показывает верующим их цели и учит их ответственности за свои деяния. Гюлен считает, что только с верой наука может быть применена выгодным способом для человечества, поскольку вера учит людей, что хорошо и что плохо. Для достижения цели построения метафорического «золотого поколения» учителя выполняют самую важную роль. Они являются теми, кто мотивирует быть хорошим и, следовательно, служить исламу. Учителя обязаны наполнить науки мудростью так, что она будет применяться полезным способом для общества. Предоставление образования и особенно преподавания в этом контексте становится святым долгом учителя. Это основание является важным мотивом для людей, избирающих эту профессию.

Кроме того, поскольку исламское образование доступно тем, кто хочет его получить, Гюлен и его последователи признают, что даже без явного преподавания ислама их

школы служат исламу, так как выступают источником знаний. С точки зрения Гюлена, само знание становится исламским смыслом, когда оно передается от учителя, обладающего исламскими ценностями. «Учителя со знаниями» выступают в качестве моделей для своих студентов. Они показывают, как совместить ислам с наукой и, будучи хорошими учителями, учат других, в том числе немусульман, что мусульмане – хорошие люди и тем самым служат исламу [7].

Движение Ф. Гюлена, положившее начало национальным ориентациям, было успешно вовлечено в мировую образовательную деятельность, которая поощряет национальную самобытность стран. Ф. Гюлен понимает, что изоляция не является решением проблем для Турции, а скорее, наоборот, – причины этих проблем следует искать в самой Турции. И в образовании он видел конструктивную роль решения данных проблем. Современный мир, по мнению Гюлена, нуждается в обмене идеями, а также в индивидуальной потребности национальной идентичности. Гюлен видит *глобализацию* и *национальную ориентацию* как *взаимозависимые* явления. В практическом смысле эта взаимозависимость означает, что государство должно не только открыть себя миру, но и сохранить свою национальную идентичность [1, с. 163].

Два ключевых понятия преобладали в дискурсе Гюлена: *терпимость и диалог*. Что касается Османской империи, то, практикуя принцип толерантного ислама, 10 миллионов турок были в состоянии управлять 250 миллионами человек, живущих на трех континентах. Он понимает терпимость как сотрудничество между различными общественными группами и как сотрудничество на международном уровне на основе общих ценностей [1, с. 172], а толерантность описывает как основной атрибут ислама в целом и турецкого народа в частности. Он поддерживает диалог с другими нациями. Несмотря на всяческую готовность принять различные религиозные группы, учителя в школах Гюлена остаются благочестивыми мусульманами

с исламской национальной идентичностью, выступающей в качестве основы для их терпимости. Такой подход позволяет движению действовать в самых разнообразных обстоятельствах, так как различия других не являются проблемой до тех пор, пока члены могут оставаться верными своим собственным ценностям. Это отношение и способность движения объединить исламские цели с этической составляющей делают возможным рассматривать его педагогическую деятельность приемлемой для многих народов за пределами Турции.

Таким образом, движение разработало свою собственную **трудоую этику образования**. Прежде всего, Гюлен призвал своих последователей к поддержке надежного, религиозного воспитания молодежи. Турецкий мыслитель рассматривает образование в качестве средства для усвоения этических ценностей. Движение было ответом на социальные и экономические волнения современного мира, оно пытается найти место для мусульман в глобализованном мире. С помощью образования последователи движения хотят воспитать специальный класс, который смог бы объединить ислам с требованиями современного общества. Они нашли свой вариант исламской современности, который является одним из многих возможных принципов модернизации современного общества [1, с. 168].

Турецкие образовательные учреждения существуют в 120 странах мира. Общеизвестно, что замысел таких учебных заведений принадлежит турецкому исламскому ученому Ф. Гюлену. Образовательные учреждения – школы, лицеи, университеты – вписаны в сеть более крупного движения. Их деятельность финансово обеспечивается организациями экономического характера и поддерживается масс-медиа. Заложена Гюленом новая система образования стала важной в двух отношениях: во-первых, с точки зрения ее **социального аспекта**, во-вторых, с точки зрения **качества образования**.

Ранее образование являлось областью, в которой действовала только просвещенная группа людей. Большие мас-

сы общества не были допущены к участию в этих дискуссиях. Область образования была расценена как слишком важная, чтобы доверить ее широкой общественности. На самом деле «низы общества» никогда не рассматривались в качестве соисполнителей каких-либо ролей в политических, образовательных или социально-культурных проектах. Ф. Гюлен оспаривает эту точку зрения и элитарный характер ее сторонников. Он утверждает, что такая перспектива отталкивает людей от образования, политики и государства.

Гюлен рассматривает и определяет содержание образования как самую большую проблему не только Турецкой Республики, но и современной цивилизации. Он считает, что образование человечества является основой веры. В основе современного кризиса образования лежит фрагментация некогда гармоничной связи сердца и ума в области образования и научного мышления. За последние несколько веков современная научная мысль и образование приобрели социальный и идеологический характер, лишая сам процесс и мирские объекты своей святости и приписывая их позитивистской природе. Эта ситуация привела к коррупции и духовному кризису, свидетелем которого в настоящее время является современное общество. Одним из нововведений, разработанных Гюленом, является его целостное мировоззрение в отношении взаимосвязи между человеком, космосом и Богом, а именно гармоничное единство ума и сердца [1, с. 216].

Кроме того, школы Гюлена изменили понимание образования как слепого повторения, которое было основано на запоминании определенных закономерностей. Современная система образования многих стран по-прежнему в основном зависит от запоминания. Она находится под игмом формальной логики во многих областях. Образовательные программы в школах Гюлена созданы на основе математической и экспериментальной логики – прогрессивном методе, который базируется не на запоминании или повторении. Они привнесли новый динамизм в сферу образования, из-

менили отношение к нему, улучшили и выделили обучение студентов по всем предметам.

Еще одним важным событием были отношения ученик–учитель, школа–родитель и студент–студент. Школы содействовали эмоциональным, искренним, сердечным отношениям между всеми субъектами образовательного процесса. С этой точки зрения школы воспроизводили подлинные и позитивные отношения в семье, на улице, в узком сообществе, адаптировали эти отношения к современным условиям. Они реконструируют самоотверженный образ индивида быть «лицом общества». В эпоху процветания эгоизма и материализма это движение остается актуальным. Достижения в сфере образования в этическом аспекте выдвигают профессию учителя, преподавателя на первый план. В свою очередь Гюлен разделял понятия образования и обучения. Большинство людей могут быть учителями, но количество педагогов, воспитателей весьма ограничено. Разница между ними заключается в том, что хотя оба – учитель и воспитатель – распространяют информацию и прививают определенные навыки, но педагог – это тот, кто имеет **возможность оказать содействие** в проявлении студентов как **личностей**, которые способны мыслить и размышлять, кто формирует характер и позволяет студентам приобрести качества самодисциплинированности. Каждый из таких педагогов становится **«послом культуры»**, формируя тем самым исторический мост, предполагающий сотрудничество стран и возможность создания и улучшения отношений на широкой гуманной и социальной основе [1, с. 205].

Литература

1. *M. Hakan Yavuz*. Turkish Islam and the Secular State. The Gulen Movement/ M. Hakan Yavuz, John L. Esposito. – Syracuse: Syracuse University Press, 2003. – 280 p.
2. *Mardin, S.* Religion and Social Change in Modern Turkey: The Case of Bediuzzaman Said Nursi/ S. Mardin. – New York: State University of New York, 1989. – 326 p.

3. *Saritoprak, Zeki*. An Islamic approach to peace and nonviolence: A Turkish experience/ Saritoprak, Zeki. – New York: The Muslim World, 2005. – 428 p.
4. *Thomas, S. J.* Sufism and modernity in the thought of Fethullah Gulen/ Michel, Thomas S. J.– New York: The Muslim World, 2008. – 358 p.
5. *Акман, Н.* Ислам и террор несовместимы/ Н. Акман. – 2007. – Режим доступа: <http://ru.fgulen.com/content/view/2213/18/>. – Дата доступа: 23.11.2010.
6. *Гюлен, Ф.* Очерки, перспективы, мнения / Ф. Гюлен. – М.: 2006. – 141 с.
7. *Емельянова, Н. А.* Частные школы в турецкой образовательной системе [Электронный ресурс] / Н. А. Емельянова. – М.: Ин-т востоковедения, 2009. – Режим доступа: <http://ru.fgulen.com/content/view/2269/18/>. – Дата доступа: 23.11.2010. Казанский гос. мед. ун-т, 2008. – 103 с.
8. *Карпат, К.* Политизация ислама. Реконструкция национальности, государства, веры и сообщества в последние годы Османской империи/ К. Карпат. – Оксфорд: Oxford University Press, 2002. – 544 с.
9. *Киреев, Н. Г.* История Турции. XX век/ Н. Г. Киреев. – М.: Крафт, ИВ РАН, 2007. – 605 с.
10. *Мухарямова, Л. М.* Турецкие школы в российской образовательной системе: социологический анализ/ Л. М. Мухарямова. – Казань, 2009. – 115 с.
11. Официальный Интернет-портал Ф. Гюлена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fgulen.com. – Дата доступа: 09.10.2010.
12. Официальный Интернет-сайт журнала «Новые Грани» [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: www.noviyegrani.com. – Дата доступа: 13.02.2011.
13. *Сюкияйнен, Л. Р.* Религия, право и исламская мысль в современной Турции/ Л. Р. Сюкияйнен. – 2009. – Режим доступа: <http://ru.fgulen.com/content/view/2268/18/>. – Дата доступа: 23.11.2010.
14. *Холл, С.* Формирование современности/ С. Холл, Б. Гибен. – Оксфорд: Basil Blackwell, 1992. – 187 с.
15. *Элиас, Н.* Принятые и Чужие. Социологическое исследование проблем сообщества / Н. Элиас, Дж. Л. Скотсон. – Лондон: Sage Publications, 1994. – 260 с.
16. *Явуз, М. Х.* Лицо политического ислама в Турции / М. Х. Явуз. – Оксфорд: Oxford University Press, 2003. – 205 с.

А. А. Легчилин, И. М. Клецкова

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. ГЮЛЕНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Белорусский государственный университет, Минск

Ф. Гюлен и Беларусь. Что может объединять совершенно разные по географическим координатам представителя культуры Турции в лице Ф. Гюлена и белорусское интеллектуальное пространство? На первый взгляд, действительно, почти ничего общего. Совершенно разные культуры, отличные социальные системы, вероисповедания и, наконец, разделяющее материковое пространство.

Однако Г. Гегель в своей «Философии права» в начале XIX века, несмотря на то, что восточную действительность того времени он знал скорее по описаниям, все же, на наш взгляд, очень точно подметил одну важную особенность и ценность культуры как таковой. Приведем почти полностью из данной работы § 20, чтобы не нарушать контекст его мысли относительно феномена ценности культуры: «Рефлексия, обращенная на влечения, представляя, оценивая, сопоставляя их друг с другом, а затем с их средствами, следствиями и с целостным их удовлетворением – со счастьем, вносит в этот материал формальную всеобщность и очищает его таким внешним способом от его грубости и варварства. В этом выявлении всеобщности мышления и состоит абсолютная ценность культуры. В идеале счастья мысль уже обладает властью над природной силой влечений, так как она уже не удовлетворяется минутным счастьем, а требует его полноты. Это постольку связано с культурой, поскольку и она требует всеобщего. В идеале счастья

заклучены два момента: во-первых, всеобщее, которое выше всех особенностей; но так как содержание этого всеобщего опять-таки лишь всеобщее наслаждение, то здесь вновь выступает единичное и особенное, следовательно, конечное и приходится возвращаться к влечению» [1, с. 83].

Таким образом, мы хотим подчеркнуть, что в культуре, помимо единичного, особенного, всегда присутствует всеобщее, которое, по-видимому, и притягивает разное единичное друг к другу. И в этом смысле те идеи Ф. Гюлена, с которыми ознакомилась, прежде всего, интеллектуальная элита Беларуси (писатели, ученые, общественные и государственные деятели), оказались очень созвучны нашей ментальности и в каком-то смысле общей направленности духовного развития нашей страны.

На это обратил внимание председатель Союза писателей Беларуси Н. И. Чергинец в предисловии к изданию на русском языке книги Ф. Гюлена «Диалог и толерантность»: «Как и просветители белорусской земли – светочи православия, Гюлен, популяризируя сложные вопросы исламской теологии, использует язык, понятный современному светскому читателю – не только мусульманину, но и каждому, кого интересуют основы исламского вероучения. Писатель представляет ислам в контексте современной глобальной цивилизации, зримо показывая, что эта религия не противоречит тенденциям к межличностному и межрелигиозному согласию, а, наоборот, гармонирует с ним» [2, с. 8]*.

И в самом деле, кто станет возражать в среде здравомыслящих людей сложного, противоречивого мира против идей, высказанных современным турецким мусульманским мыслителем по теологическим, культурным, нравственно-духовным проблемам, затрагивающим весь современный мир, особенно после 11 сентября 2001 года. Начало XXI столетия отмечено появлением очень опасного термина – «столкновение цивилизаций». Сегодня, пожалуй, нет со-

* В 2011 г. в Турции в переводе на турецкий язык издана книга Н.И. Чергинца.

циально-гуманитарной темы более актуальной, назревшей и одновременно столь широко обсуждаемой, чем диалог культур и цивилизаций. Ее общие параметры и отдельные конкретные аспекты – культурологические, политические, религиозные, научные – стали предметом рассмотрения и изучения многими международными и национальными организациями на разных уровнях во всех регионах.

Год от года проблема противостояния цивилизаций и культур становится все злободневнее. Мы сталкиваемся с ней практически каждый день. Сегодня вопросы межкультурного разлома вышли на первый план. Некоторые эксперты приравнивают угрозу межкультурного раскола к таким вызовам, как опасность международного терроризма и распространение оружия массового поражения. Особое беспокойство многих ученых и политиков вызывает фактически начавшаяся «холодная война» между Западом и исламским миром. Подобных проявлений становится с течением времени все больше, а острота конфликтных ситуаций нарастает.

Попробуем разобраться, на чем основываются подобного рода утверждения, которые характеризуют нашу современность.

Прежде всего, изменились традиционные соотношения индивидуума и общества. Ранее, т. е. в начале нового времени, семья, деревня или племя представляли собой наиболее ценные независимые «группы выживания» для индивидуумов. С развитием национального государства и усложнением социальной организации семейные и племенные отношения утрачивают свою важность, поскольку социальные отношения становятся более сложными и основанными на все удлиняющихся цепочках взаимозависимостей. Автономность индивидуума менее выражена в общественной группе, где преобладают семейные или племенные отношения, чем в общественной группе, интегрированной в национальное государство. Существует большое различие между тем, что означает быть индивидуумом – самим

собой – в современной среде, где преобладающую роль играет социально-общественная интеграция, осуществляемая под эгидой национального государства, и тем, что значит быть им в локальном сообществе, семье или племени.

Коснемся еще одного аспекта проблемы цивилизаций, а именно феномена глобализации. В социальном, политическом и экономическом плане Запад, хотя и является во многом источником глобализационных процессов, но и сам испытывает угрожающее воздействие со стороны некоторых проявлений глобализации. Вследствие проницаемости границ возрастают потоки людей из бедных стран в богатые, формируются не интегрированные в устоявшуюся культуру сообщества иммигрантов, благодаря чему возрастает угроза экономической, экологической, медицинской и даже физической безопасности. Все это резко увеличивает разрыв между странами, более контрастными становятся барьеры цивилизации.

Развивается международная тенденция гомогенизации культур, которая находит выражение в отказе от традиционного образа жизни или его разрушении в результате урбанизации. При этом локальные культуры ощущают создавшуюся ситуацию как маргинализацию собственных смысловых границ, сужение выбора в отношении своего будущего или даже как угнетение и уничтожение. Следствием этого неизбежным оказывается ответ посредством более энергичного утверждения своей исконной самобытности. Причем, часто это происходит в резко радикальной форме, что также подпитывает поляризацию цивилизации. Употребление таких выражений, как «исламский терроризм» на Западе и «современные крестоносцы» в мусульманском мире – это не просто пример оборота речи, это выражения, за которыми стоят вполне реальные идеологемы, которые усугубляют взаимную враждебность между цивилизациями.

Еще один важнейший компонент духовной составляющей современных форм цивилизации – это религии, роль

которых невозможно переоценить. В период между серединой XIX и до середины XX столетия многие интеллектуальные и политические элиты полагали, что процесс модернизации подавит жизнеспособность религии. Но в последние десятилетия почти каждая великая мировая религия опровергает это предположение и все более заметно играет ту или иную политическую роль. Кризис светских духовных ценностей приводит к тому, что многие сообщества одобрительно относятся к возрастающей роли религии в общественной жизни. В большинстве случаев эта поддержка выражается в неагрессивной форме, продолжая существовать в мире, который, по мнению многих, все больше становится враждебным к вере и верующим. Однако незначительная часть движимых религиозными мотивами групп участвует в насильственных акциях.

Крайне важно признать, что ни одна мировая религия не попустительствует убийству невинных людей и не одобряет его. Все они проповедают идеалы сострадания, справедливости и уважения величия жизни. Однако во многих конфликтах, вспыхивавших в разных частях мира, религия использовалась для оправдания нетерпимости, насилия и даже лишения жизни. Значительное число насильственных и террористических актов, совершенных радикальными группами, сопровождалось религиозной риторикой. Из-за подобных примеров некоторые воспринимают ислам как религию с изначально присущей ей идеей насилия. Такие убеждения углубляют разделение между народами и усиливают опасную взаимную враждебность между обществами.

На самом деле, несмотря на исторические периоды напряженности и столкновения, выгодная торговля, сотрудничество и взаимное познание были отличительными чертами отношений между христианством, исламом и иудаизмом со дня их основания и до настоящего времени. В средние века исламская цивилизация была крупным источником инноваций, получения знаний и научного прогресса, которые содействовали возникновению Возрождения и Просве-

щения в Европе. Исторически при мусульманском правлении евреи и христиане в значительной степени пользовались свободой вероисповедания. Многие из них добились высокого политического положения, причем в различные периоды истории евреи находили убежище в мусульманских империях, дабы избежать дискриминации и преследования. Аналогичным образом, в последние столетия политические, научные, культурные и технологические достижения на Западе оказали влияние на многие аспекты жизни в мусульманских обществах, и многие мусульмане стремились эмигрировать в западные государства отчасти потому, что там имелись политические свободы и экономические возможности.

Следующий источник культурного противостояния – это вызовы миграции. Почти каждое государство является как страной происхождения, так и страной назначения для мигрантов. В мире с проницаемыми границами, быстро развивающимися средствами транспорта и коммуникаций, глобализированной экономикой разным народам суждено взаимодействовать через постоянную миграцию, которая порождает новые вызовы, особо остро дающие о себе знать в принимающих странах. От того, как этот динамичный процесс описывается в СМИ, обсуждается политическими и культурными элитами и управляется лидерами, будет зависеть, станет ли население смотреть на увеличивающееся разнообразие как на источник силы или как на угрозу.

Немаловажную роль в этих процессах играет гендерный дисбаланс. Прогресс в достижении гендерного равенства по-прежнему происходит во многих частях мира сравнительно медленно: из миллионов детей, которые не ходят в школу, 70% составляют девочки, из миллионов взрослого населения, не умеющего читать, на долю женщин приходится две трети, а из миллиарда человек, живущих в нищете, доля женщин и девочек составляет три пятых.

Мировое сообщество предприняло попытку разорвать этот порочный круг культурного отчуждения. Сегодня все

более остро осознается необходимость такого подхода к противоречиям современной жизни, когда она рассматривается как потенциально совместимое поле смыслов, выявленных в результате диалогического взаимодействия ценностных систем, основанных на *различных* принципах. Каждая из этих систем является основой построения цивилизованной жизни.

Налаживание равноправного конструктивного диалога между Западом и Востоком возможно лишь в том случае, когда сама идея равноправия становится не декларацией, а осознанной позицией, предполагающей возможность существования различных моделей цивилизованности и различных ценностных оснований этой цивилизованности. Именно тогда равноправие диалога будет осознаваться как взаимное понимание сторон, а не стремление обратить другого «в свою веру». В эпоху глобализации культурные различия становятся все более очевидными. Это во многом объясняется тем, что в условиях универсализации экономики, растущей взаимосвязанности государств (в силу облегчения коммуникационных и информационных контактов) небольшие государства и нации стремятся сохранить свою самобытность и самостоятельность, определяя собственную идентичность через артикуляцию своей уникальности, находящую выражение, прежде всего, в культурно-религиозной неповторимости.

В этом контексте необходимость наведения мостов между сообществами, содействия диалогу и понимания существующих в мире диспропорций никогда не ощущалась так остро. Разнообразие цивилизаций и культур является основополагающим элементом человеческого общества и движущей силой прогресса человечества. Цивилизации и культуры представляют собой огромное богатство и наследие человечества, в их природе заложена способность продуктивно взаимодействовать и развиваться, ориентируясь друг на друга. Отказ от представления об иерархии культур, идея множественности и равноценности культур,

осмысленная еще в XIX веке, приобретают сегодня все большую актуальность. История цивилизаций фактически является историей взаимного заимствования и постоянного плодотворного взаимообогащения.

Знакомясь с трудами Гюлена, его интервью, начинаешь понимать, что он не автор каких-то новых взглядов, теорий, интерпретаций Бога, мира и человека. Он постигает то, что есть, ибо то, что есть, и есть разумное. Он не выходит за пределы современного мира и не пытается перепрыгнуть через свою эпоху. Если же он и его взгляды, в самом деле, выходят за пределы существующей действительности, если он идеализирует и конструирует мир, каким он должен быть, то этот мир – не столько продукт его мышления, сколько желание и стремление изменить эту действительность. Жизнь нельзя изменить без ее идеальных красок, как говорится, серым по серому ее заново не напишешь.

Имя Ф. Гюлена в лучшем случае известно востоковедам, некоторым философам, но широкой аудитории оно ни о чем не говорит. Но имя этого человека (как его труды и идеи) должно стать достоянием всех людей доброй воли, как и предыдущих парадигмальных мыслителей прошлых эпох, принадлежащих к разным культурам и этносам. Для современного читателя Гюлен интересен, прежде всего, тем, что он предлагает тот образ мира современного исламского мыслителя, который прежде нам был недоступен и который позволяет эксплицировать основные положения его философии, переведя саму идею межцивилизационного диалога из области прекрасной иллюзии в сферу, как минимум, рефлексивного освоения.

Идеи диалогизма как ключевой характеристики человеческого бытия и принципа существования культуры в целом исследуются в европейской традиции особенно подробно с 70-х годов XX века в связи с активным освоением творческого наследия русского философа М. М. Бахтина. Важнейшим положением диалога этот русский философ полагает *добровольность* диалогического взаимодействия,

происходящего в результате свободного выбора субъекта в пользу диалога. Далее необходимо говорить о равноценности участников диалога, что собственно и составляет сущность диалогического взаимодействия. При этом основанием для осуществления диалога является осознание общности ценностного поля, благодаря которому, собственно, и оказывается возможен диалог [3, с. 81]. Подобного рода краткая реконструкция идей диалогизма позволит нам сделать попытку экспликации ключевого, как нам видится, для Гюлена понятия «диалог».

Прежде всего, диалог понимается Гюленом как процедура общения. Это «процесс общения двух или нескольких людей в связи с определенной темой, в результате чего между ними происходит общение» [4, с. 86]. Однако не следует упрощать гюленовскую интерпретацию сущности диалогического взаимодействия, поскольку проблема терпимости, в том числе и религиозной толерантности, понимается им не просто в контексте некоторой договоренности (по аналогии с «теорией общественного договора»), а в особых смысловых координатах. Заявляя о том, что «у нас много общего, и уже на этом может строиться диалог» [4, с. 81], Гюлен отмечает важнейшую особенность диалогического взаимодействия – общность вступающих в диалог. Собственно на этом же принципе развивается идея диалога и у М. М. Бахтина. Показательным для самого Гюлена является идея любви как условия и необходимого ценностного поля осуществления диалога. При этом любовь мыслится им как явление онтологического свойства, поскольку именно любовь является основанием творения мира Богом и необходимым аспектом существования этого мира: «Всевышний сотворил бытие с любовью, т. е. в основе, в сущности бытия лежит любовь...» [4, с. 82]. И далее, определяя статус любви не только как свойства бытия, но и как принцип человеческого взаимодействия и стратегию отношения к другим, Гюлен отмечает: «если вы не относитесь к человечеству, творению Бога, с любовью, то тем

самым вы раните тех, кто любит Бога, и тех, кого любит Бог» [4, с. 82].

Таким образом, основание диалога определено Гюленом через систему ценностей, имеющих онтологический статус, а следовательно, представляющих абсолютное основание и неоспоримый аргумент в пользу возможности и необходимости диалога. И если цель диалога – сближение людей [4, с. 86], то Бог уже создал такую возможность сближения. Показательно, что в работах Гюлена постоянно реконструируется идея единства Истины (истины Бога), Добра (проявляющегося в любви к Богу и любви Бога), Красоты (как красоты божественного творения) как универсального принципа человеческого бытия, проговоренная еще в античной традиции и актуализированная в русской религиозной философии.

Еще один немаловажный аспект понимания Ф. Гюленом природы и сущности диалога раскрывается в его осмыслении субъектов диалога. Для мыслителя вполне очевидным является то, что «в основе такого феномена, как диалог, находится непосредственно человек» [4, с. 86]. Соотношение деяния и намерения для понимания деятельностной природы человека исключительно важно для Гюлена: «если деяние имеет в своей основе благое намерение, то он также становится благим» [4, с. 86]. Опять-таки, благое – это адресация к Всевышнему как важнейшему источнику искренности помыслов. Интересно, что важнейшим условием обретения свойств, необходимых для осуществления диалога, – человеколюбия и толерантности – Гюлен считает конструирование подлинного единого «мы» для мусульман, что позволит показать истинную гуманистическую суть ислама, «опираясь на принцип благонравия и убеждения тем, кто преподносит себя в качестве цивилизованных» [4, с. 89]. Показательно, что не менее значимо для Гюлена и обращение к «мы» как понятию, которое обозначает целостность турецкого народа. Для философа возможность турецкого народа служить во благо нации и во благо чело-

вечества – служение как призвание, данное народу Всевышним – может быть реализована только в гражданском единстве и мирном сосуществовании, что является уже полем решения человеческих задач. Следует заметить, что такого рода формирование идентификационных стратегий было характерно для русской культуры середины XIX века и нашло свое отражение в идеях славянофилов. Именно в их произведениях в триаде «человечество – народ – личность» смысловой акцент ставился на концепт «народ», и определение роли русского народа в истории отстраивалось от стратегии осмысления «мы» как некоторого культурно-исторического единства, основанием которого является религиозное служение, поиск истины в Боге.

В Беларуси рецепция идей Ф. Гюлена началась благодаря развитию белорусско-турецких политических и экономических отношений и, прежде всего, деятельности в Беларуси общественного турецко-белорусского объединения «Диалог Евразия», успешно функционирующего на протяжении вот уже более десяти лет. Платформа «Диалог Евразия» – общественная организация, признанная консолидировать евразийскую (и не только) интеллигенцию для восстановления мостов между народами и их культурами в целях формирования перспективы совместного цивилизованного существования, взаимопонимания и развития.

Данная организация представлена научной и творческой интеллигенцией ряда стран, таких как Кыргызстан, Россия, Азербайджан, Турция, Казахстан, Грузия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Молдова. С ноября 2008 года к этому форуму присоединилась и Беларусь.

Визитная карточка движения – издаваемый с 2002 года журнал «Да», который, по существу, призван на своих страницах утверждать стратегию Платформы и разрушать стереотипы, формируя тем самым идею «Альянса цивилизаций». В этом контексте основные принципы общественного форума «Диалог Евразия»: «Да – диалогу между народами!», «Да – взаимопониманию между народами!», «Да –

взаимоуважению между людьми разных вероисповеданий!», «Да – этическим нормам толерантности и терпимости!», «Да – сотрудничеству и цивилизованному сосуществованию!». Альянс представленных в Платформе разнообразных культур и цивилизаций реализуется, как правило, в кругу обсуждения и дискуссии актуальных проблем, которые имеют глобальный характер.

В частности, «Диалог Евразия» активно обсуждает проблемы образования, например, взаимосвязь толерантности с образовательными и воспитательными программами. Идея движения состоит в том, что уважительное и бережное отношение к другой культуре в аспекте образования предполагает принятие аудиторией национальной культуры другого народа. Только через понимание другого народа можно приблизиться к пониманию своих достоинств. Поэтому «Диалог Евразия» в этом отношении является тем каналом коммуникаций, который реально налаживает мосты взаимопонимания между Востоком и Западом.

Таким образом, идея партнерства цивилизаций, идея межцивилизационного диалога может и должна привести к заметным позитивным результатам, вовлечь в диалог тех, кто способен реалистично мыслить и оценивать всю совокупность сложившихся условий без предубеждений и не подгонять действительность под заранее составленную схему. Нужно налаживать равноправный конструктивный диалог между Западом и Востоком.

В Беларуси проведены научные конференции, в том числе молодежные, встречи ученых, писателей, общественных деятелей, «круглые столы» интеллигенции Турции в Беларуси и Беларуси в Турции, где затрагивались и обсуждались в том числе взгляды Ф. Гюлена, которые начали распространяться в интеллектуальной среде белорусского общества. Особенно убедительными оказались персональные встречи представителей турецкой общественности с бизнесменами, учеными, которые непосредственно имели общение с Ф. Гюленом. Поразило то, что эти люди с глубо-

ким убеждением выражали не только свою любовь к личности Гюлена, но и ощущалась степень перерождения их мировоззрения во взглядах на сущность человека, особенно на феномен сострадания к другому. И здесь подходят как никогда слова, сказанные о человеке А. Шопенгауэром: «Приходя в какое-либо соприкосновение с человеком, не входить в объективную оценку его по его стоимости и достоинству, следовательно, не входить в рассмотрение ни порочности его воли, ни ограниченности его рассудка и превратности его понятий, ибо первая может легко возбудить к нему ненависть, а последняя – презрение, но исключительно обратить внимание на его страдания, его нужды, опасения, недуги. Тогда постоянно будешь чувствовать свое сродство с ним, станешь ему симпатизировать и вместо ненависти или презрения возымеешь к нему сострадание, исключительно составляющее то *ἀγαπή*, к которому призывает Евангелие. Чтобы не возбуждать в себе ненависти и подозрения к человеку, следует вдаваться не в разыскание его так называемого «достоинства», а, напротив, смотреть на него единственно с точки зрения сострадания»; «Зависть именно воздвигает непроницаемую перегородку между *Ты* и *Я*, а сострадание – тонкую и прозрачную, иногда же и совсем ее устраняет, причем исчезает различие между *Я* и *не-Я*» [5, с. 213, 215].

Немецкий мыслитель XIX века Л. Фейербах так же, как и Ф. Гюлен, обращаясь к сути человека, выразил чрезвычайно важную мысль. В его программном сочинении «Основные положения философии будущего» отмечается, что «идеи возникают только из общения, только из разговора человека с человеком, не в одиночку, а с кем-нибудь вдвоем приходим мы к понятиям, приходим вообще к разуму. Два лица необходимы для порождения человека как в физическом, так и в духовном смысле: сообщество человека с человеком есть изначальный принцип и критерий истинности и всеобщности» [6, с. 133].

Данное положение, которое в истории философии было названо «коперниканским свершением» современной мыс-

ли и «основным событием... которое должно привести к новому началу европейской мысли и сулит более широкие перспективы, нежели картезианский вклад в современную философию» [5, с. 184], в нынешней противоречивой цивилизационной динамике наиболее осязаемо реализуется в движении Гюлена. В этом контексте особенно вызывают уважение те сторонники так называемого «движения Гюлена», которые бескорыстно оказывают материальную помощь всем тем, кто попал в беду, независимо от принадлежности к вероисповеданию и этносу.

Но еще большие успехи, на наш взгляд, принадлежат тем, кто огромное внимание уделяет образованию как основе воспитания добродетельного поколения, владеющего современными научными знаниями и принципами высокой морали. Открытые светские учебные заведения (школы, лицеи, университеты) следуют наставлениям идей Гюлена, в них реализуется уважение других культур и религий. Кредо Ф. Гюлена: «если невежество является одной из самых серьезных проблем, то ему должно противостоять образование, которое всегда являлось самым важным способом служения нашей стране. Сегодня, когда мы живем в «огромной деревне», образование является самым лучшим путем служения человечеству и установления диалога с другими цивилизациями» [4, с. 286].

Таким образом, анализируя творчество и непосредственно соприкасаясь со сторонниками «движения Гюлена», наблюдая, как оно развивается, можно мысленно представить его в качестве моста через Босфор, реально соединяющий Европу и Азию.

Как через мост мы легко переправляемся из Азии в Европу и обратно, так и это движение также символично выполняет функцию моста дружбы и взаимоуважения между Востоком и Западом. Мы находим в учении Гюлена решение проблем современного мира, прежде всего, через диалог и толерантность.

Литература

1. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1990.
2. Чергинец, Н. И. Всему начало – диалог / Н. И. Чергинец // Гюлен Ф. Диалог и толерантность. – Минск: Четыре четверти, 2011.
3. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984. – М., 1986.
4. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2011.
5. Шопенгауэр, А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
6. Фейербах, Л. Основные положения философии будущего / Л. Фейербах. – Соч. – Т. 1. – М., 1995.
7. Бубер, М. Проблема человека / М. Бубер // Два образа веры. – М., 1995.

И. И. Лещинская

ИДЕИ Ф. ГЮЛЕНА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Белорусский государственный университет, Минск

Интеграционные процессы, характеризующие нынешнюю ситуацию, ведут к тому, что современный мир становится все более взаимосвязанным, а следовательно, взаимозависимым: «Наше время – это время интерактивных отношений. Народы и нации больше нуждаются и зависят друг от друга, чем раньше, а это приводит к большей близости во взаимоотношениях» [1, с. 33]. Вместе с тем, жизнь современного человечества порой все более напоминает «блуждание во мгле». Образность такого определения может быть более строго репрезентирована как ситуация хронической политической и экономической неопределенности, этического релятивизма, нарастания неупорядоченности, хаотичности в динамике культурных потоков, характерных для переходного этапа развития глобальной экономики и политики. В силу этого необходима система такого жизнеустройства, которая бы обеспечивала стабильность, независимость и безопасность всех участников этого сложного и противоречивого процесса.

Формирование такой системы немислимо без выработки общей системы ценностей, в которой была бы осуществлена экспликация и аксиологическая артикуляция жизненно значимых установок, придающих смысл человеческому существованию в условиях нарастающих глобальных кризисных процессов. По сути речь идет о необходимости выработки интегрального самосознания человечества, которое в лице его отдельных представителей осуществляло бы

акт критической рефлексии над условиями собственного существования с целью поиска путей совместного выживания. Именно такая рефлексия необходима в современных условиях для выработки системы ценностей, характеризующейся действенностью и универсализмом.

Однако общечеловеческие ценности обретают смысл только в рамках такого дискурса, который обеспечивает не только их свободную циркуляцию, но и понимание в транснациональном культурном пространстве. Понимание, в свою очередь, может стать результатом осознания однозначной, можно сказать, их метафизической необходимости в условиях надвигающейся антропогенной катастрофы. В данный момент это понимание пока обнаруживает себя в большей степени в теоретической сфере. Речь идет, прежде всего, о философской глобалистике, составной частью которой является философия выживания. Но наряду с этой формой рефлексии появляются мыслители, которые сочетают в себе утонченную философичность с глубиной веры, высокую теоретичность с неустанной практической активностью и которые смысл своей жизни видят в служении делу духовного обновления мира и возрождения подлинно гуманистических идеалов. К таким личностям по праву может быть отнесен турецкий мыслитель и общественный деятель Ф. Гюлен, признанный по результатам опроса общественного мнения одним из ведущих интеллектуалов современного мира.

Одной из общих и насущных проблем для представителей этих двух форм рефлексии является поиск путей объединения человечества, создание условий для конструктивного диалога Запада и Востока. К этим условиям следует отнести не только наличие системы универсальных ценностей, но и необходимость определенного рода глобального этоса, основу которого должны составить нормы выживания, представляющие собой минимальное условие человеческого общежития. Кроме того, осуществление диалога как продуктивного синтеза культурных форм предполагает

смену ментальной парадигмы, в результате которой принцип альтернативности мышления, имеющий своим прямым следствием неизбежную расколотость мира, должен уступить место принципу дополнительности.

Развитие любой системы, и тем более глобальной, немыслимо вне ее открытости, множественности и разнообразия ее содержания, постоянного и свободного взаимодействия ее элементов. Культурное разнообразие, проявляемое в неповторимости и уникальности отдельных культур, также необходимо для развития человечества, как и биологическое разнообразие в природе. Условием возможности сохранения и приумножения культурного разнообразия являются, в первую очередь, свобода выражения и плюрализм. Благодаря таким условиям каждая культура должна и может стать полноценным субъектом диалога, располагающим всеми доступными средствами для своего развития, а не обывряться в качестве объекта политических или экономических интересов. Учет различий, свойственных этим культурам, преодоление культурного доминирования, стремление преодолеть модель «тотального преобразования незападных обществ по западным образцам», обращение к ценностям восточных культур помогают создать предпосылки для взаимной и непредвзятой культурной коммуникации и свести до минимума непонимание и конфликтность в отношениях.

Глобализация привела в состояние активного взаимодействия множество разных культур, имеющих свой неповторимый облик и уникальный голос, который должен быть слышен и услышан в этом культурном многоголосье. Полифонизм глобальной культуры является необходимым условием единства и социальной гармонии. Это состояние можно было бы обозначить вслед за русским философом М. Бахтиным с помощью понятий «нераздельно и неслиянно». В то же время голос каждой отдельной культуры также складывается из «неслиянных голосов» ее наиболее ярких представителей. Один из таких голосов и воплощен в весь-

ма разнообразной и плодотворной социально-культурной активности турецкого просветителя Ф. Гюлена.

Спецификой просветительской деятельности вне зависимости, в каком культурно-историческом контексте она осуществляется, является глубочайшее чувство ответственности со стороны тех, кто обладает способностью духовного воздействия на общество и смелостью начертать определенный план воспитания, простые и ясные принципы которого могли бы дать людям шанс достичь прогресса и счастья. Не случайно в европейской традиции с легкой руки классика немецкой философии И. Канта просвещение неразрывно связывается с совершеннолетием, этапом в жизни как отдельного человека, так и общества в целом, для которого характерна не только возможность широкого пользования свободой, но и необходимость осознания границ ее законного применения и ответственности за ее осуществление [4]. В этом отношении весьма показательно не только учение Ф. Гюлена, но и его достаточно напряженная, не лишенная драматизма жизнь. Просветительская деятельность также предполагает осуществление критической и исторической рефлексии, что также наглядно и широко демонстрирует творчество данного мыслителя, в контексте которого эти два модуса репрезентации современного мира теснейшим образом взаимосвязаны. Ни одна из злободневных проблем современности не была оставлена без пристального внимания и критической оценки данным мыслителем. Причем каждое событие оценивается не только в горизонте будущих его последствий, но и в соотнесенности с его истоками в прошлом. Не случайно для Ф. Гюлена история народа, как и человечества в целом, – это не только и не столько простая последовательность событий во времени, а процесс обретения им мудрости и духовной зрелости. Однако этот процесс носит очень сложный, а порой и драматичный характер.

Прежде всего, турецкого мыслителя тревожит критическое положение современного человека. Размывание устой-

чивых нравственных норм, разрушение механизмов самоконтроля, формирование нравственно амбивалентного типа личности, обреченного на жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами, ведущими к равнодушию и агрессии – все это онтологические спутники современного человека. Существует мнение, которое подтверждается реальностью, что XXI век будет веком борьбы с многочисленными вирусами, осаждающими человечество. Однако, пожалуй, самым страшным в ряду последних становится «вирус безумия», все чаще поражающий разум отдельных представителей рода человеческого и проявляющийся в неистребимой жажде душегубства себе подобных. Реальность, к величайшему сожалению, слишком часто стала поставлять доказательства в пользу данного утверждения. Недавний пример тому – потрясший все мировое сообщество «крестовый поход» норвежского террориста-графомана А. Брейвика, который с чудовищным хладнокровием уничтожил десятки человеческих жизней. Как это ни тяжело осознавать, но безумие оказывается заразительным, а инфицирование этим вирусом также может приобретать характер цепной реакции.

Поэтому необходимо создание не только экологически сбалансированной глобальной экономической системы, но и нравственно детерминированной аксиологической системы. Это своего рода субъективный фактор возможности наступления как ближайшего, так и отдаленного будущего человечества, императив выживания современной цивилизации. Отсюда определяющее значение общечеловеческих ценностей и культурно-исторического универсализма.

В этом контексте творчество Ф. Гюлена демонстрирует обогащение палитры представлений о человеке и его устремлениях и предназначении. Следует заметить, что эти представления имеют глубинную связь с национальными и конфессиональными корнями, т. е. они обладают социокультурной конкретикой, которая, однако, не отменяет их универсальной значимости. Первой из ценностей, необхо-

димось которых обосновывает мыслитель, является любовь, так как «...человек вооруженный любовью, не нуждается в другом оружии» [2, с. 34]. По мнению писателя, любовь, прежде всего, должна быть отнесена к самому человеку, чью жизнь следует почитать в качестве величайшей ценности, но вместе с тем, она повсеместно подвергается девальвации и циничному размениванию. Отношение Гюлена к человеку, с одной стороны, преисполнено высочайшего пиетета и гордости в силу его предназначения, которому, по его мнению, «завидуют ангелы». Посвятив практически всю свою жизнь постижению глубин человеческой души, мыслитель приходит к выводу, что человек является самой подлинной и наиболее яркой сутью бытия: «В нем собраны все тайны миров, он их квинтэссенция. В центре всего сущего находится именно человек. А все остальное – живое и неживое – образуют круги бытия вокруг него» [2, с. 168]. Многочисленные строки произведений писателя, весьма художественные по своей форме и пронизанные благоговением к человеку по своему содержанию, не могут оставить равнодушным никого, кто имел хотя бы малейшую возможность знакомства с ними. «Все сущее – это великий океан, – утверждает мыслитель, – а человек самая ценная жемчужина, украшающая его недра. Все пласты мирозданий – это галереи, залы и сцены, а человек – их зритель» [2, с. 169]. Но, с другой стороны, восприятие Ф. Гюленом человека нашего времени отягощено чувством глубочайшей скорби и тревоги по причине его духовно-нравственной поврежденности, которая «...вызывает ужас и стыд даже у дьявола» [2, с. 61]. Те, кто живет без любви к своему ближнему и дальнему, по словам писателя, «запутались в сетях эгоизма» и в силу этого обречены быть «глухими и немymi» к чужой боли и страданиям. И только любовь способна усмирить ожесточенные злобой души и привести к тотальной капитуляции человеческого эгоизма.

По убеждению турецкого интеллектуала, любовь представляет собой космическую силу, ибо она пронизывает все

сущее и «...проявляется посредством взаимопомощи и солидарности между частичками нашей вселенной, от атомов и клеток до целых галактик» [2, с. 37]. Каждое живое существо, будучи наделенным в той или иной мере этой силой, «...участвует в большом всемирном оркестре любви, исполняя свою собственную особую симфонию, и пытается по собственной воле, используя собственные возможности, продемонстрировать свое понимание глубокой любви, заложенной в основе бытия» [2, с. 30]. Эта сила реализуется не только в этической плоскости, но и в гносеологической, поскольку, по убеждению Ф. Гюлена, «...обращение с милостью ко всему мирозданию зависит от знания и понимания нашей сущности, а также от нашей способности познавать себя и чувствовать связь с Создателем» [2, с. 35]. Способность людей дорожить друг другом определяется тем, насколько они смогли постичь и оценить те качества и богатства, которыми обладают другие люди: «Сердце человека озаряется молниями мудрости по мере того, как он проникается знанием бытия и тех явлений и событий, которые вокруг него происходят» [5, с. 212–213]. А далее Ф. Гюлен заключает: «человек является зеркалом другого человека», что весьма созвучно изречению древнегреческого мыслителя Протагора: «человек есть мера всех вещей».

Любовь, будучи высшим и реальным воплощением гуманизма для Ф. Гюлена, неразрывно связана с терпимостью, а последняя немислима без потребности и способности к прощению как величайшему проявлению неисчерпаемой милости человеческой души: «Поэтому самое большое наследие, которое может передать сегодняшнее поколение завтрашнему, – утверждает мыслитель, – это научить прощать» [2, с. 63]. Именно поэтому в ряду фундаментальных ценностей, обосновываемых Ф. Гюленом, особое место занимает толерантность: «Понятие «толерантность», в которое мы вкладываем такие смыслы, как уважение, милосердие, великодушие, терпимость, в системе нравственных ценностей занимает главенствующую позицию, являя со-

бой качество совершенного человека, следующего за божественным откровением, и внутренний важный фактор духовного самоконтроля, способный стать источником для остальных этических норм» [2, с. 68].

Современная ситуация придает особую остроту проблеме толерантности, которая бесконечно разнообразна и многолика по своим проявлениям: это сфера власти государства и подчинения гражданина, сфера национальных, классовых, конфессиональных, профессиональных, семейных, деловых и личностных отношений. Не менее острой эта проблема предстает по своей глубине и сложности. Только на первый взгляд может показаться, что ее разрешение имеет лишь значение при выстраивании тактики своего поведения в повседневной жизни. Вместе с тем, эта проблема, несомненно, имеет глубоко метафизический характер, так как ее возможные решения задают фундаментальные стратегии как для развития общества, так и для самореализации отдельного человека.

В западноевропейской традиции глубоко и всесторонне была обоснована неразрывная связь терпимости и свободы, благодаря чему тройственная формула прав человека (жизнь, свобода, собственность) раскрыта не только как воплощение «метафизики свободы», но одновременно как полная формула терпимости в основных ее измерениях. Таким образом, обоснование необходимости терпимости – это полагание возможности свободы во всех формах ее проявления, научение терпимости – это научение свободе. Наиболее существенным в этом отношении является вклад основателя европейского либерализма Дж. Локка.

Турецкий мыслитель, следуя основным принципам либерализма, заявляет, что в странах, где царствует духовный и интеллектуальный диктат, «...мы не наблюдаем таких явлений, как свобода мысли, конструктивная критика, обмен мнениями и дискуссии с целью выявления истины и, соответственно, общества этих стран лишены тех благодатных плодов, которые эти явления могли бы дать» [2, с. 69]. Там,

где нет места терпимости, отсутствуют условия для плодотворного диалога и, следовательно, не может появиться коллективное сознание и согласие. Поэтому насущной проблемой, по убеждению Ф. Гюлена, является активизация деятельности по созданию «платформы толерантности», которая способна объединить светское и религиозное мировоззрение, ценности как различных конфессий, так и различных политических систем. Турецкий общественный деятель убежден, что необходимо и возможно, чтобы XXI столетие стало «веком терпимости».

В связи с этим Ф. Гюлен высоко оценивает демократию, полагая, что человечество не создало политической системы, в большей степени созвучной человеческому достоинству. По его мнению, современная демократическая модель, которая предполагает развитие основных принципов либерализма на основе традиционных ценностей и прежде всего ценностей исламской веры, должна способствовать формированию социального консенсуса не только внутри данного общества, но и в контексте взаимодействия с европейским сообществом: «Республика – мать или воспитательница свободы. Именно она растит и воспитывает поколения людей, влюбленных в свободу» [5, с. 242]. Но оценивая республику как высшую и надежную форму управления, мыслитель предупреждает, что эта система требует очень осторожного обращения, так как для людей, не достигших зрелости, она подобна «миражу в пустыне», ибо республика – это не только правительство свободы, но и воплощение норм нравственности и высокой чести: «Под свободой мы можем понимать освобождение разума от всех препон, мешающих его духовному и материальному развитию, но с условием соблюдения всех нравственных норм» [5, с. 185]. Только то правительство может считаться политически зрелым и перспективным, которое способно уберечь свой народ от зла и несправедливости. «Но если нация, – предупреждает мыслитель, – считает свое правительство скопищем трутней, то это означает, что «голова» и «тело» уже

давно отделились друг от друга» [5, с. 245]. Идея незыблемости правого государства со всей страстностью отстаивается мыслителем. Сила законов должна быть одинаковой для всех и всегда, так как малейшее отступление от основных принципов правового государства чревато непредсказуемыми последствиями для общества.

Кроме того, исконные либеральные ценности в сочетании с исламскими ценностями любви, милосердия, справедливости должны сыграть важную роль в деле обретения современным человеком духовной идентичности, которая по своему характеру противостоит социально-групповой, ведущей к различным формам противостояний и конфликтов. В этом отношении Ф. Гюлен предстает как мусульманский наставник, как теолог, демонстрирующий всестороннее знание исламских источников и традиций, а также глубину религиозного мышления в процессе их современной интерпретации. Для него сущностью религии и наиболее значимой частью Божественного Промысла была и остается нравственность. В условиях повсеместного обрушения системы традиционных ценностей со всей остротой встает проблема их возрождения и культивирования. Решение этой проблемы – процесс весьма сложный и продолжительный, так как наталкивается на сопротивление со стороны реальности, подчиненной установкам бездушного, а порой антигуманного по своей сути прагматизма. Этот процесс требует достаточно напряженных усилий со стороны тех, кто осознал всю глубину той пропасти, над которой оказался современный мир, и при этом готов взять на себя всю тяжесть ответственности за происходящее в нем. Как правило, это личности, активность которых по сути своей становится подвижничеством, ибо они не только страстно проповедуют эти ценности другим, но и со всей строгостью и непреклонностью подчиняют им собственную жизнь. К таким личностям с полным основанием можно отнести и самого Ф. Гюлена. Выявление им нравственного потенциала религии, обоснование ее весьма значимой роли в духов-

ной эволюции человека и в решении современных социальных коллизий являются важной заслугой данного деятеля. Он убежден, что это позволит создать условия для формирования гуманистических ценностных ориентаций молодых людей в сложной социальной ситуации и поможет им сознательно и, следовательно, ответственно реализовать свое право на мировоззренческий выбор, т. е. свободу совести.

Одним из механизмов культивирования и каналов трансляции таких ценностей, по мнению турецкого мыслителя, является образование. Именно оно, наряду с религией, является системообразующим фактором, формирующим и развивающим общество и культуру. Образование способно моделировать социальную динамику и задавать ее темпы, характер и направленность. В западноевропейской философии XX века получила обоснование идея образования как онтологического феномена, что позволило представить его как процесс созидания человеком самого себя, обретения им своего образа в бытии, постоянного его преобразования, т. е. самосовершенствования (М. Шелер) [6].

Ф. Гюлен также убежден, что главной обязанностью и целью жизни человека является поиск знания. Однако этот процесс предполагает не только *обучение*, ориентированное, прежде всего, на развитие интеллектуальных способностей, но и *воспитание*, направленное на «возделывание», культивирование «души человека». Он заявляет, что «...обучение является процессом совершенствования, в ходе которого мы получаем нечто с точки зрения духовной, интеллектуальной и физической сторон нашего бытия, достигаем уровня, который предназначен для нас, совершенных образцов божественного творения» [2, с. 280]. В силу этого интеллектуальная просвещенность с необходимостью требует истинной духовности, а подлинная ученость – праведности чувств, только тогда возможно избежать тяжелых последствий безграничного своеволия разума с дозволения застывшей в безразличии души. По мнению Ф. Гюлена, сохранение духовной идентичности человека в современных

условиях и воспитание нового типа человека, в котором органично сочетались бы «человек разума» и «человек сердца», а материальные и духовные ценности обрели бы устойчивое равновесие, возможно. Но для этого как минимум необходимо такое понимание образования, «...которое рассматривает науку и знание в качестве света для разума, а веру и добродетель в качестве света для сердца» [2, с. 274].

Ф. Гюлен представляет образование как процесс приобретения опыта самоорганизации, как опыта управления собственным разумом и собственной чувственностью: «Применение должной дисциплины в отношении нашего интеллекта приведет к приобретению знаний и, в конечном итоге, к постижению истины и мудрости. Очищение и воспитание нашего гнева ведет к храбрости и выносливости. Контроль нашей страсти и желания приводит к целомудрию» [2, с. 282–283]. В силу этого современная система образования должна синтезировать лучшие достижения человечества в этой сфере и создать такую модель, которая явилась бы адекватным ответом на вызовы современного мира. Следует отметить, что мыслитель принял самое активное и непосредственное участие в создании целой системы образовательных учреждений, которые были призваны реализовать на практике данные принципы. Особая роль в этой миссии отводится школе, которая не просто занимает определенную фазу жизни человека, а доминирует на протяжении всего его бытия и во всех наиболее значимых его событиях. «Школу, – отмечает мыслитель, – можно сравнить с лабораторией; она предлагает эликсир, который может предупредить или вылечить болезни нашей жизни» [2, с. 288].

Школа для мыслителя это особое пространство, в котором не только постигается знание мира, но и совершается поклонение мудрости жизни. Сам процесс обучения в таком понимании предстает как таинство, сакральный процесс общения и передачи жизненного опыта в его наиболее значимых проявлениях. Такой характер обучения предпо-

лагает как особо бережное отношение к ученикам, так и чрезвычайную степень требовательности к тому, кто призван быть учителем. Учитель в качестве главного действующего и ответственного лица наделен непревзойденным статусом («благочестивые наставники»), ибо ему доверен не только разум, но и сердца учеников.

Воспитание подлинной человечности для Ф. Гюлена невозможно без процесса напряженного и непрерывного диалога обучаемого и одновременно воспитуемого с культурой во всем многообразии ее проявлений. «Вхождение» в пространство культуры, которое по своей сути является аксиологически центрированным, есть залог становления полноценной личности и условие возможности удовлетворения ее духовных потребностей. «Культурность человека, – отмечает мыслитель, – это, в действительности, тот второй характер, который он развил благодаря систематической работе над собой, над благами зародышами, изначально заложенными в его природе» [5, с. 187]. Культурность предполагает не только высокую степень развития интеллекта, но и обостренность человеческих чувств и утонченность вкуса. Тех, кто лишен этих способностей, Ф. Гюлен сравнивает с людьми, разбитыми параличом и в силу этого живущими в полумертвом состоянии. Мощным фактором, способствующим пробуждению чувств и сохранению восприимчивости человеческой души, по мнению турецкого наставника, является искусство: «Искусство – это дух прогресса и один из важнейших путей, которому должен следовать человек, чтобы развить свои чувства» [3, с. 53]. Конструктивная энергия искусства, являющегося образным самосознанием культуры, способствует преобразению человека и обретению им гармонии с самим собой и с окружающим миром.

Искусство для Гюлена – это своего рода волшебный ключ, способный открыть тайные сокровищницы человеческого духа. Не последняя роль в этом таинстве принадлежит такой человеческой способности как фантазия, по поводу которой мыслитель высказывает весьма яркие по

своей форме и глубокие по своему содержанию мысли: «Фантазия – это внутренняя функция, идущая впереди, воображения и реальности, руки и крылья духа, устремленные далеко впереди и призма смысла, по своему раскладывающая лучи истины» [5, с. 164]. Эта способность наиболее полно воплощается в поэзии, которая формируется, по образному выражению писателя, «в колыбели веры, культуры и мысли» и является «факелом», освещающим настоящее, и источником света, направленным в будущее. Ф. Гюлен убежден, что поэзия – это «дыхание общества», в котором воплотились его чувства, боль, надежды и мучения [3, с. 60–61]. Что касается литературы в целом, то она как нельзя лучше отражает в себе характер духовного начала нации, без нее невозможна мудрость нации, ибо главным элементом литературы является смысл. Без нее немислима и сама история нации. Культура как целостность, по мнению турецкого мыслителя, формируется «...в «тиглях» истинной веры, высокой нравственности, благородных достоинств и по-настоящему воспринятого знания. Нет смысла говорить о культуре там, где царят безбожие, безнравственность и невежество» [3, с. 47].

Одним из важнейших факторов развития современного мира являются СМИ, роль которых в этом процессе далеко неоднозначна. С одной стороны, они могут способствовать консолидации мирового сообщества путем создания единого информационного пространства и распространения системы общечеловеческих ценностей. Но, с другой стороны, они также могут выступать в качестве мощного средства манипулирования общественным мнением. Ф. Гюлен особо акцентирует необходимость неразрывной связи этики и истины в сфере СМИ. Это особо актуально в связи со скандалами «черного пиара», с завидной регулярностью эпатазирующих мировую общественность и заполонивших современное информационное пространство, в котором этический аспект давно стал атавизмом. Безнравственность, безответственность, отсутствие объективности, по убеждению мыс-

лителя, невозможно для тех, кто обладает столь значительной силой воздействия на человека и общество в целом.

Таким образом, бережное отношение к человеку, его духовно-нравственному и физическому потенциалу, сохранение и приумножение механизмов социального наследования, последовательный рост культурной деятельности, взаимоуважительный диалог культур на основе принципов плюрализма и терпимости – это и есть те ценности, которые в своей весьма разносторонней деятельности обосновывает и отстаивает турецкий мыслитель Ф. Гюлен. Но следует отметить, что данные ценности также выражают единство человеческого рода, общность его исторических судеб и представляют «категорический императив» нашего времени, следование которому дает реальный шанс для лучшего будущего человечества.

Литература

1. *Гюлен, Ф.* Перспективы: очерки, мнения / Ф. Гюлен; сост. Х. Ешилова. – Минск: Четыре четверти, 2009. – 160 с.
2. *Гюлен, Ф.* Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2011. – 360 с.
3. *Гюлен, Ф.* Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен; под ред. В. Шеремета. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
4. *Кант, И.* Что такое Просвещение / И. Кант // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 25–36.
5. Фетхуллах Гюлен и современный мир: толерантность, диалог, взаимопонимание / Ф. Гюлен [и др.]; науч. ред. А. Нысанбаева, Г. Соловьева. – Алматы, 2009. – 511 с.
6. *Шелер, М.* Формы знания и образования / М. Шелер // Избр. произв. – М., 1994. – С. 119–142.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В УЧЕНИИ Ф. ГЮЛЕНА

А. Н. Елсуков

КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ? (заочный диспут Ф. Гюлена с С. Хантингтоном)

Белорусский государственный университет, Минск

За время своего существования человечество пережило множество войн и конфликтов. В сущности, вся история человечества – это история противостояния и войн между различными народами и цивилизациями. Массовое проявление вооруженных конфликтов порождало такую мысль, что война – это неизбежный спутник развития человечества, что сама цивилизация – результат совершенствования не только орудий труда, но и оружия, которое по силе своего воздействия становилось все более разрушительным. В настоящее время человечество живет как бы под домокловым мечом атомного оружия, что создает периоды панического ожидания будущих военных конфликтов и неадекватной оценки возможностей мирного диалога между цивилизациями.

Последняя мировая война унесла многие миллионы человеческих жизней. Казалось бы, это должно было бы усмирить дух человеческой агрессии и вызвать желание навсегда отказаться от силового решения международных конфликтов. Но все случилось наоборот. Как только было покончено с фашизмом в Европе, тут же начался новый виток перевооружения с созданием все более мощных средств уничтожения противника, в качестве которых выступали две противоположные общественные системы – капитализм и социализм. Отношения между ними чуть не привели к ядерной войне. Но если «горячую» войну удалось пре-

дотворить, то все более острые формы приобретала война «холодная», т. е. идеологическое противостояние двух противоположных систем, в результате которого сформировался глобальный образ врага как с одной, так и с другой стороны, что и определяло суть мирового конфликта на протяжении всей второй половины XX века.

Следует отметить, что для идеологов западной цивилизации стало весьма типичным не только отстаивать преимущества своей цивилизации, но и весьма эффективно культивировать образ врага, т. е. сеять панику по поводу каких-то грозящих этой цивилизации бед, будь то омассовление культуры, увеличение численности пролетариата, идеология марксизма и т. д.

После распада Советского Союза, казалось бы, было покончено с образом глобального врага для западной цивилизации. Тем не менее, Запад постоянно формирует образ нового врага для западной цивилизации, новый фронт идеологического противостояния, полюсами которого выступают Запад и Восток, христианский мир и ислам.

Западного человека пугает все: и экономический рост стран Востока, и их будущее культурное развитие, и политическая активность на арене мировой политики, и многое другое. Ярким проявлением нагнетания разного рода фобий является книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой подробно описывается ситуация в мире во время «холодной» войны, но особое внимание уделяется настоящему положению вещей в международной жизни и их развитию в будущем. Идеи книги имеют явно охранительный характер, устрашая Запад растущим влиянием ислама.

После «холодной» войны в мире начала складываться новая международная ситуация. Особое значение приобретает культурное различие между народами, поскольку люди стали определять себя с точки зрения своей религии, языка, истории, происхождения, обычаев, сложившихся в народе ценностей общественных институтов. В этой связи

автор выделяет восемь основных цивилизаций: западная, латиноамериканская, африканская, исламская, китайская, индусская, ортодоксальная, японская. В этих цивилизациях национальные государства выступают главными субъектами в международных делах. С точки зрения С. Хантингтона, культурные различия между государствами могут явиться причиной новых вооруженных столкновений, что может привести к расширению зоны военных действий. Об этом свидетельствует явное обострение отношений между США и Ираном в настоящее время.

Следует отметить, что этот прогноз автора не оправдался. Конфликты действительно произошли, но не между государствами, а внутри них, о чем свидетельствуют последние события в Африке и Азии. Их причиной стали не религиозно-культурные различия, а расчленение общества на бедное большинство и богатое меньшинство.

Далее автор, признавая современное могущество Запада, в то же время обеспокоен ростом влияния восточных цивилизаций (китайской, японской, буддистской и мусульманской). Он встревожен тем, что здесь рост экономического могущества подкрепляется идеологическими основаниями веры и положительными демократическими тенденциями, в чем Запад явно проигрывает Востоку. При этом отставание этих цивилизаций в военной области компенсируется тем, что в них формируются очаги терроризма. Развитие экономики в мусульманских странах хотя и осуществляется ускоренными темпами, тем не менее не успевает за темпом прироста народонаселения, что и ведет к миграции мусульман в западные страны, создавая множество проблем для последних. А в будущем, как полагает С. Хантингтон, не исключены и более серьезные конфликты между цивилизациями Запада и Востока.

При этом автор указывает и на процесс консолидации мусульманских стран. Шесть стран (Индонезия, Египет, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и Турция) упоминаются как кандидаты на объединяющий центр всего мусуль-

манского мира, это объединение явно беспокоит западных политиков. Единственное, что их пока успокаивает, – это то, что ни одно из этих государств не обладает соответствующим экономическим и военным потенциалом, чтобы выполнить роль государства-интегратора. Особое беспокойство вызывает политика Турции – страны-участницы НАТО, которая все больше демонстрирует желание проводить самостоятельную политику в странах Востока. Таким образом, Восток ассоциируется с исламом, с теми оппозиционными тенденциями, которые происходят в исламских странах. А противостояние Запада и Востока приобретает характер культурно-религиозного противостояния, что явно усложняет отношения между цивилизациями.

На фоне этого возрастающего противоречия автор подвергает критике некоторые аспекты международной политики западных стран, в частности США. Он полагает, что стремление Запада сохранить свое экономическое и военное превосходство, сделать универсальными свои общественные институты и ценности (путем навязывания их другим цивилизациям) не встречает положительного отклика на Востоке, вызывая лишь чувство негодования среди мусульман. Поэтому противостояние между Западом и исламом (которые имеют глубокие исторические корни) продолжает сохраняться и в наше время, приобретая все более острые формы. Автор предупреждает, что столкновение цивилизаций является самой большой угрозой миру во всем мире.

В сущности, книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» предупреждает Запад о том, что после коммунизма, с которым Западу удалось успешно справиться, на него надвигается новая волна опасности, идущая с Востока, со стороны исламского мира. В этом духе и предлагается ряд рекомендаций, которые, по мнению автора, должны обезопасить западный мир от новой угрозы. Подчеркивается, что столкновение цивилизаций в настоящее время представляет самую большую угрозу миру. В этой связи и пред-

лагается ряд мероприятий, с позиции которых должна выстраиваться международная политика западных государств по отношению к восточным цивилизациям. Предполагается даже проявлять определенную терпимость и умело вести диалог с этими цивилизациями, сохраняя при этом свои приоритеты. Казалось бы, автор предлагает программу мирного сотрудничества и сосуществования цивилизаций, но даже само название книги предупреждает западное общество о грядущей опасности, надвигающейся с Востока, только теперь идеи коммунизма заменены идеями ислама. Поэтому монография С. Хантингтона не могла не вызвать соответствующего отклика со стороны представителей исламской цивилизации. Свои мысли по поводу сосуществования цивилизаций сформулировал в своих трудах известный общественный деятель Турции Ф. Гюлен, который также говорит о необходимости диалога цивилизаций, но не с позиции силы или каких-либо приоритетов, а с позиции любви и действительного взаимопонимания и мирного сосуществования людей в разных странах и континентах.

Ответ Гюлена на тезис столкновения цивилизаций состоит из трех частей. Их можно выразить словами: терпимость, межрелигиозный диалог и безвозмездная любовь.

Гюлен заимствует понятие терпимости и прощения из глубоко укоренившегося понятия в Коране и сунне, т. е. из обычаев и традиций, которых придерживался пророк Мухаммед. Рабы Божьи никогда не поступят неподобающим образом. Они выберут трудный путь с большим благородством, поступая самым достойным образом и избегая неприятностей. Гюлен называет этих людей «героями терпимости».

Турецкий мыслитель придает нам смелость для сплочения с целью построения лучшего мира, основанного на терпимости. Его оптимистичный и полный надежды взгляд на будущее позволяет ему говорить, что XXI век будет называться веком терпимости. Он желает, чтобы эта терпимость продолжалась веками, т. е. была постоянной.

Гюлен верит, что наш современный мир, подверженный различным конфликтам, остро нуждается в межкультурном диалоге. Поэтому диалог для него означает встречу двух или более человек для обсуждения общих вопросов. В процессе диалога людям удается установить близкие отношения. Гюлен считает, что основополагающая природа человека требует установления такого диалога среди всех основных мировых религий, который особенно необходим для таких трех авраамских религий, как иудаизм, ислам и христианство.

Различия между Гюленом и Хантингтоном очевидны. Хантингтон рассматривает ислам и Запад как две полярности в состоянии конфликта, причем постоянно усиливающегося, а Гюлен предпочитает более целостный подход к глобальной политике, где частные интересы должны отходить на задний план по сравнению с интересами общечеловеческими. Гюлен видит ислам и Запад как две различные, но гармонично взаимодействующие цивилизации современности.

Только в этом случае можно рассчитывать на продуктивные результаты диалога цивилизаций. В противном случае этот диалог может превратиться в новый вариант «холодной войны», не умирив агрессию сторон, а, наоборот, распавшая ее. Гюлен не без основания опасается, что разговоры о столкновении цивилизаций могут сработать как самореализующиеся пророчества. В результате таких разговоров люди могут ожидать свершения того, от чего они отрешаются в своих молитвах. По мнению Гюлена, его оппонент, утверждая, что в будущем может произойти столкновение цивилизаций (т. е. всеобщая война), тем самым подталкивает людей к ее подготовке, выработке милитаристского сознания и политике подготовки к войне, а значит, к дальнейшему наращиванию вооружений, что так или иначе может привести к случайному возникновению мирового конфликта. Поэтому, с его точки зрения, необходимо говорить не о столкновении цивилизаций, а об их мирном

сосуществовании, с уважением относясь к их различиям и национально-религиозным традициям. Следует отметить, что позиция Гюлена представляется более продуктивной и доказывается положительным опытом мирного сосуществования различных конфессий в истории России, опыт которой вполне мог бы стать примером для решения современных цивилизационных конфликтов.

Л. А. Согдаева

**Ф. ГЮЛЕН ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Белорусский государственный университет, Минск

В структуре современного общества произошли фундаментальные трансформации, сложилась новая социальная реальность, которая требует комплексного осмысления. Изменения, происходящие в настоящее время в мире, должны быть познаны и объяснены прежде всего с социологических позиций, поскольку именно социология как наука о жизне-способности социума создает базовую теорию анализа для всех социальных исследований.

В авангарде социологической трактовки новых реалий общественной жизни, поиска решения важных социальных проблем стоит один из наиболее влиятельных мыслителей современного мира Ф. Гюлен. В своих работах Гюлен говорит об актуальных проблемах, его творчество фокусирует в себе напряженную драму поиска выхода из противоречий социальной жизни. Концепция Гюлена является ключом к созданию более достойной жизни, внедрению нравственности, мира, доверия, предлагает каждому примерить на себя рациональные правила жизни общества, предлагает современнику: «Войди в новый мир, будь благословен, учись, размышляй и преображайся».

Книги Гюлена уникальны по форме и содержанию. Они мало похожи на наукообразные трактаты, они поэтичны, лаконичны, искренни, написаны доступно. Но кажущаяся простота рассуждений не должна вводить в заблуждение – за этой простотой скрывается поле глубоких научных исследований.

В основе концепции Гюлена стоит человек, который, по его мнению, является центром и смыслом существования Вселенной: «Человек – это сама суть всего бытия, его жизненные соки. В нем собраны все тайны миров, он их квинтэссенция. В центре всего сущего находится именно человек, а все остальное – живое и неживое – образует круги вокруг него» [2, с. 320].

Гюлен понимает жизнь динамично и целостно, исследует духовный рост человека, течение глубинной жизни его души: «Каждый человек наделен высокими чувствами, способностью к добродетели и стремлением к вечности. Душа даже кажущегося самым ничтожным из людей наполнена радушной атмосферой, состоящей из мыслей о вечности, любви к прекрасному и добродетельных чувств. Но для того чтобы возвыситься и обрести вечность, человек должен совершенствоваться и развивать данные ему способности» [1, с. 114].

Забота о духовном здоровье имеет жизненно важный смысл. Чтобы показать жизнь человека как работу души, Гюлен формирует общие закономерности формирования духовного Я: «Смысл человечности надо искать не в бренном теле с животными потребностями, а в его душе, полной любви и стремления к вечности. По этой причине тот, кто пренебрегает собственной душой и довольствуется только телесными потребностями, никогда не насытится и не достигнет полного удовлетворения. Наиболее важным для человека является самопознание и обращение к Всевышнему, дарующему нам это познание» [1, с. 116].

Раскрывая основы жизнепроехождения обычного человека, Гюлен указывает, что только бытие по законам любви делает взаимодействие людей действенным, душевно насыщенным реальностью: «Самый прямой и короткий путь к сердцу человека лежит через любовь. Отличительной чертой сердца, наполненного истинной верой, является любовь ко всем проявлениям любви и ненависть ко всем проявлениям вражды. Тот же, кто ненавидит всех, либо попал

в сети дьявола, либо лишился разума. Люби человека и восхищайся человечностью. Любить людей и давать им ощущать эту любовь – признак щедрости души» [4, с. 41].

Размышляя о сущности любви, Гюлен отмечает, что ее подлинной основой является возвышенная любовь к Создателю: «это тот, дарованный нам свыше луч света, на крыльях которого мы в одночасье можем обрести потерянный рай» [1, с. 72].

Бытие по законам любви невозможно без милосердия. Гюлен говорит о необходимости поддержания равновесия между материальными и духовными ценностями, отказа от меркантильности, выступает за введение разумного минимализма как осознанной нравственной позиции личности. Он не видит оправдания тому, что миллионы людей страдают от голода, становятся жертвами терроризма.

Гюлен представляет новый подход к проблеме социальной справедливости через усиление социального аспекта милосердия, которое рассматривает как активное вмешательство в земные дела ради уничтожения людских страданий. С этой целью Гюлен выступает за расширение диапазона благотворительности через социальное служение (помощь престарелым, неимущим и т. п.) и гуманитарное служение (поддержка образования, духовно-просветительная деятельность и т. п.).

Тезис Гюлена о бытии по законам любви и милосердия особенно актуален в условиях глобализации. Сегодня, когда разобщенность людей и культур проявляется во многих сферах, чрезвычайно важно понятие глобализации соотносить с понятием любви и милосердия. В настоящее время во многих странах мира действуют многочисленные благотворительные программы. Следуя духовному призыву Гюлена, обеспеченные люди делают инвестиции в образование, оказывают помощь неимущим, поддержку духовно-просветительской деятельности и т. д.

Гуманистические взгляды Гюлена реализуются и в его концепции этики взаимопонимания и согласия, в которой

он обосновывает необходимость отказа от насилия, важность осуществления взаимодействия через мирный и конструктивный диалог, уважение к чужой культуре, раскрывает сущность принципиального изменения мышления и поведения человека в современных условиях. Гюлен считает, что времена грубой силы остались далеко позади, сегодня те, кто делает ставку на силу, являются интеллектуальными банкротами: «В современном просвещенном мире единственный путь убедить других принять твою точку зрения лежит через обоснованные аргументы» [2, с. 294]. И эти аргументы он находит, опираясь на понятия веры, добра, доверия, толерантности, диалога, открытости.

По мнению Гюлена, «человечество может сохранить себя только тогда, когда будет диалог между людьми, диалог между культурами, уважительное сотрудничество между цивилизациями и уважительное отношение к тем, кто иначе думает, иначе исповедует свою религию, кто придерживается своей культуры» [4, с. 53].

Сегодня человечество раздирают конфликты: агрессия, ненависть, насилие стали нормой общественной жизни. Гюлен считает, что «современный человек подошел к развилке двух дорог: одна ведет к отчаянию, другая к спасению» [2, с. 483]. В качестве выхода из кризиса он определяет путь духовного обновления общества, формирование новых стратегий поведения, основанных на идеях равенства, терпимости, милосердия: «Нужно принимать людей как равных себе, независимо от религиозной принадлежности, цвета кожи, национальности, никогда не опускаться до насилия, угроз, не ожидать ни от кого благодарности или платы за свое служение» [1, с. 118]; «Преодолевай сделанное тебе зло самым добрым образом, будь всегда на пути прощения и понимания, не обращай внимания на поступки и поведение невежд, отвечай на них щедрым прощением и желай всем добра и милости Божьей» [1, с. 118].

В концепции Гюлена изложены основы планетарной этики взаимопонимания и согласия, нравственные нормы,

сформулированные им, идеально подходят для современного мира, поскольку содействуют обновленному пониманию принципов согласия, доверия, справедливости.

Особую роль по созданию общечеловеческого климата сотрудничества, достижения согласия и взаимопонимания Гюлен отводит диалогу конфессий – ислама, христианства, иудаизма. По мнению Гюлена, эти конфессии «имеют общие корни, практически одинаковые основополагающие принципы и питаются из одного источника. Несмотря на их соперничество на протяжении многих веков, общие черты и общая ответственность за создание счастливого мира для всех божественных творений делает необходимым диалог между ними» [2, с. 45].

В проведении эффективного межконфессионального диалога важное место Гюлен отводит исламу, который «по своей истинной природе означает мир на земле, прощение, терпимость, скромность, смирение, храбрость, тонкость, мягкость. Всем своим содержанием он внушает чувство доверия, верности, дух честности, справедливости, целеустремленности, вселяет решимость совершать благодеяния, но, к сожалению, сегодня в таком совершенном виде ислам не представлен миру» [4, с. 69].

Гюлен с болью отмечает, что накопилось много нелепых домыслов и фантазий о сущности исламского вероучения. В частности, он пишет об огромной исторической ошибке – представлении ислама как силы, делающей ставку на терроризм. Истинный мусульманин, по мнению Гюлена, не может быть террористом: «Терроризм – один из тяжких грехов. Мусульмане никогда не были так низки, чтобы надеяться на решение своих проблем через террор» [4, с. 71]. Гюлен указывает, что основой терроризма является не ислам как религия, а социальные причины: «Терроризм формируется из определенных проблем, которые включают в себя равнодушие, нищету и страх перед другими» [4, с. 74].

Турецкий мыслитель указывает, что эффективным способом борьбы с терроризмом являются доверие, диалог, то-

лерантность. Особая роль в этом процессе принадлежит исламу как религии толерантности, мира любви между людьми.

Гюлен считает, что в общественной жизни религия в будущем должна играть значительно большую роль, чем в настоящее время. Представителям различных религиозных конфессий он предлагает забыть прошлые разногласия и сфокусироваться на том общем, что есть в религиях.

Широким диапазоном возможностей для формирования культуры диалога, толерантного взаимодействия обладает образование. Гюлен высоко оценивает значимость образования, указывает, что именно в образовании новые культурные ценности приобретает особый смысл. Прежде всего с образованием Гюлен связывает истинный человеческий прогресс и развитие нашей сути, считает, что мы созданы для того, чтобы учиться и передавать то, чему обучились, другим: «Взлеты и падения нации зависят от того духа и сознания, которым преисполнены сердца молодежи, от того, какое ей дано воспитание и образование. В то время как нации, которые могут похвалиться хорошо подготовленной молодежью, гарантируют себе свое возвышение, нации, пренебрегшие ею, подвергают себя таким образом неизбежному падению» [1, с. 157]. По мнению Гюлена, образование в современном мире не выполняет в полной мере свои функции, поскольку долгое время не уделялось в должной мере внимания духовному воспитанию подрастающего поколения: «Воспитание не было поставлено на передний план. А за это время образовались потерянные и покалеченные поколения – молодые люди, не ведающие духовного удовлетворения, лишённые нравственности. И если сегодня все вокруг нас пропитано духом предательства, а молодежь с каждым днем становится все более непослушной и свирепой, то это является лишь следствием наших упущений» [1, с. 158].

По мнению Гюлена, образование должно формировать в обществе высокие нравственные ценности. В качестве главной цели образования он выделяет подготовку молоде-

жи, владеющей не только современными научными знаниями, но и воспитанную на идеях гуманизма, толерантности, высокой духовности. Гюлен предлагает новую форму образования, в которой «приобретение религиозности и научных знаний будет единым процессом. Это повысит уровень морали, создаст подлинно просвещенных людей, сердца которых озарит свет религии, а умы – свет науки» [2, с. 474].

Гюлен стал основателем крупномасштабного образовательного движения. По всему миру успешно работают школы Гюлена, открытые его единомышленниками, где обучаются дети из различных социальных слоев, вне зависимости от религиозных, этнических и других различий. Целью школ является не только высокочастное образование, но и духовно-нравственное воспитание учащихся на основе принципов взаимопонимания, терпимости, уважения других культур и религий, отрицания различий по признаку религиозной, национальной или расовой принадлежности.

Мне посчастливилось познакомиться с работой таких учебных заведений в Стамбуле. Меня восхитили просторные светлые здания, увлеченность директоров школ, энтузиазм педагогов, счастливые лица учеников, а самое главное – атмосфера добра, тепла, любви, доверия. Не сомневаюсь, что у этих школ большое будущее. Они открыты в разных странах, в разной культурной среде, но эффективно решают задачу подготовки новых граждан мира эпохи глобализации, обладающих не только высоким уровнем образования, но и открытых для общественного диалога, что является необходимым условием формирования планетарной этики взаимопонимания.

Среди социальных институтов, призванных формировать у молодежи новое видение современного мира, важную роль Гюлен отводит семье: «Дом, который изначально будет построен на прочной основе и в котором будет царить материальное и духовное счастье, станет самой прочной основой нации, той школой, которая может воспитать праведных и достойных членов общества. Нации, сумеющие

превратить свои семьи в благодатные очаги знания, а школы – в такие же теплые очаги любви, как их семьи, совершат тем самым величайшую из реформ в истории человечества и дадут гарантию счастья и покоя будущим поколениям» [1, с. 160].

В настоящее время общественные организации, входящие в движение Гюлена, активно участвуют в программах поддержки семьи. Они оказывают материальную помощь малоимущим, проводят различные гуманитарные акции, осуществляют информационно-просветительскую работу. Их деятельность имеет важное значение не только для поддержки и укрепления универсальных ценностей семьи, она способствует формированию у молодежи новых стратегий поведения, в основе которых лежит готовность к общественному диалогу, идеология терпимости и уважения к другим культурам, традициям, вероисповеданиям.

Рассматривая новые парадигмы общественной жизни, изложенные в концепции Гюлена, нельзя не сказать о высокой нравственности и особом обаянии его личности. Не случайно по данным опроса, проведенного авторитетными изданиями США и Великобритании, Гюлен был назван самым влиятельным среди ныне живущих интеллектуалов мира. Сегодня произведения Гюлена печатаются во многих странах Востока и Запада. Он ввел новый стиль образования, по его образовательной системе действуют учебные заведения практически на всех континентах, активно работает «движение Гюлена», объединившее интеллектуалов, религиозных и общественных деятелей, преподавателей, журналистов различных стран, целью которых является пропаганда идей общественного диалога, доверия, позитивного взаимодействия в условиях современного мира.

Идеи Гюлена находят живой отклик в умах и сердцах людей, он расчертил трассу движения общества вперед. И по ней с энтузиазмом движутся тысячи последователей его учения, которые живут во многих странах мира. Это путь утверждения высших нравственных ценностей, об-

новления интеллектуальной и духовной жизни, он меняет наши образы и представления друг о друге, природу и характер отношения к совместному будущему, он заставляет людей сочувствовать и сопереживать, размышлять и преобразоваться, рассматривать жизнь как непрерывный духовный рост. Это путь надежды, поскольку дает возможность сделать мир, по мнению Гюлена, «более счастливым справедливым и милосердным, опровергнув тем самым страхи людей. Великодушие, красота, правдивость и добродетель – вот сущность мира и человека. И что бы ни случилось, однажды этот мир найдет свою сущность» [4, с. 54].

По новому пути уже сегодня идут последователи Гюлена. Присоединиться к ним может каждый, чтобы совместное будущее людей XXI века стало теплее, справедливее, ярче.

Литература

1. *Гюлен, Ф.* Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен; под ред. В. Шеремета. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
2. Фетхуллах Гюлен и современный мир: толерантность, диалог, взаимопонимание / Ф. Гюлен [и др.]; науч. ред. А. Насынбаева, Г. Соловьева. – Алматы, 2009. – 511 с.
3. *Кэрролл, Б. Дж.* ДIALOG цивилизаций: исламское учение и гуманистический взгляд Гюлена / Б. Дж. Кэрролл. – М., 2009.
4. *Гюлен, Ф.* Очерки – перспективы – мнения / Ф. Гюлен. – М., 2005.

С. Н. Бурова

АНАЛИЗ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ГЮЛЕНА

Белорусский государственный университет, Минск

Эта статья была практически готова, но для ее доработки представилась возможность побывать в Турции и познакомиться с теми, кто входит в движение Ф. Гюлена, кто претворяет его идеи в жизнь. Впечатления от поездки внесли некоторые коррективы в представления автора о Гюлене и о том предметном поле, которому посвящен данный материал. Но об этом позже.

Ф. Гюлен – широко известный религиозный деятель, философ, проповедник, который всеми силами пытается наладить действенный диалог между Востоком и Западом, между разными конфессиями, акцентировать внимание на том, что представляют собой общие и вечные человеческие ценности. Гюлен – гуманист, моралист, во многом идеалист, стремящийся достучаться до людских сердец. Вопросы брачно-семейной сферы, отношений между полами представляют собой важную часть творчества Гюлена, так как посвящены самым древним социальным образованиям и, пожалуй, самым актуальным человеческим взаимоотношениям. Представляется весьма интересным проведение некоторого анализа ценностей семейной сферы в исламе и других религиях. Сам Гюлен никогда в браке не состоял и детей не имеет. Как уточнила одна из известных турецких журналисток, которая в 1990-е годы брала у него интервью и спрашивала о его состоянии в браке, Ф. Гюлен пояснил, что однажды в молодости делал попытку вступить в брак, но она оказалась неудачной и после этого он, по-

видимому, отказался от идеи обзавестись собственной семьей. Но его отношение к институтам семьи и брака можно охарактеризовать как в высшей степени уважительное и трепетное.

На Земле существовало много философов и сегодня живет большое количество широко известных мыслителей. Гюлена отличает то, что несколько его идей реализованы при его жизни. В частности, во многих странах были открыты школы, колледжи, в которых воспитываются новые поколения в соответствии с его концепцией. Основная цель воспитания по Ф. Гюлену – научить людей жить в мире, понимать и помогать друг другу, строить отношения на принципах взаимоуважения. Семья – это общность людей, в которой начинается жизнь каждого человека, где он воспитывается с самого рождения, и от того, какой является эта жизнь, зависит его будущее. «Служить нации надо, не уничтожая плохих ее представителей, а возвышая новые поколения, воспитывая их в лучших национальных традициях. И после того, как дадут всходы семена из смеси религии, исторического сознания и обычаев, которыми вы засеете всю страну, то там, где раньше вырастали колючки зла, расцветут сады добра», – пишет Гюлен, обращаясь к современникам [1, с. 237].

Опишем сначала основные принципы ислама в отношении семьи и брака. Семья в исламе представляет собой основной элемент общества. В ниже приведенной цитате изложены правила брачно-семейной жизни для мусульман: «Любые близкие отношения между представителями противоположных полов поощряются лишь в тех случаях, когда брак оформлен законно (никах). Воспитание детей в лоне семьи не только поощряется, но и является обязанностью супругов. Развод, будучи одним из самых богомерзких поступков, тем не менее допускается как последний, неотвратимый выход, если все меры, предпринятые для сохранения распадающейся семьи, не привели к положительному результату. Внебрачные связи однозначно запрещены, бо-

лее того, за них предусмотрено суровое наказание. Такие связи считаются главным источником полного разложения личности и общества, приводящим к нравственной, физической деградации людей. Коран, рекомендуя мусульманским мужчинам иметь одну жену, позволяет им брать в жены до четырех женщин. Мусульмане понимают многоженство как систему защиты: когда разведенная или овдовевшая женщина остается без средств к существованию, законный брак дает ей любовь, опеку и уверенность в будущем. Если у мусульманина несколько жен, он обязан уделять каждой равное внимание, любовь, одинаково обеспечивать их и не выделять особо какую-нибудь из них» [2]. Важно заметить, что применительно к многоженству действует принцип патерналистской защиты женщин, которых должны опекать мужчины. Женщины изначально видятся как слабые и зависимые существа, нуждающиеся в покровительстве со стороны мужчин, как такие, которые не могут жить самостоятельно. В современной христианской культуре, которая характерна для ведущих стран Запада, России, многих стран постсоветского пространства, наблюдается стремление к равенству полов, к экономической и социальной самостоятельности взрослых женщин и мужчин.

Гюлен затрагивает вопросы отношения полов и брачно-семейных ценностей во многих своих трудах. Например, статья «Духовно-нравственные основы семейной и социальной жизни», опубликованная в работе «Критерии, или Огни в пути», посвящена воспитанию молодого поколения, сущности брака и семьи, разводу, родителям, ребенку и его правам, нравственности, благородству и т. д. В сборнике «Сомнения, порожденные веком» (2005) находим интересные ответы на вопросы о том, почему пророк Мухаммед был многоженцем и как была сотворена Ева. В сборнике «Перспективы: очерки, мнения» (2009) есть много положений, касающихся отношений между людьми, основополагающих принципов религий. В статье «На пороге нового тысячеле-

тия», помещенной в этом сборнике, Гюлен пишет: «Ислам, христианство и иудаизм имеют общие корни, практически одинаковые основополагающие принципы и питаются из одного источника. Несмотря на их соперничество на протяжении многих веков, общие черты и общая ответственность за создание счастливого мира для всех божественных творений делают необходимым диалог между ними» (*Гюлен Ф. Перспективы: очерки, мнения. – Минск, 2009. – С. 34*). В работе «Диалог и толерантность» Гюлен рассуждает об идеальном обществе, «новых людях», людях сердца, истинных человеческих ценностях, важности и необходимости семейного очага, об отношениях в семье между ее членами.

Теперь обратимся к более детальному анализу основных мыслей Гюлена, посвященных семье, браку, отношениям между мужчинами и женщинами.

Отметим вначале, что при всем своем трепетном отношении к семье Гюлен предпочитает в целом заботу о мире и его благополучии. В статье «Новый человек» читаем: «Новый человек, преданный вечным ценностям, всегда будет смотреть в будущее для того, чтобы победить своим светом тьму, окутавшую мир. Они (новые люди. – С. Б.) будут настоящими правдолюбцами, всегда готовыми в случае необходимости при любых условиях покинуть свои дома и семьи» [3, с. 126]. Из этого вытекает, что общечеловеческое благо для Гюлена важнее личных и семейных интересов индивида.

Если расценивать рассуждения Гюлена о семье с точки зрения социологической науки, то он придерживается биологизаторского подхода, который был характерен для Аристотеля, И. Канта, И. Фихте. С этих позиций семья видится первичной, она раз и навсегда созданное образование, которое со временем не меняет ни формы, ни сущности. Приведем несколько цитат: «Народ состоит из отдельных семей. Поэтому, если в отдельных семьях царит покой, то и сама нация пребывает в благоденствии. Как было бы прекрасно, если бы те, кто трудится во имя духовного и материального

оздоровления нации, начинали свою деятельность с работы с отдельными семьями!..» [1, с. 230]; «Дом это нация в миниатюре, а нация – это одна большая семья. Человек, который достиг успеха в управлении большой или малой семьи и смог воспитать в своем доме настоящих людей, если постарается, то сможет достичь успеха в еще более масштабной деятельности» [1, с. 230]; «Семья – это основополагающий элемент общества. И здоровье всего общества зависит от того, насколько здоровыми являются отношения в каждой отдельной семье. И бессмысленно искать в обществе милосердие и почитительность, потерянные в семье!..» [1, с. 232–233]. Мысли, возникшие во времена античных мыслителей, философов и ученых XVIII и XIX веков, Гюлен возвращает в XXI столетие. Семья – первична, а общество, государство – вторичны. Именно прочность семьи определяет социальную стабильность. Конечно, Гюлен идеализирует. Но в то же время, конечно, он видит, что происходит в современных семьях. И как не согласиться с тем, что он пишет: «Судьба будущего находится в руках не тех наций, которые обладают преимуществом в технике и различных технологиях, а тех, которые уделяют достойное внимание институту брака и воспитанию молодого поколения. Нации, несерьезно относившиеся к браку и продолжению рода, если не сегодня, то завтра будут обречены исчезнуть между зубьев шестерни времени» [7]. Можно возразить Гюлену, что не только семья влияет на общество, но и общество воздействует на семью. Семья и общество – взаимно сообщающиеся сосуды. Это объективная данность. Функциональный облик современной семьи значительно отличается от того, который был двадцать и тем более сто лет назад. Многие ее функции перешли к политическим и образовательным системам, социальным структурам, СМИ и т. д. Семья сегодня – лишь один из социальных институтов, который воздействует на человека. Но вместе с тем мы понимаем, что необходимо усиливать роль семьи, ее значение в воспитании новых поколений. Без первичного этапа со-

циализации в здоровой семье ребенок не приобретет того прочного стержня, на котором держится личность человека и ее дальнейшее формирование. Детство – это особый период в жизни человека. И как писал известный российский академик И. С. Кон, «от того, каким будет мир детства, зависит и то, каким будет наш мир» [4].

Для Гюлена брак – общественная необходимость, а не личная потребность. Он утверждает: «В брак вступают не для получения удовольствия и наслаждений. Вступают в него во имя создания семьи и укрепления будущего нации, а также для того, чтобы внести порядок в свою личную жизнь, пресечь разбросанность в мыслях и взять под контроль свои чувства. В процессе создания семьи удовольствия служат лишь своего рода стимулом и небольшим вознаграждением за то, что человек взял на себя такую ответственность» [1, с. 228–229]. Социальная мотивация matrimониального поведения звучит и в следующей цитате: «Для нации и общества брак имеет гораздо большее значение, чем лично для того, кто его заключает. С этой точки зрения не только неудачный брак, но и безбрачие – это настоящее бедствие, губящее нацию и позорящее молодых людей» [1, с. 230]. Согласно Гюлену, человеком при вступлении в брак должно двигать не желание добиться личного счастья, а забота о будущем своей нации. Это утверждение очень близко современным японцам, большинство из которых исповедуют буддизм и синтоизм (основанный на анимистических верованиях древних японцев) и для многих из которых брак является гражданской обязанностью, а не личным выбором. Конечно, для современного постиндустриального западного общества, где доминируют гедонистические потребности и растет индивидуализация жизни, заявленный мотив для вступления в брак – не реалистичен.

В целом в понимании брака и семьи Гюлен – традиционалист, хотя бывает весьма прогрессивен в своих взглядах на межполовые отношения и пересматривает складывавшиеся столетиями брачно-семейные ценности с позиций

нового времени, нового общественного порядка. В устройстве брака главенствуют мужчины: «Нельзя давать согласие на брак вашей сестры или дочери с тем, кого вы не знаете и нельзя просить руки той, которая вам недостаточно хорошо известна. В противном случае брачный договор, заключенный на такой зыбкой основе, либо завершится разводом, который Аллаху совсем не мил, либо станет причиной многих страданий, которые будут длиться всю жизнь» [1, с. 229]. Этот призыв еще раз обнаруживает приверженность Гюлена патриархальному укладу жизни, где доминируют мужчины, которые и определяют жизненные правила, в том числе и в области брака и семьи. Женщина видится как объект, которым управляет мужчина. Мы знаем, что во многих западных обществах брак сегодня – это добровольный, свободный и равноправный союз мужчины и женщины, которые зачастую делают свой выбор даже без учета мнений родителей и других родственников. Любовь, симпатия, общие интересы, схожее мировоззрение, желание иметь общих детей – основные мотивы, которыми руководствуются мужчины и женщины при принятии решения о заключении брака. Индивидуальный подход к волеизъявлению по отношению к жизни в браке во многом обуславливает его неустойчивость, однако в постиндустриальном мире реалии таковы, что внешние регуляторы брака стали менее прочными, чем внутренние.

Гендерно нейтральным выглядит рассуждение Гюлена о качествах вступающих в брак: «Люди, желающие создать семью, прежде всего должны обращать внимание не на внешний вид, красоту или материальную обеспеченность. Они в большей мере должны думать о красоте духовной, о нравственности и целомудрии, благородстве и возвышенности характера» [1, с. 229]. Здесь слышатся Платоновские нотки. Тщательность выбора будущими супругами друг друга обеспечит стабильность брака. И с этим не поспоришь, потому что действительно люди должны оценить качества друг друга и возможность совместимости характе-

ров до брака, чтобы потом находить взаимопонимание в браке. Многочисленные разводы в западном мире – доказательства того, что люди довольно легкомысленно относятся к вступлению в брак и созданию семьи, не очень дорожат брачным союзом. Наши исследования, проведенные в Беларуси в разные годы, в том числе и среди молодежи, показывают, что недостаточная подготовленность к вступлению в брак, несформированность необходимых качеств для жизни в браке, легкое отношение к нему значительно снижают прочность брачно-семейных отношений.

Гюлен противник развода, но он признает, что в исключительных случаях он бывает оправданным: «Разводом называется отрыв личности от уз брачной жизни и переход в состояние высвобожденности. И хотя иногда развод и кажется чем-то успокаивающим, он в большинстве случаев приносит с собой беспокойство и лишения» [1, с. 230–231]. И далее: «С точки зрения закона божьего, развод – это самое неприятное из всего того, что дозволено совершать. Но в той же мере, в какой развод неприятен, неестественно было бы лишать людей такой возможности» [1, с. 231]; «Безразличие к факторам, которые неизбежно могут привести к разводу, является следствием незнания человеческой природы и ее особенностей. Думать, что любой брак может оказаться удачным, было бы так же наивно, как думать, будто бы все люди абсолютно одинаковы» [1, с. 231]. Этот взгляд Гюлена современен и оправдан. Ведь когда говорят о свободе брака, подразумевают и свободу развода. Но при этом свобода не означает легкомыслия и безответственности.

Можно догадываться о том, что имеет в виду Гюлен, когда говорит о факторах развода. С социологической точки зрения под факторами развода понимаются социальные процессы и явления, которые могут способствовать или препятствовать уровню разводимости. Разводам способствуют индустриализация, научно-техническая революция, миграция населения, урбанизация, эмансипация женщин,

либерализация нравов и правовых норм, которые регулируют брачно-семейные отношения, сексуальная революция и др. В глобализирующемся и трансформирующемся мире от этих факторов никуда не денешься. Конкретные брачные пары распадаются по ряду нравственно-психологических, экономических и физиологических причин. И если говорить об этом уровне, то здесь, на наш взгляд, можно прилагать усилия для сохранения браков. Именно личные устремления и личные желания помогают «выживать» многим брачным союзам вопреки неблагоприятному внешнему окружению и социальным обстоятельствам. Логично продолжить, что на этом, индивидуальном уровне нужно работать с подрастающими поколениями, воспитывая в них необходимые для совместной жизни в браке качества и серьезное, более ответственное отношение к нему.

«Если считать развод своего рода хирургическим вмешательством, призванным устранить болезнь, то брак, опирающийся на логику и здравомыслие, связанный прочными и нерушимыми условиями, есть не что иное, как соблюдение гигиены, которая гарантирует нам наше здоровье. Поэтому прежде чем, расторгнув брак, погубить семью или покуситься на душу, запретив его расторжение, надо установить в браке гармонию и органичность взаимоотношений и никогда не нарушать условия сохранения этой гармонии», – пишет Гюлен [1, с. 231]. И далее он продолжает: «Каждый развод, совершенный по причине глупых капризов, это горечь потери для того, кто разводится, несправедливость по отношению к тому, с кем развелись, и такой источник беспокойства для всей семьи, который на всю жизнь остается незаживающей и кровоточащей раной...» [1, с. 231]. Изучение причин и последствий развода показывает, насколько прав Гюлен, какими драматичными могут быть результаты разрыва отношений для мужчин, женщин, детей – экономические, психологические, социальные. При этом мы знаем, что развод может быть и спасением для тех людей, которые страдали в браке от разнообразных видов насилия,

холодности, пагубных привычек кого-то из членов семьи и др.

Много внимания уделяет Гюлен отношениям между родителями и детьми. «Мать и отец – это два самых священных для нас существа, к которым человек должен проявлять наибольшее уважение. Тот, кто проявляет к ним непочтительность, считается преступившим волю Всевышнего. И тот, кто дурно с ними обращается, рано или поздно будет наказан за это» [1, с. 231]. Призыв уважать и чтить родителей, безусловно, актуален в современном мире. И как бы разъясняя свою позицию, Гюлен продолжает: «Со дня своего появления маленькое человеческое существо буквально растет на плечах своих родителей и на протяжении многих лет остается для них большим и тяжелым грузом ответственности. И никто из нас не в состоянии измерить ни степень глубины той любви, которой родители окружают своих детей, ни все те испытания, которым они себя подвергают. Поэтому уважение к родителям – это долг совести и обязанность, которой никто не имеет право избегать» [1, с. 231–232]. Продолжая развивать эту мысль, Гюлен пишет: «Те, кто считает уважение к родителям залогом достижения благоволения и милости Всевышнего, принадлежат к самым счастливым людям как в мире земном, так и в жизни грядущей. А те, кто пренебрегает своими родителями и раздражается при их жизни, – это несчастные люди, которые окажутся в бедственном положении» [1, с. 232]. И еще две цитаты на эту тему: «Человек должен быть предельно почтителен к своим родителям, а они, в свою очередь, должны уделять его духовному здоровью по меньшей мере такое же внимание, какое они уделяют его физическому здоровью, и как можно раньше поручить его воспитание самым лучшим учителям и врачевателям человеческих душ. О, сколь велико невежество родителей, пренебрегающих духовным здоровьем своего ребенка и сколь несчастно дитя, ставшее жертвой этого невежества!...» [1, с. 232]; «Полколения, которые 30–40 лет спустя станут самой активной

и плодотворной частью нации, – это нынешние дети. И те, кто сегодня не уделяет им достаточно внимания и пренебрегает ими, должны осознать, насколько важным в жизни нации элементом они пренебрегают и хорошенько поразмыслить над последствиями» [1, с. 233]. Эти высказывания демонстрируют позицию философа и не нуждаются в комментариях. Хотя, с одной стороны, это очевидные факты, нравственные императивы, но с другой – стоит согласиться, что мы часто забываем эти истины или вообще не задумываемся на эту тему.

В исламе признана несороральная полигиния и, согласно Корану, мусульманину разрешается иметь до четырех законных жен. Однако к середине XX века в большинстве мусульманских стран полигиния была ограничена.

Особый интерес представляют разъяснения Гюлена по поводу многоженства Пророка Мухаммеда, которого часто осуждают за многобрачие. Вопрос непростой и достаточно дискуссионный. Мухаммед (ок. 570 г. – 632 г.) – это пророк ислама, направленный Богом ко всему человечеству. Мусульмане верят в то, что через Мухаммеда Бог ниспослал народам мира ислам как новую религию в законченном виде и что Коран представляет собой последнее Божественное Откровение. Согласно исламу, Мухаммед был последним посланником Божьим и после него посланников не будет до дня Страшного Суда. Главное чудо, которое сотворил Мухаммед, это Коран – священная книга ислама. Свою пророческую деятельность Мухаммед осуществлял в течение 23 лет (с 40 до 63 лет – возраста, когда он умер). Благодаря проповедям и усилиям первых мусульман ислам постепенно стал распространяться среди населения Мекки. Мухаммед был активным противником суеверий и критиковал язычество. Язычники же, защищая свои обычаи, насмехались над мусульманами, преследовали, пытали их и даже убивали. После этого мусульмане решили переселиться из Мекки в Медину.

Известный историк Масуди в своей книге «Муруджуж-захаб» отмечает, что пророк Мухаммед имел 15 жен. Дру-

гой известный историк Йагуби пишет, что пророк Мухаммед имел 21 или же 23 жены. При этом Йагуби отмечает, что пророк вступил в физические отношения только с 13 женами. А остальные скончались либо после заключения брака, либо до брачной ночи, либо пророк развелся с ними до брачной ночи [5].

Гюлен заключает, что Посланник Аллаха заключал браки по разным важным мотивам, считая уважительными все из них. Согласно Гюлену, Пророк Мухаммед всегда имел важные цели при вступлении в каждый брак: то ли это была политическая необходимость, то ли особое положение некоторых женщин [6]. При понимании вопроса многоженства Мухаммеда, согласно Гюлену, человеческая логика не сравнима с величием и мудростью самого Пророка. Его поступки продиктованы его великой мудростью.

Несмотря на то что пророк Мухаммед имел множество жен, Гюлен называет его целомудренным и благороднейшим человеком. Он напоминает, что первый раз пророк женился только в 25 лет по любви, и это притом, что он жил на юге, где было принято рано вступать в браки. В частности, Гюлен пишет: «Если учесть особенности жаркого климата страны, где он жил, то нельзя не признать целомудрие этого человека, власть его над нафсом (нафс – собственное естество человека; естественные потребности тела и души. – С. Б.)» [6, с. 41]. Этот брак Гюлен называет превосходным и богоугодным, хотя и был он заключен с женщиной на 15 лет старше Мухаммеда, которая до него уже дважды побывала замужем. Вместе эта пара счастливо прожила 23 года. На сороковом году своей жизни (и на пятнадцатом году первого брака) Мухаммед получил ниспослание Откровений. Счастье супружеской четы, наполненное заботами о домашнем очаге и детях, оборвалось, когда ему было 48 – его первая жена умерла. Пророк опять стал одинок. После этого он прожил в одиночестве около 5 лет. Ему шел пятьдесят третий год жизни.

Гюлен отмечает, что все последующие браки Пророк заключал в возрасте, когда интерес к браку у мужчины ослабевает, и что обвинять в сладострастии и чувственности 55-летнего жителя южной страны, вступавшего в браки, несправедливо. Гюлен считает, что критики Пророка Мухаммеда вообще не имеют морального права осуждать его, потому что у них нет никаких принципов и они не верят в Создателя. Гюлен указывает и на то, что Пророк Мухаммед не был первым многоженцем, а само многоженство не противоречит пророческой миссии. И он пытается объяснить, почему в то время полигиния была полезна для успешного осуществления миссии.

Турецкий философ приводит несколько аргументов, которые оправдывают многоженство Мухаммеда. Во-первых, пророку, который принес священные предписания для всех людей, очень важны были браки с несколькими женщинами в связи с тем, что только женатый человек может постичь существенные аспекты религии, которые связаны с вопросами семейной жизни. Во-вторых, так как все жены Пророка были женщинами разного возраста (пожилые, зрелые, молодые), а каждый возраст требует соблюдения своих правил, то представительницы каждой когорты могут помочь проводить принципы в жизнь в своей возрастной группе.

По мнению Гюлена, все браки, кроме первого, в который Мухаммед вступил по любви, заключались им исключительно по политическим мотивам. А количество браков объясняется тем, что это правило было введено значительно позже того времени, когда женился Пророк Мухаммед. (Здесь мы можем увидеть некое противоречие во взглядах на мотивацию брака: браки по любви и браки как общественная необходимость, политическая цель. – С. Б.)

Необходимо вкратце описать женщин, которые были женами Пророка, чтобы подтвердить этот аргумент Гюлена. Но сначала общее замечание.

Ф. Гюлен пишет, что поскольку все женщины были родом из разных племен, «то посредством браков с ними на-

лаживались дружеские отношения сначала между родами, а потом и между народами, которые благодаря глубоко почитаемой личности Пророка породнились друг с другом. Каждый род и каждое племя считало Его своим и, кроме религиозных, питало к нему и теплые родственные чувства.

Жены Пророка как при жизни, так и после его смерти вели очень серьезную религиозную работу среди своих сородичей, рассказывали близким и далеким родственникам о явных и сокровенных качествах лучшего из Пророков. Благодаря этому все мужчины и женщины племени или народа изучали Коран, его толкование, хадисы (изречения. – Б. С.) и воспринимали дух религии» [6, с. 43].

Гюлен разъясняет, что «при помощи браков великий Пророк сблизился со всем арабским миром, стал почетным гостем каждого дома. Каждый получил возможность приблизиться к этому человеку, воплощавшему любовь, каждый мог изучать религиозные законы из первых уст. Каждое племя считало себя породненным с Пророком и гордилось этим: махзумиты – благодаря Умму Саламе, омейяды – Умму Хабибе, хашимиты – Зайнаб бинт Джахш. Они были счастливы близостью к Пророку Мухаммеду» [6, с. 44].

Итак, что это были за женщины? Опишем некоторых из них.

Первой и любимой женой Пророка была Хадиджа, которую Гюлен называет высокочтимой и благородной. Брак с ней является лучшим образцом супружества. Мухаммед 23 года брачной жизни с первой женой хранил ей глубокую верность и преданность, и после смерти Хадиджи он часто вспоминал о ней. После смерти первой жены Пророк в течение 5 лет был и отцом, и матерью их детям, добросовестно заботился о них.

Второй женой Пророка была дочь его самого близкого друга и сподвижника Абу Бакра – Аиша. Гюлен называет брак с Аишей самой большой милостью, какую мог оказать Пророк этому человеку, потому что благодаря этому браку Абу Бакр заслужил честь всегда быть рядом с Пророком.

Аиша была и женой, и ученицей Мухаммеда. Она обладала редким природным умом и смогла продолжить дело, начатое Пророком. Она прославилась как лучший знаток хадисов, искуснейшая толковательница Корана, несравненный знаток мусульманского права, как человек, лучше всех понимавший все черты характера Пророка Мухаммеда. Аиша стала одной из лучших учениц Пророка, проповедницей и наставницей правоверных [6, с. 45].

Третьей женой Мухаммеда была Умму Салама, которая происходила из племени маззум. Так как она была одной из первых мусульманок, то подвергалась в Мекке преследованиям язычников. По этой причине она переселилась сначала в Эфиопию, а затем в Медину. Вместе с ней всем этим испытаниям подвергался и ее муж, сподвижник Пророка Абу Салама, которого она считала необыкновенным человеком. После его смерти она осталась одна со множеством детей на руках. Первыми ей предложили руку помощи Абу Бакр и Омар, однако она не приняла их предложений, потому что считала, что никто не достоин занять место ее покойного мужа. Но когда с предложением брака к ней обратился Мухаммед, она согласилась. Гюлен считает, что Мухаммед совершил верный поступок, ведь Умму Салама пожертвовала ради ислама и веры всем, она осталась одна после многих лет в очень тяжелом положении, хотя до этого жила в одном из самых богатых арабских племен. Было бы несправедливо оставить ее в нищенском состоянии. Ей обязательно нужно было помочь в благодарность за то, что она сделала для ислама [6, с. 46]. Пророк поступил как человек, который с юных лет поддерживал беззащитных и слабых, как человек, который выполнил свой долг.

Умму Салама была умной и проницательной женщиной. У нее был талант наставницы и истинной проповедницы. Мухаммед взял ее под свое покровительство, дал ей многие знания, но и она проявила себя как достойная ученица, способная принести славу всем женщинам. Рассуждая на эту тему, Гюлен восклицает: «Ничем иным нельзя объяснить

брак почти шестидесятилетнего мужчины, отца многих детей, с многолетней вдовой, о которой он тоже должен был заботиться. Тем более нельзя объяснять его похотливостью и слабостью к женщинам!..» [6, с. 46].

Еще одна из жен пророка – Зайнаб бинт Джагш, по словам Гюлена, женщина широкой души, высокоодаренная, благородная и утонченная. Она была родственницей Пророка и выросла на его глазах. Пророк сватал ее за Зейда – своего вольноотпущенника, но родители девушки предпочитали видеть свою дочь женой самого Пророка. Однако Мухаммед настоял на своем и убедил их отдать Зайнаб за Зейда бин Хариса. С помощью его брата Пророк хотел утвердить равенство между людьми и начал это трудное дело со своей семьи. Однако сразу же стало ясно, что Зайнаб не сможет состоять в вынужденном браке. Зейду супружество также не принесло ничего хорошего. Они развелись. Считается, что тогда с небес спустился архангел Джабраил (один из четырех главных ангелов, через которого Аллах ниспосылал свои откровения пророкам. – С. Б.) с божественным повелением Пророку Мухаммеду заключить брак с Зейнаб: «Это было трудное испытание, ибо Пророк совершал то, на что ранее никто не осмеливался: он объявлял войну прочно укоренившимся обычаям. Это была трудная борьба, вести которую можно было лишь по велению Аллаха. Как говорила досточтимая Аиша, если допустить, что Пророк мог бы утаить какое-либо из велений Аллаха, он скрыл бы аяты (стихи), повелевающие ему жениться на Зайнаб. Настолько трудным испытанием был этот брак для Пророка» [6, с. 47–48]. Это объясняется тем, что в эпоху язычества арабы считали приемных детей родными, а их супруги соответственно приравнивались к женам и мужьям своих детей. И когда возникла необходимость устранить этот устаревший обычай, первым начал Пророк (дело в том, что Зейд был приемным сыном Пророка Мухаммеда). И в Священном Коране было сказано: «Так же, как каждый, кого вы называете сыном, на самом деле не является вашим

сыном, так же не являются для вас невестками их жены)» (Св. Коран, 33:4).

Женой Мухаммеда была также Джувейрия бинт аль-Харис, чье племя потерпело поражение в войне с мусульманами и было взято ими в плен. Эта женщина занимала высокое положение в своем племени, и когда ее привели к Пророку Мухаммеду, она была полна злобы. Пророк «с необычайной легкостью» решил проблему, взяв Джувейрию в жены. Он возвысил ее до уровня матери правоверных. Сподвижники Посланника Аллаха провозгласили: «Родственники Пророка не могут быть пленными» – и отпустили всех соплеменников Джувейрия бинт аль-Харис. Благодаря этому поступку мусульман они смогли привлечь на свою сторону целое племя, которое ранее их ненавидело.

Еще одна жена – Сафийа – дочь правителя Хайбара. Гюлен рассказывает: «В битве за Хайбар были убиты ее отец, брат, муж, а оставшиеся в живых соплеменники взяты в плен. Сафийю переполняли ненависть и жажда мести. Однако выйдя замуж за Пророка, она возвысилась, ее стали уважать как супругу Пророка, сподвижники называли ее матерью, а сам Пророк обходился с ней мягко и бережно. Сафийа забыла все обиды и гордилась тем, что стала женой Пророка. К тому же благодаря ей, многие из числа иудеев смогли поближе познакомиться с нашим Пророком и смягчить свои взгляды. Великий и Всемогущий Аллах и этим браком принес много блага общине мусульман.

Кроме того, надо учитывать, что Сафийа, отлично знавшая своих соплеменников-иудеев, благодаря этому могла преподать им урок истинной веры. Досточтимая Сафийа и подобные ей женщины из других племен и народов сильно воздействовали на духовную жизнь своих соплеменников» [6, с. 49].

Ф. Гюлен описывает и других жен Пророка Мухаммеда. Он отмечает, что браки, заключенные Пророком, когда ему было уже за шестьдесят, решали ряд важных вопросов, помогая ему находить мирный выход из самых трудных си-

туаций. Гюлен подчеркивает, что ни в одном из браков Пророк не руководствовался чувственными соображениями. Он либо стремился сблизиться со своими сподвижниками, либо пытался развивать выдающиеся способности той или иной женщины, которая становилась его женой. Гюлен пишет: «С невероятной быстротой и справедливостью он решал все проблемы, связанные с насущными потребностями своих жен: вопросы их размещения, одежды, расходов, предупреждал и разрешал их споры и конфликты. Как говорил Бернард Шоу, «...он решал самые большие проблемы с такой же легкостью, с какой делал глоток кофе». Все это лишний раз подтверждает, что Мухаммед выполнял пророческую миссию.

Мы преклоняемся перед этим человеком, который так грамотно управлял множеством женщин, каждая из которых до этого привыкла к иному семейному укладу, отличалась по характеру и темпераменту от остальных» [6, с. 49]. Многоженство несколько не помешало Пророку в служении Аллаху и в распространении его религии. «Он так же по ночам молился, днем постился, участвовал в газавате, не допускал излишеств ни в еде, ни в одежде и ни в чем другом, ни для себя, ни для супруг» [7].

Есть еще один аспект проблемы многоженства, на который указывают критики и который объясняет Гюлен. Пророк превысил разрешенное мусульманину число жен: «Дело в том, что существует много законов, как известных, так и не известных нам. Одно время ему, несомненно, было дано соответствующее разрешение. Затем же на количество жен было наложено ограничение (Св. Коран, 33:52)» [6, с. 50].

А теперь рассмотрим еще один вопрос, касающийся отношения полов: их субординация, соотношение. В ряде высказываний Гюлена есть утверждения о равенстве полов. Но, обращаясь к происхождению человека, он ссылается на сотворение Адама и Евы и в одном из своих интервью трактует происхождение Евы [6, с. 163].

«Человек не является существом, приобретшим свой нынешний облик в результате эволюции. Он был создан как совершенно особое существо», – начинает свой ответ Гюлен. Он обращается к лингвистическим нюансам для трактовки понимания слова «человек» и заостряет внимание на одной особенности арабского языка. Местоимение женского рода – «ха», а мужского рода – «ху». Это ясно в нижеследующем аяте (имеется в виду арабский вариант фразы): «Он сотворил нас из единой души, потом сделал из нее ей пару...» (Св. Коран, 39:8). Рассмотрим эту фразу подробнее. Из нее следует, что Всевышний создал Еву не из самого Адама, а из сущности Адама. Это очень тонкая деталь. Человеческое естество Адама и сущность Адама не одно и то же. ...Сущность человека – это одно, а его внешность – это другое. Так что, когда Священный Коран, говоря о сотворении Евы, использует слово «минха», он имеет в виду именно сущность, а не человеческое естество Адама [6, с. 166]. «...Женщина создана «из ребра» мужчины. Можно сказать, что в каком-то смысле женщина есть часть мужчины, т. е. она того же рода, обладает той же сущностью; оба сделаны из одного и того же материала. Не принадлежи они к одному виду, оплодотворение было бы невозможно, и род их не продолжался бы. Ведь далее в аяте сказано: «... А от них распространил много мужчин и женщин...» (Св. Коран, 4: 1). Будь они представителями разных видов, они не смогли бы размножаться. Значит, они должны принадлежать к одному и тому же виду...» [6, с. 168].

Далее идут рассуждения о слабости женщины, ее подверженности дурным влияниям. И делается вывод о том, что мужчины должны воспитывать женщин, давать им добрые советы, но делать это мягко.

Интересно отметить, как Гюлен реагирует на использование женского образа в современном коммерческом мире. Он возмущен тем, что, стремясь к наживе, многие производители используют для рекламы своих «примитивных товаров» образ женщины, попирая ее достоинство. Он вопро-

шает: «Почему изображения женщин красуются на шинах, туалетных и банных принадлежностях, на колбасах и сосисках? Какая связь между этими обычными предметами и женщиной? Значит, женщина служит для невежественных и заблудших людей орудием, ее используют для достижения несправедливых целей» [6, с. 169]. Филологу нетрудно заметить, что здесь есть противопоставление понятий «людей» (мужчин) и «женщин». И хотя очевидно, что Гюлен считает женщину вторичной по отношению к мужчине (подтверждение этому находим и в рассуждениях о сотворении Евы), он выходит на идеи гендерного равенства, не называя проблемы равенства полов такими словами. Ратуя за бережное отношение к женщине, он поступает как сторонник этого подхода. И, конечно же, как учитель нравственности.

Будучи в Турции, мы получили свежий номер журнала (Новые грани. – 2011. – № 29), где на последней странице приведено высказывание Ф. Гюлена: «Когда речь заходит о воспитании и образовании детей, поддержании порядка, гармонии и умиротворении в семье, то первый учитель и воспитатель человека – это женщина. И мы думаем, что в наше время – когда многие пытаются найти для женщины новое место в обществе – напоминание о ее истинной и исключительной миссии, дарованной ей свыше, помогло бы остановить эти бессмысленные поиски». Не хотелось бы вступать в длительную дискуссию с уважаемым философом, но выскажу лишь следующее замечание. Да, хорошая женщина-мать во многом является залогом успешного воспитания ребенка. Но не она одна. С ней в паре должен быть хороший мужчина-отец, ответственно относящийся к своей родительской миссии. И это многократно усилит гарантии того, что новое поколение вырастет достойным, нравственным, здоровым.

Нам удалось убедиться в том, что многие турецкие мужчины – хорошие отцы, потому что они хорошие и отзывчивые люди, работающие, не пьющие, готовые помогать

нуждающимся. Во время одной из встреч с представителями ассоциации предпринимателей в Стамбуле я с восхищением наблюдала за тем, как более 40 мужчин разного возраста со средним уровнем достатка живо и заинтересованно обсуждали, как наладить питание африканских студентов, проживающих в одном из общежитий города. Были там и учителя, и врачи, и водители такси. Председательствующий раздал всем листки со списком требующихся продуктов на месяц (я потом взяла один из них и попросила турецкого коллегу перевести этот список на русский язык). В перечне были 150 килограммов риса, 120 литров подсолнечного масла, 30 килограммов маргарина, 100 килограммов красной чечевицы, 80 килограммов белого сыра, 30 килограммов черных оливок, 50 килограммов фасоли, 100 килограммов сахара, 50 килограммов макарон, 50 сотен яиц, 15 килограммов меда, 20 килограммов сливочного масла, 150 литров молока, 50 килограммов соли, 15 килограммов сливочного сыра, 20 килограммов халвы и другое. Нужно было видеть, как эти уставшие мужчины (а это было уже около 11 часов вечера в середине рабочей недели) распределяли между собой обязанности по приобретению этих продуктов, с каким пониманием и каким энтузиазмом они брали на себя то или иное задание. И когда нам предложили поделиться впечатлениями по поводу нашего пребывания в Турции, я высказала мнение о том, что будущее нации и турецкого государства в надежных руках, потому что в нем живут не только хорошие женщины, ориентированные на семью, но и такие замечательные мужчины, которые могут ежедневно преподавать уроки жизни своим детям собственным примером толерантности, трудолюбия, доброты, трезвости, действенного участия в решении проблем нуждающихся. Помимо всего, это уроки нравственности и высокой морали. У таких отцов не может быть плохих детей.

Что же сказать в заключение о взглядах Ф. Гюлена на брачно-семейные отношения? Этот вывод сделать было не просто. В целом мы приходим к мнению об органичности

сплава и цельности воззрений философа на брак и семью, на отношения между полами. И это несмотря на то, что в них содержатся как традиционные патриархальные нормы, призывы к соблюдению религиозных и моральных ценностей, так и современные взгляды, выражающиеся в констатации необходимости уменьшения социальной дистанции между мужчинами и женщинами. Возможно, такой мостик, сплетенный из правил и норм прошлого и настоящего, перебрасываемый в будущее, необходим для сохранения вечных человеческих ценностей в меняющемся мире, без которых люди не могут обойтись, но вместе с тем они должны уметь приспосабливать их к новым объективным социальным условиям и вызовам времени, не теряя главного – близости и теплоты отношений между теми, кто являются друг другу супругами, родителями, детьми.

Возможно, будет хорошим аргументом в пользу утверждения правоты концепции турецкого философа, мусульманина Ф. Гюлена, упоминание того факта, что турецкая семья и сегодня – крепкий и стабильный социальный институт, который весьма удачно сопротивляется бурным переменам времени и успешно справляется со всеми своими социальными функциями.

Литература

1. Ф. Гюлен и современный мир. – М., 2010.
2. Ислам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 04.07.2011.
3. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2011. – 360 с.
4. Режим доступа: <http://www.rusmedserver.ru/child/detyoga/14.html>. – Дата доступа: 14.08.2011.
5. Мухаммед [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 14.08.2011.
6. Гюлен, Ф. Сомнения, порожденные веком / Ф. Гюлен. – М., 2005. – Т. 1. – С. 41.
7. Режим доступа: <http://www.vainahkrg.kz/e/1102764-zhenyi-prorokamuhammada-mir-emu-i-blagoslove>.

ГЛАВА 3

Ф. ЮЛЕН О ДИАЛОГЕ РЕЛИГИОЗНЫХ
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ:
ПРЕЗУМПЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Е. М. Бабосов

**ВЧИТЫВАЯСЬ В Ф. ГЮЛЕНА:
ТОЛЕРАНТНОСТЬ – ОСНОВА ДИАЛОГА ЛЮДЕЙ,
РЕЛИГИЙ И КУЛЬТУР**

Институт социологии НАН Беларуси, Минск

Среди влиятельных мыслителей, перенесших в своих богословских и интеллектуальных исканиях осмысление потрясений, горестей, страданий, свершений и надежд XX века в век XXI, заметное место занимает выдающийся турецкий проповедник и мыслитель Ф. Гюлен. Начав профессиональную деятельность имамом (священнослужителем) в мечети, всю свою творческую жизнь он посвятил служению Всевышнему, возвышению значимости духовно-нравственных начал в жизни современников, поиску справедливых путей решения социальных проблем. В его многочисленных произведениях настоящая на глубоких религиозных чувствах восточная мудрость органично переплетается с чеканными линиями европейской рациональности. И все это посвящено диалогу между людьми, между различными религиями и культурами. Он убежден, что только путем совершенствования системы образования в современном обществе могут сформироваться толерантность, терпимость и уважение к правам человека, взаимопонимание между отдельными людьми и народами. Последовательно отстаиваемый им межконфессиональный и межкультурный диалог фактически выступает в качестве альтернативы по отношению к выдвинутой американским профессором С. Хантингтоном и широко обсуждаемой в интеллектуальных кругах концепции «столкновения цивилизаций».

Провозгласив одной из важнейших целей своей гуманистической программы нахождение и упрочение диалога между людьми, религиями и культурами, Ф. Гюлен сокрушается по поводу того, что в современном мире «немало и тех, кто не приемлет диалога между людьми. Все, что делает большинство из нас, – это найти поводы для вражды, конфронтации с другими, попытаться очернить имя другого, беспочвенно его оговорить...Налицо ужасающая разобщенность как между индивидуумами, так и между социумами» [1, с. 42].

Необходимость диалога между цивилизациями, странами и культурами становится все более ощутимой в современном мире. «Наше общество, – пишет Ф. Гюлен, – находится на пороге кардинальных изменений, связанных с процессами глобализации, и мы говорим о важности диалога с другими странами, забывая о том, что диалог должен начинаться внутри общества». Поэтому исходным началом любого диалога должны стать взаимопонимание, взаимоуважение, взаимоподдержка в повседневных отношениях людей друг с другом во всех областях их повседневной жизни. А названные качества возникают, развиваются, обогащаются только на основе толерантности. Сама же толерантность, в понимании Ф. Гюлена, «это умение жить в мире с окружающими людьми, принимая каждого таким, каков он есть, т. е. уметь принимать субъективные взгляды и принципы других, но при этом не отказываться от своих» [1, с. 77]. Опираясь именно на такое понимание толерантности, «развивая и укрепляя диалог, – утверждает Ф. Гюлен, – мы должны находить точки соприкосновения и строить отношения с представителями всех слоев общества». Несмотря на различия во взглядах и мнениях, мы являемся представителями одного общества, имеющими общие чаяния, и все горести или радости, которые выпадают на нашу судьбу, переживаем вместе. Поэтому у нас много общего и уже на этом может строиться диалог» [1, с. 78, 81].

Осуществление толерантности, в понимании Ф. Гюлена, предполагает развитие у человека ряда социальных качеств, которые в своем взаимодействии развивают и возвышают его личность. Среди таких качеств исламский мыслитель называет человечность, скромность, баланс между физическим и духовным, уважение к другому человеку, стремление к знаниям, дух трудолюбия, взаимопомощь и изучение книги мироздания. Во всем этом многообразии, считает он, первоочередным и самым важным качеством является терпимость. Проповедуя ее как путь человеческого взаимопонимания и взаимосотрудничества, турецкий мудрец подчеркивает: «Пути, ведущие к вершинам, начинаются в долинах... конечно для тех, кто терпелив» [2, с. 207]. А терпеливость как духовное качество человека воплощается в его отношениях к другим людям, явлениям, культурам, религиям как свойственное его поведению состояние терпимости. Это понятие, подчеркивает Ф. Гюлен, «подразумевает принятие всех людей вне зависимости от их мнения и взглядов, мировоззрений, идеологической, этнической принадлежности или вероисповедания. Оно также предполагает, что мы, опираясь на душевные силы, силу веры, широту сердца и чувств, должны уметь примиряться с тем, что нам не по душе» [1, с. 82].

Основная задача обучения и воспитания людей, прежде всего молодежи, утверждает Ф. Гюлен, заключается в том, чтобы сделать атмосферу терпимости постоянной. В этой атмосфере и расцветают прекрасные, возвышающие душу человека цветы толерантности, вырастают ее плоды. Только в условиях повсеместного распространения и неуклонного поддержания терпимости, по его словам, можно совместными усилиями множества людей, народов, культур и религий создать такой благоприятный для жизни человека мир, «где будут сосуществовать различные верования, конфессии, расы, традиции и привычки... Другими словами, гарантом мира и покоя в мире являются глобальная терпимость и диалог. Иначе миру не избежать больших по-

трясений в результате конфликтов, конфронтаций и кровопролитных войн [1, с. 341].

Современное мировое сообщество государств и народов, втянутое в круговорот возрастающих масштабов глобализации, по твердому убеждению Ф. Гюлена, испытывает все более возрастающую потребность в толерантности. Настоятельным требованием нашего времени, считает он, во всех контактах с различными социальными кругами и группами, различными религиями и культурами является все возможное «во имя диалога, толерантности и человеколюбия» [1, с. 86]. Поэтому так желательна, более того – необходима «активная деятельность на благо развития толерантности» [1, с. 80]. Только руководствуясь такими благими целями, утверждает мудрец, «сторонники толерантности построят мир, основывающийся на принципах толерантности» [1, с. 81]. Здесь открывается еще один, очень важный аспект гюленовского понимания толерантности. Толерантность, утверждает он, является очень важным составляющим фактором демократии. В действительности там, где нет толерантности, нет и демократии, а «строить демократию без толерантности невозможно» [1, с. 80].

Воздавая должное этим суждениям выдающегося исламского мыслителя-гуманиста, отметим их содержательное сходство с представлениями о толерантности, укоренившимися на протяжении нескольких столетий в системе ценностей белорусского народа. В отшлифованной десятилетиями и столетиями нелегкой жизненной судьбе белорусов и в сделанном ими в середине 90-х годов XX века историческом выборе – построить независимую, суверенную, сильную и процветающую Республику Беларусь толерантность понимается как такое социальное качество личности и/или социальной группы, которое характеризует отношение к другому человеку, другой культуре или религии как к равнодостоинному собеседнику, партнеру. Она предполагает сознательное подавление появляющегося в определенных условиях чувства неприятия, отторжения, вызванного

тем, что знаменует в другом человеке, другой культуре или языке что-то существенно отличающееся от того, что свойственно мне и моей культуре (внешность, манера речи, обычаи, традиции, вкусы, верования, убеждения, образ жизни и т. п.). Толерантность включает в себя настроенность на взаимопонимание с другим человеком (другими людьми, другой культурой, религией), доброжелательный диалог с ними, признание и уважение их права на отличие. В ней синтезирован исторический опыт складывания и развития свойственным белорусскому народу веротерпимости, эмпатии (дружественных посылов по отношению к другим людям), постижения эмоционального состояния другого человека участливым сопереживанием с ним. Важно подчеркнуть, что понимание и терпимость к чужой точке зрения или к иным политическим, религиозным, научным убеждениям не предполагает отказ от критической оценки или от собственных убеждений и жизненных позиций. Особенно желательна и необходима толерантность в тех сферах общественной жизни, где отсутствуют четкие критерии оценки и доказательности каких-либо взглядов и жизненных позиций, будь то вопросы религиозной веры, художественных вкусов, спортивных или политических предпочтений, моральных убеждений или национальных традиций. Такое ее понимание и применение ориентирует людей на выбор и реализацию не конфликтных, а компромиссных способов решения спорных проблем.

В то же время чрезмерная терпимость по отношению к негативным идеям и поступкам способна открыть путь к произволу и насилию. Поэтому ни при каких обстоятельствах толерантность не должна оборачиваться попустительством по отношению к посягательствам на свободу, нравственное достоинство человека, его гражданские права и мировоззренческий выбор. Она предполагает выработку умения прислушиваться к мнению идеологического или политического оппонента, убедительно и аргументированно отстаивать собственные убеждения, принципы, жизнен-

ную позицию. Убедительным свидетельством глубокой укорененности принципов толерантности в самосознании белорусского народа является распространенное убеждение, что каждый народ имеет неотъемлемое право сохранять и развивать свой родной язык, культуру, обычаи, традиции, уклад жизни, своеобразие религиозных верований. Достаточно напомнить, что в настоящее время в Гродненской области, где насчитывается значительное число компактно проживающих поляков и литовцев, функционируют общеобразовательные школы на польском и литовском языках обучения, выходят газеты на польском языке, звучит еженедельный радиожурнал, дважды в месяц выходит телепередача «Над Неманом» на том же языке, действует социально-культурное объединение «Союз поляков Беларуси».

О высокой значимости толерантности как ценности менталитета белорусского народа убедительно свидетельствуют итоги проведенного в октябре 2010 г. Институтом социологии НАН Беларуси репрезентативного социологического исследования. Из более полутора тысяч респондентов, принявших участие в социологическом опросе, 70 % отметили, что в Беларуси не существует дискриминации по религиозному признаку, 71,5 – по языковому признаку, 71,8 % – по национальному признаку. Если иметь в виду, что в ответах на эти вопросы 18,5 % респондентов не высказали определенной точки зрения, а только 4–5 % высказались, что такая дискриминация кое-где проявляется, то вполне закономерным представляется вывод, согласно которому более 90 % нашего народа в полной мере толерантны по отношению к другим, не своим национальностям, языкам, религиям.

Сопоставление основных положений, сформулированных Ф. Гюленом, и реализуемой не только в Турции, но и в некоторых других странах концепции толерантности с существующей в Беларуси атмосферой толерантности показывает, что они не только близки по своей направленности и содержанию, но и во многих своих компонентах со-

падают. Это подчеркивает их совместимость и важность в развитии межкультурных и межконфессиональных взаимодействий.

А теперь рассмотрим развиваемую выдающимся исламским мыслителем доктрину толерантности не в общем концептуальном ракурсе, а в ее применимости к различным сферам межличностных и межцивилизационных отношений. Как мы уже отметили, исходным пунктом трактовки Ф. Гюленом толерантности в качестве базисного феномена гуманистического миропонимания является ее истолкование в плане взаимодействий между конкретными людьми, т. е. применительно к повседневному поведению конкретного человека. В связи с этим следует воспроизвести его понимание сущности человека. «Человек, – пишет Ф. Гюлен, – это существо, исполненное высоких чувств, способное к обретению благородных достоинств и безумно влюбленное в вечность. Даже в душе человека, кажущегося самым низким и падшим из всех людей, можно столкнуться с целой радугой чувств, в которой сплелись воедино мысль о вечности, любовь к красоте и чувство благородства. И возвышение этого человека как личности и обретение вечности зависят от того, насколько важное значение приобретут в нем чувства и насколько они будут развиты» [2, с. 113].

Толерантность между людьми как основная линия их взаимодействия, считал он, заключается в том, что «все свои действия по отношению к другим людям человек должен взвешивать на весах собственного эго, должен желать другим людям того же, что он желает самому себе» [2, с. 121–122]. Поэтому два самых важных из нравственных наставлений Ф. Гюлена гласят: «Твое положение в глазах людей равноценно положению людей в твоих глазах» и «если ты ждешь от кого-то доброты, то умей сначала сама ее проявить» [2, с. 124, 125]. Но чтобы эти (да и другие) нравственные наставления и принципы воплощались в жизнь, убежден он, необходимо дать человеку адекватное образо-

вание, научить его думать и поступать самостоятельно и поддерживать такие ценности, как толерантность, терпение, социальная справедливость и человеческие права. Надлежит постоянно иметь в виду, подчеркивает Ф. Гюлен, что «понятие «толерантность», в которое мы вкладываем такие смыслы, как уважение, милосердие, великодушие, терпимость, в системе нравственных ценностей занимает главенствующую позицию, являя собой качество совершенного человека, следующего за божественным откровением, и внутренний важный фактор духовного самоконтроля, способный стать источником для остальных этических норм» [1, с. 68].

Такое понимание толерантности, по его убеждению, следует воспитывать с детских лет, формируя у ребенка (а затем и взрослого) стремление относиться уважительно к словам, мнениям и поступкам других людей, искать пути сотрудничества с ними. В этом контексте, утверждает Ф. Гюлен, каждое «проявление толерантности должно непременно поощряться, и мы должны делать все необходимое для ее активного развития. Это возможно в результате постановки вопроса на повестке дня в университетах, политических и научных кругах, СМИ, словом, во всех сферах общественной жизни нашей страны» [1, с. 77]. Только применяя все эти многообразные средства воздействия на людей, на их слова и поступки, подчеркивает Ф. Гюлен, возможно сформировать у них терпимость и уважение друг к другу, настоящую воспитанность и, с удовлетворением отметит он, именно «в этих рамках продолжает развиваться и активироваться толерантность» [3, с. 122].

В процессе формирования духовного мира личности, ее социальных качеств, в том числе и толерантности, огромное, ни с чем не сравнимое значение имеет влияние культуры. Поэтому Ф. Гюлен рассматривает развитие толерантности в индивидууме в ограниченной сопряженности с его включением в мир культуры. Толерантность, в его понимании, становится важнейшим соединительным звеном меж-

ду духовным миром личности, ее стремлением к добру и свету и волшебным океаном культуры, не только возвышенной, но и массовой. «Там, где нет толерантности и терпимости, – утверждает он, – не может быть и объективных, несущих людям добро и свет, средств массовой информации, а также глубокой научной мысли и здоровой массовой культуры» [1, с. 70].

Культура многогранна, поэтому исламский мудрец в качестве могущественной силы, способной сформировать и развить в человеке высокие духовно-нравственные качества, выделяет то, что он называет «настоящей», подлинной культурой. «Настоящая культура, – пишет он, – формируется в «тиглях» истинной веры, высокой нравственности, благородных достоинств и по-настоящему воспринятого знания» [2, с. 47]. В его интерпретации знания составляют важнейший ингредиент культуры и одновременно могут служить показателем духовной развитости человека, его ценности для общества. «Ценность человека, – подчеркивает Ф. Гюлен, – измеряется богатством и содержанием его знаний» [2, с. 32]. Но, вместе с тем, считает он, неправильно было бы отождествлять знания с культурой, поскольку научные знания, воплощенные в новейших технических средствах, могут быть использованы в антигуманных целях. Только ответственность ученого перед обществом позволяет предотвратить использование полученных знаний во вред человеку. «Опасность заключается не в научности и не в научном подходе к строительству нового мира, – отмечает Ф. Гюлен, – а в невежестве, бессознательности и нежелании брать на себя ответственность» [2, с. 30].

Еще одну важную особенность, отличающую культуру от научного знания, Ф. Гюлен усматривает в том, что наука в своей сущности универсальна и интернациональна, в то время как культура всеми своими сюжетами, образами, формами органично вплетается в жизнь и менталитет определенной нации. «В жизни каждой нации, – подчеркивает он, – культура занимает одно из важнейших мест. Культу-

ра, составляющая неотъемлемую часть прошлого нации и прочно связанная с ее корнями, всегда будет оставаться проводником этой нации и продолжать освещать ей путь к новым высотам» [2, с. 47]. Эта созидательно-возвышающая роль культуры в жизни нации связана с тем, считает Ф. Гюлен, что важнейшей составной частью каждой национальной культуры является «комплекс основополагающих ценностей, возникших на базе языковых, нравственных, эстетических и других особенностей общества» [2, с. 46]. Эти ценности, формируясь и развиваясь на протяжении жизни многих поколений, становятся постепенно «прообразом жизни этого общества в будущем» и «тем фундаментом, каждая деталь которого представляет собой его особую ценность» [2, с. 46].

Если принять все сказанное во внимание, тогда станет ясным и вполне обоснованным вывод, сделанный турецким мыслителем: «Культура – это один из важнейших источников, к которым постоянно обращается нация, следующая по собственному пути развития. Гармония в жизни нации и верное направление, которое она себе избрала, всегда были прочно связаны с прозрачными источниками ее культуры» [2, с. 46].

В многослойной и многогранной структуре культуры Ф. Гюлен приоритетное значение отдает развитию искусства. Такая позиция мыслителя детерминирована тем, что в его интерпретации «искусство – это дух прогресса и один из важнейших путей, которому должен следовать человек, чтобы развить свои чувства» [2, с. 53]. Вследствие этого, считал он, «искусство идет во главе всех тех факторов, которые при сохранении человеческих чувств указывают им все новые и новые высоты и двигают тонкие и восприимчивые души из одной глубины в другую. Если бы не искусство, мы не имели бы возможности увидеть в мире человеческих открытий и изобретений ни одну из тех красот, которые существуют в данный момент... Первой «картиной», которая отобразила в себе внутренние глубины души чело-

века, является искусство. Именно благодаря ему самые удивительные находки, самые искренние желания...обрели бессмертие» [2, с. 54].

Среди всех искусств самым тесным образом с менталитетом нации, по убеждению Ф. Гюлена, связана художественная литература. Ее высокая значимость предопределяется тем, что «литература – это тот самый язык, который как нельзя лучше отражает характер духовного начала нации, ее мысль и духовное знание. Если индивидуумы не разделяют один и тот же дух, образ мысли и духовное знание, то даже если они принадлежат к одной нации, они все равно не смогут понять друг друга» [2, с. 55–56].

Великая значимость художественного слова в духовном развитии человека и человечества заключается в том, что оно неразрывными нитями связано с развитием философии и науки, несет в себе воплощение мудрости. «Не будь литературы, – утверждает Ф. Гюлен, – мудрость не смогла бы воссесть на то царское место, на котором она оказалась, философия не дошла бы до наших дней, красноречие не смогло бы ответить нашим потребностям. Но и они тоже принесли литературе свои неистощимые богатства, даровав ей, таким образом, бессмертие» [2, с. 57].

Исходя из того, что «в основе такого феномена, как диалог, находится человек» [1, с. 86], и подчеркивая приоритетную роль культуры в формировании его духовного мира, Ф. Гюлен вместе с тем говорит «о важности диалога с другими странами» [1, с. 77], в осуществлении которого опять-таки ведущее значение приобретает диалоговое взаимодействие различных культур. С этой целью он выступил инициатором учреждения Фонда журналистов и писателей Турции, чья деятельность направлена на развитие и укрепление диалога между различными культурами и религиями.

Кстати, Ф. Гюлен считал, что межрелигиозный диалог устанавливать и развивать гораздо труднее, чем межкультурный. Это предопределяется веками вражды между борниками христианства и ислама, которая неоднократно

сопровождалась (да и в настоящее время сопровождается) кровопролитными войнами, что мы видим, например, в Ливии. К тому же, утверждает он, в мусульманском мире «не забыт западный колониализм. Османская держава рухнула под военным натиском со стороны Европы». Одновременно он ссылается на утверждения Грехэма Э. Фюллера и Яна О. Лессера, согласно которым только на протяжении последнего века количество мусульман, убитых христианами, значительно превысило количество христиан, убитых мусульманами в процессе всей истории. Но, с другой стороны, «многие мусульмане, даже сведущие и образованные, верят в то, что Запад стремится подорвать основы ислама самыми хитрыми и изощренными методами» [3, с. 38]. А практикуемое вплоть до последнего времени «историческое изображение ислама в христианском мире как грубого и деформированного варианта иудаизма и христианства, а Пророка – как обманщика все еще глубоко ранит мусульман» [3, с. 39].

Все это необходимо принимать во внимание в процессе развертывания межрелигиозного диалога, считает Ф. Гюлен. По его утверждению, «для успешного диалога между конфессиями мы должны забыть прошлое, пренебречь полемикой и сконцентрироваться на общих началах» [3, с. 39]. А такие общие начала имеются и их, по убеждению мусульманского интеллектуала, необходимо активно использовать для межрелигиозного диалога в новом, недавно наступившем тысячелетии. «Ислам, христианство и иудаизм, – пишет Ф. Гюлен, – имеют общие корни, практически одинаковые основополагающие принципы и питаются из одного источника. Несмотря на их соперничество на протяжении многих веков, общие черты и общая ответственность за создание счастливого мира для всех божественных творений делают необходимым диалог между ними. Сейчас этот диалог расширился до того, чтобы включить в себя религии Азии и других регионов. Его результаты оказались положительными» [3, с. 34]. В налаживании межрелигиозного диалога, как утверждает Ф. Гюлен, необходимо изжить нега-

тивные последствия упорной «борьбы науки и религии», которая привела к «возникновению атеизма и материализма, оказавших наибольшее влияние на христианство».

Конфликт между наукой и религией подрывает духовные основы жизни людей и поэтому его необходимо изжить. «Благодаря усилиям христианских и мусульманских теологов и ученых, – пишет он, – конфликт между наукой и религией, который длился несколько веков, кажется, будет исчерпан или, по крайней мере, его абсурдность будет, наконец, признана» [1, с. 317].

Важнейшим шагом на пути завершения конфликта науки и религии, по убеждению Ф. Гюлена, станет новый тип образования, который «соединит религиозные и научные знания с нравственностью и духовностью, породит истинно просвещенных людей с сердцами, освещенными религиозными знаниями и духовностью, интеллектом, освещенном позитивными науками; людей с человеческим достоинством и нравственными ценностями, знающих обо всех социально-экономических и политических условиях своего времени» [1, с. 317–318].

Именно тогда, полагает Ф. Гюлен, наступит для человечества новый весенний период духовного возрождения и просвещения: «Эта весенняя пора возникнет на основе любви, сострадания, милосердия, диалога, принятия других людей таковыми, каковы они есть, взаимного уважения, справедливости и соблюдения прав. Это будет время, когда человечество откроет свою истинную сущность. Великодушные и доброта, праведность и добродетель станут основной сутью мира. Несмотря ни на что, мир рано или поздно вступит на этот путь. И никто не сможет воспрепятствовать этому» [1, с. 318]. Этот оптимистический и гуманистический взгляд на будущее человечества вступает в противоречие с достаточно распространенными на Западе краткосрочными сценариями мироустройства, в частности, с широко известной концепцией профессора Гарвардского университета С. Хантингтона. «Я считаю, что такие увере-

ния, как утверждение Хантингтона о столкновении цивилизаций, не являются реалистичными представлениями о будущем – это санкции, определяющие новые цели для господствующих мировых сил и пытающихся влиять на общественное мнение в рамках этих целей. До распада восточного блока была идея столкновения между Востоком и Западом, или между странами НАТО и Варшавского договора. На сей раз искусственно создаются новые вражеские фронты и готовятся столкновения между цивилизациями, основанные на религиозных и культурных различиях. Таким образом, создается новый фундамент для продолжения господства доминирующего блока» [1, с. 349].

Подчеркнув, что вплоть до последнего времени конфликты были объектом желаний определенных кругов, центров власти, Ф. Гюлен провозглашает необходимость ведения активной борьбы против беспорядка, интриг, конфликтов и притеснений, за создание миропорядка, основанного на безопасности и глобальном мире. В отличие от этого, утверждает он, «мировоззрения Хантингтона и подобных ему людей о будущем, к сожалению, основаны на конфликте и открывают планы продолжить доминирование через конфликты». В противовес этому, считает Ф. Гюлен, необходимо усилиями всех людей, приверженцев любых культур и религий добиваться осуществления такого мироустройства, «где будут существовать различные верования, конфессии, расы, традиции и привычки». В созидании такого мироустройства важную конструктивную роль должны сыграть уважение, понимание и «признание всех этих различий как неотъемлемых частей нашей человеческой природы. Другими словами, гарантом мира и покоя в мире являются терпимость и диалог. Иначе миру не избежать больших потрясений в результате конфликтов, конфронтаций и кровопролитных войн» [1, с. 341].

В процессе создания нового, благотворного для людей мироустройства, утверждает Ф. Гюлен, важную роль призвано сыграть понимание того, что «цивилизация не есть

материальное могущество, внешняя утонченность, удовлетворение плотских страстей и растрепанность душ. Она есть богатство внутреннее, утонченность духа, глубина видения и такое бережное отношение к чужой жизни, как к своей» [2, с. 49].

Ф. Гюлен своими проповедями, книгами и статьями убеждает других в том, что «цивилизация будущего сформируется благодаря синтезу научных достижений Запада и веры и этики Востока» [2, с. 49]. А для этого необходимо во всех странах создавать и развивать атмосферу толерантности и диалог между людьми, религиями и культурами.

Литература

1. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2011. – 360 с.
2. Гюлен, Ф. Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен; под ред. В. Шеремета. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
3. Гюлен, Ф. Перспективы: очерки, мнения / Ф. Гюлен; сост. Х. Ешилова. – Минск: Четыре четверти, 2009. – 160 с.

М. А. Можейко

КОНЦЕПЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ Ф. ГЮЛЕНА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Белорусский государственный университет культуры
и искусств, Минск*

*Свобода состоит в том, чтобы
человек мог делать все, что посчита-
ет нужным, но соблюдая справедли-
вость и не нанося вред другим людям.*

Фетхуллах Гюлен

Современный мир переживает радикальный цивилизационный поворот – поворот от локальных цивилизаций к цивилизации глобального характера. Этот поворот предполагает формирование единого антропоприродного комплекса, который может быть охарактеризован как планетарный. Подобный комплекс – именно в силу своей планетарной универсальности – будет обладать своего рода экономическим и политическим единством, первое из которых будет основано на экономике рыночного типа, а второе – на демократическом политическом устройстве. В этом отношении можно говорить об определенной унификации экономической и политической жизни будущего человечества.

Однако применительно к сфере культуры такая унификация невозможна, поскольку единая глобальная цивилизация отнюдь не предполагает и единой унифицированной культуры. Концепции современного цивилизационного поворота, напротив, обращают внимание на перспективу формирования этнокультурного полицентризма. Именно полиэтническая культурная среда рассматривается как основа

глобальной цивилизации. Это связано с тем, что монокультура не обладает креативным потенциалом, и только взаимодействие различных культурных традиций может обеспечить творческое развитие культуры человечества.

При рассмотрении практической стороны данного вопроса встает проблема толерантности как необходимой основы диалога культур, обеспечивающей возможность взаимодействия различных этнокультурных традиций.

Вне толерантного подхода к многообразию культурных традиций человечества соприкосновение последних, вызванное конкретно-историческими цивилизационными факторами, оказывается сугубо внешним, формальным и, как правило, конфликтным. Именно толерантность может создать такое духовное пространство, в рамках которого возможно не только соприкосновение культурных традиций, но и их действительный содержательный диалог, взаимное обогащение.

Поэтому проблема толерантности оказывается остро актуальной не только в сфере философского анализа, но и на уровне практической жизни.

Концепция толерантности Ф. Гюлена может рассматриваться как ответ на вопросы, поставленные как теоретической историко-философской традицией, так и самой практикой культурного процесса.

Феномен толерантности ставится Ф. Гюленом во главу угла: «В то время, когда мы всем миром движемся к будущему, лучшим средством, лучшей защитой и самым прочным бастионом от разного рода сложных ситуаций, с которыми мы, возможно, столкнемся в силу размежевания, различий и несогласованности, будет толерантность» [1, с. 67].

1. Феномен толерантности и его определение Ф. Гюленом. Важнейшим пунктом построения концепции толерантности выступает у Ф. Гюлена определение данного феномена. В качестве рабочей дескриптивной дефиниции он формулирует такое определение: «Толерантность предполагает следующее: не обращать внимания на недостат-

ки, уважать чужое мнение, прощать все, что только можно простить; даже когда нарушаются наши неотъемлемые права, мы должны следовать высшим человеческим ценностям и воздерживаться от какого-либо самосуда или попыток отмщения; не терять самообладания даже в тех случаях, когда противоположное мнение настолько грубо и вульгарно, что мы никак не можем с ним согласиться (в подобных ситуациях мы должны следовать примеру пророков, действия которых в Священном Коране определены как «каульлайин» – «мягкое обращение» – и которые являются средством завоевания сердец)» [1, с. 68].

Поднимая вопрос о генезисе толерантности как культурного феномена, Ф. Гюлен отмечает, что «толерантность отнюдь не изобретение современности. Ее предвестниками являлись еще первые пророки, так как их Учителем был Сам Всевышний (безгранично Милостивый и Милосердный), хотя говорить о том, что Всевышний «толерантен», неуместно, источником толерантности является священное качество Всевышнего «авф-у сафх» (прощение и снисходительность), подразумевающее прощение грехов, милосердие и щедрость, снисходительность по отношению к множеству человеческих недостатков» [1, с. 71].

Собственно история развития культуры может быть рассмотрена, с точки зрения Ф. Гюлена, через призму развития феномена толерантности: «Идея развития атмосферы толерантности была первоначально подобна маленькому зернышку, которое нашло в сердцах людей благодатную почву для проиствраствания» [1, с. 84].

В этом смысле именно толерантность является естественным состоянием человеческого сознания, как естественным является для него «стремление к единению» [2, с. 217]. Вместе с тем, по оценке Ф. Гюлена, «наряду с «потерянным раем» мы потеряли и некоторые наши возвышенные качества» [1, с. 82]. Так, пишет мыслитель, в современном обществе «каждый хочет, чтобы все безоговорочно

следовали его пути и подчинились его методу, но сам не ищет единения с другими» [2, с. 217].

Описывая эту ситуацию, Ф. Гюлен отмечает: «поколения, не получившие равноценное воспитание и возвращенные в разных культурах, всегда делились на отдельные и враждебно настроенные друг к другу лагеря. И верить в возможность прогресса в таком раздираемом противоречиями обществе практически не имеет смысла» [2, с. 51].

В этих условиях очевидно, что «среди них много того, чего нам недостает. Возможно, первоочередным и самым важным качеством является терпимость. Это понятие подразумевает принятие всех людей вне зависимости от их мнения и взглядов, мировоззрений, идеологий, этнической принадлежности или вероисповедания. Оно также предполагает, что мы, опираясь на душевные силы, силу веры, широту сердца и чувств, должны уметь примиряться с тем, что нам не по душе. Это понятие означает, как говорил великий тюркский поэт Юнус Эмре, любить творения ради их Господа, их Создателя» [1, с. 82].

В этом отношении, с точки зрения перспектив глобализирующегося человечества, по мнению Ф. Гюлена, «с дороги, ведущей к терпимости, нет пути назад» [1, с. 84].

Мыслитель отмечает, что расцвет толерантности (при его заложенности в объективную логику процесса социального развития) не достигается сам собой, но требует от человека существенных усилий, поскольку «в известной степени зависит от прессы, телевидения, деятельности различных фондов и общественных организаций, обеспечивающих необходимую поддержку» [1, с. 84].

Однако в первую очередь он зависит от моральных усилий каждого конкретного индивида. Толерантность предполагает не просто соприкосновение позиций, но диалог, который определяется Ф. Гюленом следующим образом: «Диалог – это процесс общения двух или нескольких людей в связи с определенной темой, в результате чего между ними происходит сближение. Следовательно, в основе тако-

го феномена, как диалог, находится непосредственно человеком» [1, с. 86].

Таким образом, реализация толерантности завязывается на индивида. Как пишет по этому поводу Ф. Гюлен, «каждый отражает в своих поступках свой собственный характер. Обязанность совершенных людей – вести себя терпимо. Если кто-то подвергает осмеянию Коран и небрежно относится к молитве, посту, целомудрию, то этим он выдает свою натуру, свое истинное лицо. Но верующие не должны отвечать подобным образом тому (или тем), кто относится к ним агрессивно или с насмешкой» [1, с. 84–85].

Ф. Гюлен отмечает: если «вы столкнулись с ситуацией, от которой у вас закипает кровь, например, вас оскорбили или обидели, то Вы должны вести себя настолько спокойно, насколько это возможно, и ничего не предпринимать в ответ. Коран учит нас, как поступают высоко нравственные люди даже тогда, когда хочется наброситься на другого: “Они настолько великодушны, что когда сталкиваются с ситуациями, которые сводят их с ума, то проглатывают свой гнев, как колючку, и обращают невидящий взор к чужим недостаткам“» [3, с. 255].

Важнейшим качеством, которое должен проявить индивид, является терпение: «Терпеть, а не обижаться... ..И не надо жаловаться на тех, кто не знает, что творит. Пусть люди не знают, сколь велик твой подвиг, но Творец-то знает!.. Ты поступил так, как требовало от тебя благородство твоей натуры, и теперь все вокруг тебя подобно роскошному цветнику... Зачем же жаловаться на две-три колючки, когда вокруг тебя так много прекрасных роз? И особенно если эти «колючки» – результат недостатков воспитания...» [2, с. 207].

Проявленное толерантным человеком терпение всегда будет нравственно вознаграждено, утверждает Ф. Гюлен, поскольку «пути, ведущие к вершинам, начинаются в долинах... конечно, для тех, кто терпелив» [2, с. 207].

В простом житейском обиходе это означает, что необходимо «не отвечать аналогичным образом тем, кто поднял

на тебя руку, оскорбил, и не расстраиваться перед обижающими тебя» [1, с. 110]. Более того, в подобных ситуациях Ф. Гюлен предлагает и следующую стратегию поведения: «Если ты видишь, что люди не слышат слово твое, то попробуй сделать им добро, и этот благородный укор, может быть, разбудит их сердца...» [2, с. 174].

Мыслитель обращается к высшему для верующего человека авторитету: «В сущности, прежде всего, сам Всевышний проявляет к нам и всему миру безграничную милость и прощение» [1, с. 68].

На этой основе Ф. Гюлен формулирует общее моральное долженствование в сфере толерантности: «понятие «толерантность», в которое мы вкладываем такие смыслы, как уважение, милосердие, великодушие, терпимость, в системе нравственных ценностей занимает главенствующую позицию, являя собой качество совершенного человека, следующего за божественным откровением, и внутренний важный фактор духовного самоконтроля, способный стать источником для остальных этических норм» [1, с. 68].

Как пишет Ф. Гюлен, «пусть добро будет твоей овацией и благодарностью в ответ на добро. Будь благороден с теми, кто уверовал! А с не уверовавшими обращай столь мягко, чтобы вся их злоба и ненависть расстаяла от твоей доброты! И пусть дыхание твое, подобно дыханию Мессии, несет всем жизнь!» [2, с. 117]; «пусть твоим ответом на зло будет добро, и не обращай внимание на грубость и неотесанность других людей! Поступки людей отражают их характер. Так избери же путь благодетерпимости и не теряй благородного достоинства, даже если тебе придется столкнуться не с самыми воспитанными людьми» [2, с. 118].

Таким образом, Ф. Гюлен делает вывод о том, что «для того, чтобы в результате столкновения различных взглядов проявилась истина, необходимо утвердить взаимопонимание, взаимное уважение и справедливость. Все это в качестве коранического принципа может быть претворено в жизнь только в условиях хорошего диалога» [1, с. 117].

Обосновывая эту максиму, Ф. Гюлен опирается на основные положения ислама. В частности, он пишет: «в Коране есть выражение «Мирное решение – лучше» (Св. Коран, 41: 28)» [1, с. 111].

Важно отметить, что, определяя понятие толерантности, Ф. Гюлен радикально дистанцирует его от понятий соглашательства и беспринципности, тщательнейшим образом обосновывая то обстоятельство, что толерантность никоим образом не предполагает отказ от собственных убеждений, отсутствие твердой моральной позиции или неустойчивости в вере: «Существует заблуждение, что толерантность – это состояние, когда человек, находясь под влиянием определенных людей, начинает полностью разделять их взгляды. На самом же деле толерантность – это умение жить в мире с окружающими, принимая каждого таким, каков он есть, т. е. умение принимать субъективные взгляды и принципы других, но при этом не отказываясь от своих» [1, с. 78].

В данном контексте Ф. Гюлен апеллирует к принципу «золотой середины»: «Можно привести сотни аятов Священного Корана, имеющих важное значение для создания общественного диалога и толерантности. Но следует заострить внимание на следующем: в вопросе толерантности и благоотерпимости очень важно найти «золотую середину». Ибо оказание милости кобрам означает попираание прав людей, подвергшихся их укусам. Подобного рода гуманизм является не более, чем попыткой проявления милости превыше милости Самого Всевышнего, осквернением понятия милосердия и попираанием прав других людей. Следовательно, поиск путей установления толерантности и диалога ни в коей мере не означает отдаление, отказ от миссии разъяснения существования Создателя» [1, с. 118].

На этот момент Ф. Гюлен указывает как на особенно важный: «Я еще раз вижу необходимость подчеркнуть, что толерантность – это не отказ от своей религии, обычаев и традиции, более того – это оптимальный принцип сосу-

ществования, известный с древних времен. <...> И если современный просвещенный, открытый миру человек не сможет достичь даже уровня открытости, толерантности прошлого, то, значит, этот человек не понял веяний современности. Поэтому всем нам вместе и каждому в отдельности, семье, обществу необходимо активизироваться на этом пути» [1, с. 78].

Но в то же время, по его словам, «наши граждане и приверженцы ислама, находящиеся в различных европейских странах, могут жить в гармонии и согласии, не теряя своих духовных, культурных и национальных истоков только в атмосфере толерантности» [1, с. 78].

Важнейшим моментом определения феномена толерантности Ф. Гюлен считает существенное обогащение его содержания по сравнению с традиционным. Речь идет не только об этимологическом значении этого слова (терпеть, претерпевать рядом с собой альтернативное сознание, противоположное мнение, чужую веру и т. п.), но и необходимости усмотрения в этих альтернативах позитивного содержания.

Необходимой основой такого подхода Ф. Гюлен считает любовь: «Всевышний сотворил бытие с любовью, т. е. в основе, в сущности бытия лежит любовь, любовь является самым сильным звеном, связывающим творения друг с другом» [1, с. 82]; «Воистину тем, которые уверовали и вершили праведные дела, Милостивый даровал любовь [друг к другу]» [Св. Коран, 19: 96]. В силу этого «...каждый аспект поразительной красоты Вселенной, ее величия и великолепия являет собой пример Божественного искусства. В этом отношении люди, животные, иные живые существа, впрочем, как и все неживые объекты, были созданы таким образом, что их природа достойна того, чтобы мы окружили их своей любовью. Безразличие или пренебрежительное к ним отношение означает безразличие и неуважение к Создателю» [1, с. 83].

Интересной особенностью дефиниции толерантности, предложенной Ф. Гюленом, является то, что она носит не

только ценностно-ригористический, но и ценностно-прагматический характер. Мыслитель формулирует несколько таких ценностно-прагматических аспектов. Прежде всего, толерантная позиция в отношении оппонента позволяет сознанию осуществить более глубокий ретроспективный анализ собственного содержания, т. е. формирует ситуацию, позволяющую человеку точнее оценить свою позицию в сравнении с альтернативными: «Толерантность должна быть такой, чтобы мы могли принимать в качестве полезных даже противоположные нам взгляды, учитывая то, что благодаря им мы осознаем, заново оцениваем наши взгляды и наше мировоззрение» [1, с. 68].

Кроме того, именно толерантное отношение к противоположному мнению позволяет нам не отвергать его, но, прислушавшись, усмотреть в нем зерна здравого смысла. Это особенно актуально для заблуждающегося человека, который в данном случае может обнаружить свое заблуждение: «Очень интересно высказался в отношении формы спора и диспута, согласно исламскому мировоззрению, один из выдающихся турецких улемов: «Кто рад тому, что победил своего соперника в споре, бессовестен и бездушен», ибо «если вы победили в споре, то вы ничего не приобретаете, но если бы вы проиграли, то исправили бы свою ошибку». Таковым должно быть поведение человека, вступающего в спор не ради прихоти своего нафса, а во имя выяснения истины» [1, с. 117].

В этом контексте фундаментально важным оказывается для Ф. Гюлена принцип совещательности: «совещание – это первое условие, необходимое для того, чтобы найти верное решение для какого-либо вопроса. Решения, принятые без глубоких раздумий и без учета мнений и критики других людей, как правило, изначально бывают обречены на неуспех. Даже если это сверхчеловек и гений, всякий, кто мыслит замкнуто, не уважает чужое мнение и живет сам по себе, ошибается гораздо чаще того, кто во всем советуется с людьми» [2, с. 175].

В силу этого, считает Ф. Гюлен, «самый разумный человек тот, кто серьезнее других относится к совещанию и лучше других умеет прибегнуть к помощи чужого мнения. Незрелые души, считающие себя самодостаточными и даже пытающиеся заставить других подчиниться своему мнению, всегда вызывают к себе ненависть и сталкиваются с холодным обращением» [2, с. 175]. Более того, «подобно тому, как совещание является первым условием достижения хороших результатов, умение ценить мнение друзей является далеко не последним условием защитить себя от неприятных последствий и поражений» [2, с. 175].

В этом отношении правильной стратегией, по мнению Ф. Гюлена, будет следующая: «Умей ценить каждое слово своего собеседника! И не отвергай сразу те мысли, которые не соответствуют твоим собственным мыслям. Умей предположить, что несоответствие имеет свои основания и терпеливо выслушай своего собеседника до конца, пока он не закончит» [2, с. 35].

2. Логические основания феномена толерантности в концепции Ф. Гюлена. Формируя концепцию толерантности, Ф. Гюлен уделяет большое внимание обоснованию необходимости этого феномена в системе культуры. В этом ключе он выявляет как логические, так и аксиологические основания толерантности.

Логическое основание феномена толерантности Ф. Гюлен видит в том, что поскольку «человек человеку рознь, то это реальность, от которой не уйти» [1, с. 77] и, более того, «исходя из человеческой сущности, избежать недостатков невозможно» [1, с. 73], постольку построение гармоничной социальной жизни без проявления людьми терпимости к недостаткам друг друга не представляется возможным.

В этом отношении каждый, по мнению мыслителя, должен помнить заповедь: «...и будь среди людей одним из них» [1, с. 66], т. е. отдавать себе отчет в том, что его собственные проявления и качества могут для другого также выступать как неприемлемые и чуждые. А потому во избе-

жание войны всех против всех необходимо толерантное отношение людей друг к другу.

В этом логическом пространстве Ф. Гюлен строит такую модель отношений, которую можно было бы назвать своего рода моделью зеркальной справедливости: «Пусть не надеется на прощение тот, кто сам не прощает... не уважающий других не получит уважения к себе... кто сам не любит других, не заслуживает любви к себе... тот, кто не относится с терпимостью и снисхождением ко всем остальным, не имеет права на прощение и снисхождение по отношению к себе» [1, с. 69].

Однако мыслитель усматривает и более глубокие, содержательные основания толерантности как необходимого феномена социальной и культурной жизни. Так, он усматривает универсальную основу толерантности в наличии у человечества общечеловеческих ценностей: «несмотря на различия во взглядах и мнениях, мы являемся представителями одного общества, имеющими общие чаяния; и все горести и радости, которые выпадают на нашу судьбу, переживаем вместе. Поэтому у нас много общего, и уже на этом может строиться диалог» [1, с. 81].

Данный момент очень важен, поскольку именно в этом вопросе проявляется наиболее глубинная сущность концепции толерантности Ф. Гюлена. Мыслитель подчеркивает, что общечеловеческие ценности роднят и объединяют все человечество, создавая глубинную фундаментальную основу для возможности толерантного отношения друг к другу. Как пишет Ф. Гюлен, «толерантность и благотерпимость охватывают не только «людей Писания», но (в определенном смысле) и все человечество, всех людей, независимо от их принадлежности к той или иной вере» [1, с. 119].

Особые акценты обретает в этом контексте традиционная для гуманитарной науки проблема «Восток – Запад». Долгое время эта формула ошибочно трактовалась как оппозиция противопоставленных сторон (Редьярд Киплинг в свое время сформулировал эту проблему очень жестко:

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись»). Современная концепция созвучия общечеловеческих и гуманитарных ценностей показала ошибочность этого тезиса: при всех различиях религиозных, философских, художественных традиций человечества в основе их лежит любовь к человеку и родной природе, ценности добра, справедливости, свободы, любви и счастья.

Это означает, что при всем бесконечном разнообразии различных национальных традиций они объединены именно общечеловеческими ценностями и идеалами гуманизма. Все культурные традиции человечества восходят именно к тем ценностям, которые значимы в каждой национальной традиции, пронизывают собою все национальные культуры и все религии, являются глубинно значимыми для всех народов, а потому обретают статус общечеловеческих ценностей.

И очень важно за пестротой этнических форм увидеть универсальное, общезначимое для всего человечества содержание.

С другой стороны, столь же важно понимать, что общечеловеческие ценности не имеют иной формы существования, нежели существование в контексте национальной традиции, в национальной форме. Нет общечеловеческих ценностей помимо тех, которые облечены в национально окрашенную одежду.

Но надо уметь разглядеть за различиями – общее, за тем, что нас различает, – то, что нас роднит.

И только те общества, которые четко осознают это созвучие общечеловеческих и национальных ценностей, те государства, которые основывают на этом созвучии государственную политику в сфере образования и воспитания, имеют реальную перспективу вырастить достойное новое поколение как гарантию благополучного и счастливого будущего.

3. Ценностные основания феномена толерантности в концепции Ф. Гюлена. Важнейшим вопросом применительно к концепции толерантности Ф. Гюлена является

вопрос о ее ценностных основаниях. И, безусловно, в качестве таких оснований для мыслителя выступают ценности ислама.

Важно отметить, что в концепции Ф. Гюлена нет никакого противоречия между ценностями ислама и общечеловеческими ценностями: именно общечеловеческие ценности светятся в каждой религии сквозь специфические для нее формы вероисповедания: «Все существующие религии основаны на мире, безопасности и вселенской гармонии», – пишет мыслитель [3, с. 61].

Именно к авторитету Корана прибегает Ф. Гюлен для обоснования фундаментального значения толерантности для развития культуры и общества: «Основой и источником нашей религии является Коран, ключевое понятие которого составляет терпимость. <...>...Толерантность – это важная, неоспоримая основа морали, предпосылки к которой мы находим в Коране и Сунне» [1, с. 75]. Как пишет Ф. Гюлен, «Аллах милостив и всепрощающ, вопреки неблагодарности человека. В подтверждение этого приведем хадис-кудси (высказывание пророка Мухаммеда, содержание которого исходит от Всевышнего, а словесная форма от Пророка. – М. М.): «моя милость всегда выше моего гнева» и аят из суры «Араф» («Преграды»), в котором Творец говорит: «Моя милость распространяется, объемлет всякую на земле вещь – все сущее» (Св. Коран, 7: 156)» [1, с. 73].

Ф. Гюлен обращает внимание на то, что «среди упоминаемых в Священном Коране встречается ряд имен Господа, самые употребляемые те, которые подчеркивают и раскрывают это качество: Гафур (Прощающий), Рахим (Сострадающий и Милостивый), Саттар (Покрывающий все изъяны), Авуф (Тот, чье прощение не знает границ)» [1, с. 71].

В качестве убедительных экземплификаций толерантного поведения Ф. Гюлен приводит примеры поведения Пророка: «...На протяжении всей своей жизни Пророк (с. а. с.) демонстрировал исключительную терпимость и толерантность. Он смиренно терпел нечеловеческие пытки и издева-

тельства мушриков (многобожников), а когда Мекка была покорена и представился удобнейший случай наказать мекканцев, которые, в свою очередь, учитывая причиненное ими зло, ждали тяжелого наказания, Посланник Мухаммед (с. а. с.), еще раз подтверждая свое благородство и чистосердечность, сказал следующее: “Я повторю то, что сказал Юсуф своим братьям. Сегодня я не порицаю вас за ваши поступки. Аллах вас простит, ведь Он всепрощающий. Идите, Вы свободны”...» [1, с. 75].

По мнению Ф. Гюлена, «великодушие нашего Предводителя для нас всегда будет оставаться примером для подражания. Так, он поднялся на ноги в знак уважения, когда мимо по дороге продвигалась иудейская похоронная процессия. На что один из его сподвижников, находившийся рядом, сказал: «О, Посланник, хоронят иудея!». Предводитель миров (с. а. с.), в свою очередь, не изменяя положения своего тела, лаконично ответил: “Но умерший ведь тоже человек”...» [1, с. 78–79].

Цитируя в данном контексте Коран, Ф. Гюлен делает важнейший нравственный вывод: «“Скажи [Мухаммед] уверовавшим, чтобы они простили тех, которые не надеются на дни Аллаха” (Св. Коран, 45: 14). Это, в сущности, голос нашей совести. Когда вы видите слепого человека, неужели вы толкаете и бьете его или берете его за руку и указываете ему путь?» [1, с. 85].

Особое внимание в системе обоснования принципа толерантности Ф. Гюлен обращает на 22-й аят суры «Нур» (Коран, 24: 22): «Особенно хочу обратить ваше внимание на последние два предложения аята: «...Разве вы не хотите, чтобы Аллах простил вас? Аллах – прощающий, милосердный» (Св. Коран, 24: 22). Определение Аллаха – Архамур-Рахим, т. е. милостивый, переводится как тот, чье милосердие не знает границ» [1, с. 72]. Именно в этом аяте Ф. Гюлен находит то, что он называет образцом толерантности: «Подчеркну слова аята: «Разве вы не хотите, чтобы Аллах простил вас?», поскольку значение их крайне важно. Эти слова

могут быть образцом толерантности, ведь Творец, показывая пример прощения, призывает нас к терпению и учит прощать ошибки друг друга» [1, с. 72–73].

В целом, по словам Ф. Гюлена, «при изучении Священного Корана становится ясно, что в Коране за основу берется прощение и толерантность. В Коране «рабы Милостивого» описаны следующим образом: “Рабы Милостивого – это те, которые ступают по земле смиренно, а когда невежды обращаются к ним, говорят: «Мир!» (Св. Коран, 25: 63)”» [1, с. 108], и «в следующем аяте Священного Корана, который не был изменен ниспосланными позже другими аятами Корана и, следовательно, имеет силу до Конца Света, также повелевается верующим, чьи сердца преисполнены верой и любовью, относиться с прощением и терпимостью к неверующим в Судный День: “Скажи [Мухаммед] уверовавшим, чтобы они простили тех, которые не надеются на дни Аллаха, дабы Он воздал людям за то, что они вершили” (Св. Коран, 45: 14)”» [1, с. 109].

4. Ф. Гюлен о сферах проявления феномена толерантности в культуре. Ф. Гюлен создает своего рода типологию форм проявления феномена толерантности в различных культурных сферах.

Так, можно говорить о проявлениях толерантности в повседневных практиках, когнитивных процессах, политике, религии, морали и т. д.

Прежде всего, по мнению Ф. Гюлена, мы сталкиваемся с феноменом толерантности *в сфере повседневности*: «Все мы, в итоге, хотим толерантного к себе отношения и ждем, чтобы нас окружала атмосфера милосердия и прощения. Мы от всего сердца желаем, чтобы наше прошлое и настоящее было очищено в атмосфере толерантности и прощения так, чтобы мы могли спокойно и уверенно шагать в будущее. <...> Каждый из нас на протяжении всей жизни ожидает по отношению к себе любви и уважения, мечтает о толерантности и снисхождении, желает быть объятым милосердием и благородством. Так, мы надеемся на

благосклонность и хотим получить прощение в детстве у своих родителей, в школе – у учителей, а также у тех, кого мы незаслуженно обидели, в суде – со стороны судей и прокуроров, в армии – со стороны командира, в полицейском участке – со стороны полицейских и, наконец, в День Суда – от “Ахкам аль-хакимин – Мудрейшего из судей”...» [1, с. 68–69].

В когнитивной сфере, по мнению Ф. Гюлена, отсутствие толерантности приводит к невозможности постижения истины, ибо истина предполагает свободу мышления и познания: «В странах, где нет терпимости, и в обществах, где нет толерантного отношения людей друг к другу, не может появиться коллективное сознание и единомыслие. В подобных странах любая, даже самая незначительная свободная мысль сталкивается с противоборством, берется в штыки, в конце концов все оказываются в пучине взаимной конфронтации. Усилия мыслителей в таких странах и таких обществах оказываются тщетны» [1, с. 70].

Важнейшей сферой проявления принципа толерантности, по мнению Ф. Гюлена, должна стать *сфера педагогики*: по его словам, «...человек, призванием которого стало обучение и воспитание, неся истину, сможет достучаться до сердец, окружающих лишь в том случае, если его душа излучает открытость и толерантность» [1, с. 73].

В политической сфере отсутствие толерантности приводит к формированию косной и неконструктивной практики: «В некоторых странах нет места для толерантности и терпимости в силу того, что в этих странах существует духовный и интеллектуальный диктат. В результате мы не наблюдаем здесь таких явлений, как свобода мысли, конструктивная критика, обмен мнениями и дискуссии с целью выявления истины и, соответственно, общества этих стран лишены тех благодатных плодов, которые эти явления могли бы дать» [1, с. 69].

В данном контексте Ф. Гюлен обращает внимание на то обстоятельство, что феномены толерантности и демократии

оказываются взаимно обусловленными: «...Строить демократию без толерантности невозможно. На самом деле сторонники и приверженцы демократии просто обязаны принимать существование тех, кто не разделяет их взгляды, и должны обладать великодушием, дабы принять каждого непохожего» [1, с. 80]. По мнению Ф. Гюлена, это обусловлено тем, что «демократия – это система, дающая возможность свободно выражать свои мысли и чувства и жить согласно им. Толерантность, в свою очередь, является важным составляющим фактором демократии. В действительности, там, где нет толерантности, нет и демократии» [1, с. 80].

Особую роль феномен толерантности играет *в сфере действия средств массовой информации*, поскольку в контексте современной культуры во многом именно СМИ формируют духовную атмосферу общества, и потому «там, где нет толерантности и терпимости, не может быть и объективных, несущих добро и свет средств массовой информации, а также глубокой научной мысли и здоровой массовой культуры» [1, с. 70].

Важнейшей сферой проявления толерантности, по мнению Ф. Гюлена, является религия, поскольку религиозная вера – это фундамент мировоззрения человека, важнейший фактор его личностной идентичности, индивидуального сознания, основание его ценностной системы в целом. Именно в сфере религиозного сознания нетерпимость проявляется чрезвычайно часто и под маской защиты собственной веры нередко принимает ожесточенные формы. Однако именно *в сфере религии* толерантность, по мнению мыслителя, наиболее важна.

Это связано, как убежден Ф. Гюлен, с необходимостью укрепления в современной жизни статуса религиозности как такового. Он пишет, что «в последние годы отмечается заметный интерес людей к вере, во всем мире люди тянутся к религии. Следовательно, в наше время умение достойно представить религию обретает еще большее значение. Во-

истину, мы очень нуждаемся в совестливых, целомудренных, искренних, честных, преданных радателях стези Божьей, не преследующих свои личностные интересы, а нацеленных только на достижение довольства Аллаха. Если в обществе найдутся такие люди, обладающие этими качествами, то все люди с чистой совестью последуют за ними и обязательно найдут истину» [1, с. 115].

И во имя поддержания того, что Ф. Гюлен называет универсальностью веры, чрезвычайно существенным является уважение, оказываемое любой вере, и недопустимость разрушительных конфликтов между конфессиями. Важнейшим средством достижения этого результата является межконфессиональный диалог: «целью диалога между разными вероисповеданиями является осуществление духовного единства и согласия, а также поддержание универсальности веры. Религия охватывает все верования и стремительно движется вперед, по-братски примиряя их» [3, с. 54].

Для такого диалога есть фундаментальные основания, поскольку, по мнению Ф. Гюлена, «между религиями существует много общих положений для установления между ними диалога» [3, с. 54], а потому «...должны быть установлены более близкие взаимоотношения и сотрудничество между исламом, христианством и иудаизмом»* [3, с. 54].

А потому, по призыву Ф. Гюлена, «для успешного осуществления диалога между вероисповеданиями мы долж-

* В этом контексте Ф. Гюлен ссылается на *мединскую практику*: «...Пример, заслуживающий особого внимания. Это юридический договор, составленный посланником Аллаха (с.а.с.) сразу после хиджры. Цель договора заключалась в регулировании прав общественной жизни населения Медины, часть которого составляла и еврейская община. <...> Неудивительно, что Пророку Мухаммеду (с. а. с.), олицетворению терпимости, удавалось успешно строить отношения с представителями «Ахл-и китаб» – людьми Писания (т.е. иудеями и христианами), более того, он и его община жили мирно и в тесном контакте и с многочисленными <...> мунафиками, т.е. людьми, на словах называвших себя мусульманами, но на деле сеявших раздор между людьми» [1, с. 76].

ны забыть прошлое, пренебречь полемикой и сконцентрироваться на общих началах» [3, с. 55].

Однако при этом Ф. Гюлен отмечает, что «...необходимо быть более осторожным в оценках контактов с различными кругами и группами, осуществленными во имя диалога, толерантности и человеколюбия, дабы не прийти к ложному толкованию или неверной трактовке» [1, с. 86].

Иными словами, «принятие окружающих такими, каковы они есть, не означает уравнивания верующих с неверующими» [1, с. 81]. Как пишет Ф. Гюлен, «глубоко в сердце я храню любовь к Пророку Мухаммеду (с. а. с.), но это не мешает мне строить диалог с людьми иного мировоззрения» [1, с. 81].

5. Феномен толерантности в условиях культурного пограничья. Особое значение толерантность имеет в условиях культурного пограничья, т. е. в тех обществах и странах, где в едином духовном пространстве сталкиваются различные национальные и религиозные традиции.

В этом отношении ситуации в Турции и Республике Беларусь оказываются во многом схожи: на их территории проживают представители различных наций, исповедующие различные религиозные веры.

В частности, Ф. Гюлен отмечает: «Если мы говорим о своей стране, это место, где исторически проживали представители разных культур и наций. Такое сосуществование разных народностей может иметь две модели дальнейшего развития: первая – толерантное и мирное решение всех вопросов и вторая модель – путь постоянных разногласий» [1, с. 77]. Исходя из этого, мыслитель убежден, что «наше общество сейчас, как никогда, нуждается в толерантности. Можно утверждать, что уже необходимо, чтобы наш народ вновь воспринял толерантность, проникся ею и стал образцом толерантности... Ведь у нас есть опыт наших славных предков, посеявших в сердца людей чувство толерантности и благородства» [1, с. 78].

Рассматривая современную ситуацию в Турции как ситуацию поликультурную, Ф. Гюлен отмечает, что внешний

диалог с другими странами – это только одна сторона вопроса, не менее важен диалог между различными культурными традициями внутри общества: «как бы там ни было, наше общество сейчас находится на пороге кардинальных изменений, связанных с процессами глобализации, и мы говорим о важности диалога с другими странами, забывая о том, что диалог должен начаться внутри общества. В этом контексте проявление толерантности должно непременно поощряться, и мы должны делать все необходимое для ее активного развития» [1, с. 77].

Именно толерантное отношение к различным позициям, верам и точкам зрения позволяет достичь национального единства и социальной гармонии в целом. Как пишет Ф. Гюлен, «развивая и укрепляя диалог, мы должны уметь находить точки соприкосновения и строить отношения с представителями всех слоев общества» [1, с. 78].

6. Итоги и перспективы: XXI век как «век толерантности». Формулируя стратегическую цель торжества толерантности, Ф. Гюлен отмечает: «то, к чему мы стремимся, имеет огромную ценность. Установление атмосферы диалога и толерантности – цель, которую мы хотим достичь, очень дорога для нас. Ценные и дорогие вещи нелегко получить, но также трудно сберечь и защитить их, когда они получены» [1, с. 92].

В этом отношении, по формулировке Ф. Гюлена, «достижение социальной гармонии путем диалога и толерантности – дело решения двух вопросов для раскрытия третьего» [1, с. 94].

В условиях полицентричной культурной глобализирующегося человечества, по мнению Ф. Гюлена, «...на долю «архитекторов мысли» будущего ложатся определенные обязанности, среди которых установление гармонии в разнородном обществе, защита равновесия ... и дальновидное рассмотрение нежелательных инцидентов. <...> Как гласит одна турецкая пословица: «возьми то, что доставляет радость, и оставь то, что причиняет горе», т. е. мы должны

стараться избегать того, что может повлечь за собой неприязни либо вызвать конфронтацию» [1, с. 85].

Именно толерантность выступает для Ф. Гюлена ключом для построения культуры нового типа: «сторонники толерантности строят мир, основывающийся на принципах толерантности» [1, с. 81]. По мнению Ф. Гюлена, «время всех рассудит и покажет, насколько были правы люди, призывающие к толерантности. Я не разделяю мнений дарвинистов, но в этом конкретном случае мне импонирует так называемый закон «естественного отбора», который проявится в данном случае следующим образом: негодующие по поводу толерантности «отсеются»...» [1, с. 81].

И общий вывод Ф. Гюлена может быть оценен как оптимистический: «...мы должны быть благодарны за то, что во времени, когда стали проявляться признаки «потерянного рая», мы снова обрели терпимость – одно из качеств, которое также было потеряно. Мы заново открываем для себя терпимость – качество, которое является неотъемлемой частью духа ислама» [1, с. 83].

Благодаря развитию духа толерантности изживаются многие стереотипы, уходят страхи, достигаются договоренности в устанавливается согласие. Так, например, говоря о деятельности Фонда журналистов и писателей, Ф. Гюлен отмечает, что «каждый год он собирал особые группы для того, чтобы между людьми разных взглядов состоялся обмен мнениями. Фонд предложил обсуждать эти идеи независимо от наших личных взглядов и мнений. В результате мы воочию убедились, что нет никакой причины бояться друг друга» [1, с. 91].

Таких примеров много, и это позволяет Ф. Гюлену утверждать: «Я убежден, что ближайшие годы станут временем толерантности и любви. Мы дадим миру многое и многое получим от него. Мы не только не будем искать поводов для конфронтации со своим народом, но и с представителями других культур, цивилизаций, иных верований, взглядов и убеждений» [1, с. 92].

И благодаря этому «...может быть (если на то будет Божья воля), XXI век назовут “веком терпимости”» [1, с. 85]. Усилиями мыслителей и общественных деятелей, которые, подобно Ф. Гюлену, претворяют идеалы толерантности в жизнь, эта возможность, безусловно, имеет все шансы стать действительностью.

Литература

1. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2011. – 360 с.
2. Гюлен, Ф. Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен; под ред. В. Шеремета. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
3. Фетхуллах Гюлен и современный мир: толерантность, диалог, взаимопонимание / Ф. Гюлен [и др.]; науч. ред. А. Насынбаева, Г. Соловьева. – Алматы, 2009. – 511 с.

М. Ю. Теняно

Ф. ГЮЛЕН О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА

*Российский государственный социальный университет (филиал),
Минск*

Религия присуща человечеству на протяжении всей его истории и охватывает подавляющую часть населения земного шара. Религия предстает в качестве необходимой, составной части общественной жизни. Она выступает как один из факторов возникновения и становления социальных отношений, лежащих в основе культуры. Религиозные отношения занимают одно из важнейших мест в структуре социальных отношений, поэтому их стабильность ведет к стабилизации общественной жизни. Ф. Гюлен по этому поводу пишет: «В нашем мире, который стал меньше и где отношения стали более тесными, люди ждут от религии разгадок таинственных головоломок о человеческой природе...» [1, с. 40].

Природа религиозных отношений – социально-коммуникативная, а их специфика состоит в том, что, существуя объективно, они складываются на основе религиозного сознания. Поэтому необходимым условием существования религиозных отношений являются религиозные идеи, представления, установки (другими словами – вера), которые выступают в виде религиозных ценностных ориентаций личности. Ф. Гюлен отмечает, что истинная вера должна только объединять, а не стать противоречием, так как зиждется она на таких ценностях, как любовь, добро, семья. В структуре религиозных отношений принято выделять внутриконфессиональные отношения и межконфессиональ-

ные отношения. Если коротко характеризовать внутриконфессиональные отношения, то необходимо отметить, что верующим любого религиозного направления очень важно ощущать себя частью сообщества единоверцев. Совместные молитвы, чтение Священных Книг, слушание проповедей усиливают это с помощью эмоционального воздействия; люди, включенные в религиозные отношения, чувствуют себя избранными. И чем больше включены верующие в религиозные отношения, тем выше их ответственность как перед Богом, так и перед церковью, а также – перед людьми, участвующими с ними в этих отношениях. Именно это накладывает печать на межконфессиональные отношения, которые, в свою очередь, могут выступать или в виде религиозных конфликтов, или в виде диалога. Существует огромное количество религиозных конфессий в современном мире, их разнообразие связано с различиями в религиозных представлениях, особенностями исторического пути, традициями и обычаями отдельных народов. Довольно часто это явление становилось причиной непонимания, а иногда – серьезных разногласий и даже вражды между различными религиями и церковными организациями. К сожалению, конец II и начало III тысячелетия не стали исключением: достаточно вспомнить межконфессиональные войны и этноконфессиональные конфликты в Ливане, Северной Ирландии, Индии, арабо-израильскую, боснийскую, сикхскую проблемы. Это связано с тесным переплетением религиозных отношений и политики: существуют конфессиональные политические союзы, объединения и партии. Политические страсти отталкивают на второй план заботы именно религиозного, церковного характера, в результате чего духовное служение обществу подменяется политиканством. В начале второго десятилетия XXI века человечество в очередной раз стоит перед выбором: выжить или ждать своего краха, гибели. Тем более, что средства массовой информации постоянно нагнетают обстановку, предвещая, устами новоявленных пророков, близкий конец света.

К природным катаклизмам, сопровождающим человечество на протяжении всего его существования, в конце XX века добавилась угроза самоуничтожения, в котором немалое место занимает терроризм, связанный с межконфессиональными отношениями, основанными на конфликте. Религиозные конфликты существуют уже на протяжении тысячелетий. Их особое обострение приводило к религиозным войнам (вспомним средние века), но в этих войнах главными целями были захват земель, расширение территориальных владений еще складывающихся государств. Тогда религия выступала, чаще всего, в виде лозунга. В современном мире установлены стабильные границы между государствами, но религиозные конфликты продолжают существовать, и теперь речь идет о войне за умы и души людей. Межконфессиональные конфликты очень часто выступают как непримиримость взглядов. Современный мир характеризуется еще и религиозными конфликтами внутри одной из мировых религий, например, ситуация в Белфасте, которая время от времени обостряет ситуацию в стране; или громкое убийство знаменитого религиозного деятеля Мансура Садикова, ректора Института теологии и международных отношений в Махачкале (Дагестан), погибшего в результате противоречий различных направлений в исламе. Но все же наиболее распространенным и сейчас является противостояние христианской и мусульманской религий, которое нагнетается средствами массовой информации, причем в большей степени со стороны христианского мира. Так, Ф. Гюлен считает, что за конфликты, нередко возникающие между мусульманским миром и христианским, несут ответственность обе стороны. Негативное отношение к исламу он объясняет неспособностью самих мусульман представить ислам, показать миру его настоящую природу. А Запад очень часто в своем отношении к исламу преследует политические интересы и сознательно формирует образ ислама как силы, делающей ставку на терроризм.

Ф. Гюлен дает глубокую оценку состояния современного ислама и мусульманского мира. Он пишет, что истинные мусульмане не могут быть террористами, так как «ислам – это религия умиротворенности, безопасности и мира. Эти принципы настолько привычны в жизни мусульманина, что когда он останавливается, чтобы совершить намаз, то отключается от всех связей с этим миром, кланяется и падает ниц перед Всевышним, а затем встает и соединяет руки в знак уважения. Когда заканчивается намаз, то для мусульманина словно начинается новая жизнь. Он приветствует тех, кто находится слева и справа от него, желает им здоровья, безопасности и мира, а затем идет и присоединяется к другим людям. Здравоваться и желать другим мира – это самые благие поступки, которые совершаются в исламе» [1, с. 61]. Затем Ф. Гюлен продолжает: «Чрезвычайно прискорбно то, что ислам, который основывается на перечисленных выше принципах, воспринимается некоторыми как синоним терроризма. Это огромная историческая ошибка (ибо вера, основывающаяся на мире и безопасности, не может ассоциироваться с терроризмом), которая демонстрирует то, что эти люди ничего не знают о духе ислама и не способны понять его своей душой. Люди должны рассматривать ислам через призму его собственных первоисточников и истинных верующих, представляющих эту религию на протяжении всей истории, а не руководствоваться поступками незначительного меньшинства, которое представляет эту религию в ложном свете. Истиной является то, что в исламе нет жестокости, фанатизма и нетерпимости. Эта религия полностью основана на прощении и терпимости» [1, с. 61–62]. Далее, характеризуя современный ислам, Ф. Гюлен отмечает, что, к сожалению, ныне мусульманскую религию понимают поверхностно и, что еще важнее, сами мусульмане не всегда верно представляют ислам как веру и культуру другим. При этом он полагает, что главная проблема современного мусульманства состоит в неспособности рассматривать ислам в единстве всех его сторон и про-

явлений. Он подчеркивает, что наш мир нуждается в объединении материального и духовного, в порождении истинной нравственности и культуры. Именно поэтому, по мнению Ф. Гюлена, религия в будущем должна иметь большее значение, чем сегодня.

Ф. Гюлен считает, что политические движения под флагом ислама несут в себе опасность отхода от истинного ислама, разобщения мусульман вместо их объединения. Ислам не затрагивает вопросы политики. Однако некоторые направления исламской мысли делают акцент именно на этих проблемах. Поэтому вместо того, чтобы понимать джихад как духовно-нравственное обновление, они делают ставку на политическую деятельность, которая часто приносит мусульманам не пользу, а вред. Ф. Гюлен убежден и пытается убедить, вполне обоснованно, весь мир, что самое главное в исламе – это духовное самосовершенствование, любовь и терпимость. «Манера поведения тех людей, которые обращаются к другим с ненавистью и враждебностью, чей гнев еще больше ужесточил их противостояние и к мусульманам, и евреям, и христианам – всем, кроме них самих, и кто порочит их всех, называя неверующими, никак не связана с исламом. Как было отмечено выше, ислам – это религия любви и терпимости. А мусульмане – хранители любви, которые избегают любого террора и которые очистили себя от всякого рода ненависти и враждебности» [1, с. 65]. Далее он продолжает: «Ислам признает огромную ценность человеческой жизни, говоря, что тот, кто убьет живую душу, тот как бы всех людей погубит, ибо убийство одного человека позволяет существовать мысли, что может быть убит любой человек» [1, с. 45].

Межконфессиональные отношения, как уже отмечалось выше, могут выступать также в виде диалога. Ф. Гюлен является одним из самых выдающихся интеллектуалов современного мира, который постоянно выступает за межконфессиональный диалог, который, по сути своей, является диалогом культур. Вот, что он пишет по этому поводу:

«Мусульмане и христиане сражались друг с другом почти четырнадцать веков. Запад помнит военное могущество и вторжение ислама. Современное противодействие мусульман и негодование Запада никогда не идут на пользу. В нашей «глобальной деревне» Запад не может стереть ислам с лица Земли, а армии мусульманских стран не могут воевать с Западом. В то же время обе стороны имеют возможность получить определенные выгоды друг от друга. Запад обладает научным, технологическим, экономическим и военным превосходством, а ислам – не извращенными, а живыми духовными традициями, корни которых лежат в Священном Коране и сунне» [1, с. 41]. Идея межконфессионального диалога была присуща и русским религиозным философам, в частности, В. Соловьеву с его предложением создания Вселенской (Всемирной) Церкви; Н. Бердяеву, по инициативе которого Всемирная миссионерская конференция, собранная в 1910 году в Эдинбурге положила начало Экуменическому движению, цель которого – объединение всех христианских церквей. Ф. Гюлен идет дальше, так как выступает за диалог между всеми конфессиями, особенно такими влиятельными, многочисленными и распространенными в мире, как ислам и христианство. В одном из своих выступлений он сказал: «Я воспринимаю диалог, благо-терпимость и толерантность в качестве основополагающих принципов моей религии». Ф. Гюлен в своей философии принимает каждого человека таким, каков он есть, уважает его мировоззрение, религиозные взгляды, представления и считает невозможным вмешиваться в них. Он говорит: «Нет ничего странного в том, что у людей могут быть разные мнения и взгляды, но это никак не может и не должно вести к разногласиям и конфликтам».

Стремление к сотрудничеству, единству действий различных христианских церквей с иудаизмом и исламом наблюдается в современных условиях на различных уровнях как в отдельных странах, так и на международной арене. Так, с конца XX века проводятся исламско-иудейско-христ-

ианские коллигиумы с участием представителей этих религиозных направлений из различных стран Европы, Азии, Африки, целью которых является поиск общих, объединяющих положений. Ф. Гюлен является одним из самых известных продолжателей «теологии диалога», поскольку свою теорию межконфессионального диалога обосновывает принципами и положениями ислама. Он постоянно подчеркивает, что его позиция по вопросам диалога между различными конфессиями имеет исток в Коране и Сунне, а также в 1400-летней истории ислама. Ф. Гюлен пишет: «Все существующие религии основаны на принципах мира, безопасности и вселенской гармонии. Войны и конфликты – это отклонения, которые должны находиться под контролем. Исключение делается только для самозащиты, она должна соответствовать определенным принципам. Ислам установил правила, которые ограничивают войну и устанавливают равновесие» [1, с. 45]. Он в своих выступлениях и трудах разъясняет, что в наши дни невозможно чего-либо добиться при помощи грубой силы, но, чтобы была принята ваша точка зрения, необходимо убеждать и пользоваться при этом весомыми доказательствами. Различные социальные общности могут существовать только благодаря взаимопониманию и взаимоуважению. Ф. Гюлен подчеркивает особое значение диалога и взаимоотношений в современном мире, считая, что они превратились в императив современности. Поэтому уважение к культурным и религиозным представлениям, традициям и обычаям стало обязательным, необходимым, если человечество хочет пережить XXI век.

Ф. Гюлен является не только теоретиком межконфессионального диалога, но и практиком, проводящим в жизнь законы толерантности. Так, благодаря его усилиям в Казахстане проводятся съезды лидеров мировых и традиционных религий. Этот международный проект является важным шагом к воплощению в жизнь идей Ф. Гюлена, который целью своей жизни считает межконфессиональный и межкультурный диалог.

За свою миротворческую деятельность, за стремление к межконфессиональному диалогу и согласию, за толерантность и сотрудничество между различными сообществами мира Ф. Гюлен был удостоен Премии ЮНЕСКО за пропаганду идеалов терпимости и независимости. В заключение можно сказать, что благодаря Ф. Гюлену люди могут создать мир, где главным будет диалог.

Литература

1. *Гюлен, Ф. Перспективы: очерки, мнения / Ф. Гюлен; сост. Х. Ешилова. – Минск: Четыре четверти, 2009. – 160 с.*

Д. К. Безнюк

**САКРАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
Ф. ГЮЛЕН О КУЛЬТУРЕ ДИАЛОГА**

Белорусский государственный университет, Минск

Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен.

Император Петр I

Тема данной книги предполагает, в первую очередь, выражение личного восприятия дел и творчества Ф. Гюлена – турецкого общественного и религиозного деятеля. Автор затруднился бы дать им однозначную оценку – он далек и от восторженного их восприятия, и от однозначного критицизма, но ясно главное: Ф. Гюлен заставляет задуматься... Задуматься над будущим и настоящим, над судьбой человека и культуры, гуманизма и веры.

Центральная идея турецкого мыслителя, как нам представляется, – поиск нового, альтернативного пути цивилизационного развития, который мыслится как синтез схем Запада и Востока в новую гуманистическую парадигму организации культуры: «Истинная цивилизация всегда могла формироваться только там, где главными ценностями были знание и нравственность. Вот почему Запад, который всегда отдавал предпочтение науке, оставался нравственно парализован, а замкнувшийся на себе Восток даже сейчас, хоть и частично, но все-таки продолжает оставаться близким природе, ибо он отвернулся от науки в ее западном понимании. Цивилизация будущего сформируется благодаря

синтезу научных достижений Запада и веры и этики Востока» [3, с. 49]. Главным творцом и субъектом такой цивилизации будет выступать новый человек – человек веры и нравственности, знания и культуры. Его главное свойство – вера: «Не следует думать, что цивилизация и прогресс науки и техники состоят лишь из пароходов, поездов, самолетов и жизни в больших городах с роскошными улицами и высотными зданиями. Было бы верхом слепоты и самобмана считать все перечисленное сутью цивилизации, ибо на самом деле все это лишь средство в руках верующего и праведного человека» [3, с. 50]. Вера – религиозная вера – фундирует главное свойство нового человека – нравственность и благородство: «Там, где нет религии, и речи быть не может не только о высокой нравственности и благородстве, но и о простом счастье. Ибо источником нравственности и благородства является совесть. А на совесть понастоящему может воздействовать только религия, которая являет собой связь между человеком и Аллахом» [3, с. 35]. Ф. Гюлен настаивает на том, что вера (религия) является не только личным делом человека, делом его совести и выбора, но и делом нации, народа, культуры: «Есть три важных элемента, которые поддерживают в нации жизнь: религия, мудрость и оружие» [3, с. 187].

Главная проблема религиозного сектора современной культуры, как понимает ее Ф. Гюлен, созвучна многим выводам европейских мыслителей – это секуляризация: утрата священного, забывание первичного сакрального источника личной и социальной жизни, размывание священной первоосновы бытия в потоке сиюминутных политических, экономических, социально-культурных интересов и страстей. Гюлен ставит эту проблему в цивилизационный контекст и приходит к следующим выводам.

1. Секуляризация как культурный и политический феномен рождается на Западе и распространяется по миру вместе с распространением западного образа жизни. Главное в секулярности – переход от пути служения Богу к слу-

жению себе. Эту тенденцию в западной культуре хорошо описал русский философ А. Панарин: «Новоевропейский проект эмансипации личности незаметно был подменен проектом эмансипации инстинкта – главным образом инстинкта удовольствия... Так, вместо трудовой миграции из индустриальной в постиндустриальную эру возобладала на уровне и личного, и коллективного проекта миграция из сферы труда в сферу досуга, из творческой напряженности в гедонистическую расслабленность. Вопрос о постиндустриальном обществе был решен не на путях новой творческой мобилизации людей, приглашенных к участию в массовом духовном производстве, а на путях их досуговой демобилизации. Стиль и образ жизни западного человека – а он является референтной группой для западников всего мира – стал определяться не творческим, а досуговым авангардом, распространяющим в обществе декадентско-гедонистическую мораль постмодерна» [7].

2. Противостоять секуляризации – не значит противостоять Западу, а противостоять самому себе, миру соблазна, миру бездуховности, миру безверия.

3. Один из наиболее болезненных результатов секуляризации – политизация ислама, которая извращает его суть и предназначение. В. Емельянов замечает, что «по мнению Фетхуллаха Гюлена, именно неоправданная политизация религии ислама и привела в значительной мере к сегодняшнему противостоянию мусульманского мира и Запада, к тому, что на Западе сложилось искаженное видение ислама, понимание его, прежде всего, как политической системы» [5]. Сам же Ф. Гюлен пишет: «Многие мусульмане, даже сведущие и образованные, верят, что Запад стремится подорвать основы ислама самыми хитрыми и изощренными способами. Постепенное «превращение» ислама в идеологию конфликта и противодействия, или в партийную идеологию, заставило людей с подозрением относиться к исламу и мусульманам» [5]. Преодоление этой ситуации возможно двумя путями: во-первых, созданием «официаль-

ного ислама» и, во-вторых, через диалог религий, культур, цивилизаций.

Первый путь (к нему турецкий мыслитель относится скептически) Ф. Гюлен рассматривает на примере политики светских властей Турции, которые взяли на себя роль толкователя религиозных законов и стали трактовать ислам в соответствии со своими идеологическими убеждениями. «Я даю название «Лозан ислама (Лозаннский ислам)» данному итогу официальных секуляристских толкований религиозных законов, что является государственным, т. е. официальным видом ислама в Турции. Республиканская элита считала, что истинное выражение религиозных чувств может происходить посредством молитвы по-турецки, т. е. на языке, понятном всем и каждому, для чего имело больше смысла переводить Коран с арабского языка на турецкий. Она также проводила исторические параллели, утверждая, что проводимые ею революции зеркально отражают борьбу протестантов против папизма в том, что касается ее нелюбви к промежуточным учреждениям и возможности прямого доступа к вере для всех. Следовательно, речь шла об «очищенной» религии, свободной от мистики и святых, и присутствия самостоятельных религиозных учреждений. Это позволяло жестко контролировать религию» [1]. Турецкий мыслитель отмечает, что вся политика властей в этом вопросе была сосредоточена на сращивании ислама (веры) и светского сектора: «В государственном варианте ислама уже не существовало конфликта между религией и турецким модернизмом, включавшим в себя модернизированное национальное государство, секуляризм, демократию и отсутствие для религии роли в общественной жизни. Целью Управления по вопросам религии было создание смоделированного под Турцию национального и модернизированного ислама, однозначно ограничивающего межнациональные связи и их роль, не поддерживающего международных или межнациональных отношений с другими государствами, и конкретно ограниченного официальными границами

национального государства, установленными Лозаннским договором от 1924 г. между Турцией и европейскими державами» [1].

Итог первого пути: «Идеология кемализма, сочетающая национальные, светские и модернистские элементы, не смогла заполнить пустоту, которую – как ожидалось – должен был насильно освободить гражданский ислам. Государство посредством своей светской политики и программы «озападнивания» угрожало системе ценностей мусульманского народа страны, не предоставляя одновременно с этим удовлетворительной и всеохватывающей идеологической структуры, которая бы обладала притягательностью для широких масс и могла бы заместить гражданский ислам» [1].

Второй путь, как мы уже указали, диалог, на важности и практической значимости которого настаивает Ф. Гюлен.

Понятие диалога в работах турецкого мыслителя функционирует как бы в двух перспективах (метафизической и социально-технологической), которые, в конце концов, сливаются в схему сакрализации социального и культурного пространства.

В рамках первой перспективы задаются мировоззренческие основы диалога, обосновывается его своеобразный онтологический статус и значимость для современной ситуации. Здесь уместно заметить, что тема диалога как способа существования и осмысления мира возникает в недрах европейской культуры. Понятие диалога сильно трансформировалось за последние десятилетия, что внесло специфические коррективы в понимание его сущности и предназначения. Изначально диалог конструируется как онтологическая и теологическая схема, в рамках которой происходит осмысление человеческой природы, встреча с Ты и Богом, распознавание различных стилей мышления, разведение цивилизационных характеров (Ф. Розенцвейг, М. Бубер, М. Бахтин, Э. Левинас, К. Гарднер и др.). Только в ситуации диалога Я осознает наличие Ты как условия своего соб-

ственного существования. Диалогическое отношение (отношение Я – Ты) есть фундаментальная характеристика положения человека в мире и культуре: «Философская концепция диалога предполагает межсубъектное общение, единение сознаний на метафизическом уровне взамен гносеологической структуры “субъект-объект”» [6]. В современной же секулярной культуре диалог приобрел смысл своеобразной политической и социальной технологии. Диалог мыслится как процесс: 1) узнавания сторон и 2) поиска компромисса. Ф. Гюлену удастся сочетать эти два аспекта: диалог есть разговор с Богом и разговор с человеком как творением Бога, диалог есть технология поиска истины и компромисса при определенных условиях.

Вторая перспектива представляет диалог как своеобразную социальную технологию, у которой есть цель, основы, условия и другие элементы инфраструктуры.

Цель диалога между различными религиями – «осуществление духовного единства и согласия, а также поддержание универсальности веры» [4, с. 37]. Эта цель, по нашему мнению, и есть суть сакрализации светского миропорядка, который в рамках диалога подчиняется не только цели пролонгирования веры, но и вывода систем социальной коммуникации в плоскость служения Богу и человечеству. Диалог воспроизводит мир сакрального в повседневной жизни за счет своих основ и условий.

Основы диалога:

- любовь (порождение альтруизма, всепобеждающая сила);
- сострадание (необходимое условие быть *человеком*);
- прощение (путь исправления, обретения своей потенциальной сущности);
- раскаяние (путь обретения милосердия и всепрощения, способность не замечать грехов других людей);
- терпение (источник духовной дисциплины и добродетели).

К этому списку можно добавить доверие, на котором настаивает аббат Тома де Сен Лоран: «Сегодня Господь наш

призывает к доверию нас, как некогда призывал Он Своих учеников ... Недоверие, каковы бы ни были его причины, наносит нам вред: оно лишает нас великих благ» [8].

Условия диалога:

– «мы должны забыть прошлое ... и сконцентрироваться на общих началах» [4, с. 39];

– твердость в вере, в отношении своих ценностей;

– «не надо ввязываться в полемику с христианами по спорным вопросам» (Б. С. Нурси) [4, с. 120];

– «не надо переносить в наши дни проблемы, ставшие причиной для распрей в прошлом, чтобы не создавать поводов для новых распрей. Их следует похоронить в прошлом, забыть» [4, с. 118];

– преодоление стереотипов в отношении друг друга, в оценках другой религии, культуры, народа, традиции;

– желание участников диалога изменить мир к лучшему.

Однако при всей возвышенности и гуманистичности основных смыслов в текстах Ф. Гюлена не покидает ощущение некоторой доли экуменистической и прозелитской интонации в его работах и интервью. Хотя это объяснимо его личной горячей и искренней верой в Аллаха, в которой он пребывает.

Установка на диалогичность естественным образом приводит Ф. Гюлена к проблеме образования как условию и технологии диалога: только через образование возможно создать когорту новых людей, для которых терпимость, уважение и диалог будут образом жизни. Здесь уместно вновь обратиться к А. Панарину: «Мировая западная элита в целом потерпела неудачу в важнейшем из проектов европейского модерна: в проекте приобщения масс к просвещенному творчеству в ходе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Еще 30 лет назад под индустриальным обществом на Западе подразумевалась социально-экономическая система, в центре которой находится не промышленное предприятие, а университет. Вложения в науку, культуру и образование признавались самыми

рентабельными из экономических инвестиций. В перспективе это сулило переход все большей части самодеятельного населения из нетворческого труда в материальном производстве в сферу духовного производства, становящегося массовым. Консенсус между элитой и массой надеялись укрепить на базе творческого принципа.

Однако в последние годы что-то сломалось в этом механизме формационного творческого возвышения. Можно сказать, что не столько творческой элите удалось перевоспитать тяготящуюся бременем монотонного труда массу, сколько массе, уставшей от усилий и переориентированной на потребительские ценности, удалось перевоспитать элиту. Или, что исторически точнее, среди самой элиты лидерские культурные позиции заняли не те, кто самоотверженно занимались творческим трудом, а те, кто стал специализироваться в области культуры досуга, постигнув все его гедонистические потенции» [7].

А. С. Панарин обнаруживает тенденцию деградации миссии университета в современном западном мире. Ф. Гюлен предлагает свой вариант «инкубаторов мысли»: освоение западного научного (естественнонаучного и технического) наследия и освоение религиозно-нравственного наследия исламского Востока. Турецкого мыслителя можно упрекнуть лишь в том, что в силу доминирования прогрессивистских установок он не всегда отдает себе отчет, что предлагаемая им модель образования не гарантирует защиты от этой тенденции (на которую указал А. Панарин): мало воспитать толерантную личность, надо воспитать творческого деятеля, новый тип личности, отличный от высокомерного (из-за университетской образованности и высокого заработка) эксперта-западника, от тотально компромиссного университетского профессора-интеллекта (боящегося потерять свое место), от сытого топ-менеджера (голосующего за того, кто гарантирует ему новые бизнес-заказы).

В заключение повторимся – творчество турецкого мыслителя Ф. Гюлена при всей неоднозначности его оценок со

стороны почитателей и критиков заставляет нас задуматься над перспективами как личного существования, так и судьбы нашей современной культуры.

Литература

1. *Гюлен, Ф.* Государство, право, гражданское общество и ислам в современной Турции / Ф. Гюлен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.fgulen.com/content/view/2205/16/>. – Дата доступа: 14.09.2011.
2. *Гюлен, Ф.* Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2010. – 360с.
3. *Гюлен, Ф.* Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен; под ред. В. Шеремета. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
4. *Гюлен, Ф.* Перспективы: очерки, мнения / Ф. Гюлен; сост. Х. Ешилова. – Минск: Четыре четверти, 2009. – 160 с.
5. *Емельянов, В.* Фетхуллах Гюлен – мусульманский философ, мыслитель и публицист. Личность, идеи, движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=rating&id=33>. – Дата доступа: 14.09.2011.
6. *Лифинцева, Т. П.* Философия диалога Мартина Бубура / Т. П. Лифинцева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/iphras/library/lifinceva.html#_ednref2. – Дата доступа: 14.09.2011.
7. *Панарин, А. С.* Народ без элиты: между отчаянием и надеждой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ulera.net/view/17920/1>. – Дата доступа: 12.09.2011.
8. *Сен Лоран де Тома.* Книга доверия: пер. с фр. – Париж, 1992. – 76 с.

В. Г. Шадурский

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА В УЧЕНИИ Ф. ГЮЛЕНА

Белорусский государственный университет, Минск

С ускорением миграционных процессов практически все государства мира становятся разнообразными в национально-религиозном и культурном плане. Все большую привлекательность для мигрантов приобретают экономически развитые государства, сумевшие обеспечить высокие стандарты жизни для своих граждан. В настоящее время практически во всех странах Западной Европы выходцы из других частей планеты составляют значительную долю населения. Например, около 15 % населения современной Швеции либо иммигрировали в страну, либо растут в семьях иммигрантов. Благодаря этим новым шведам прежде моноязычное шведское общество с однородной этнической структурой стало мультикультурным и интернациональным сообществом.

Вопросы интеграции мигрантов в новое общество, взаимоотношения культуры новых национальных меньшинств с культурой титульной нации стали предметом горячих дискуссий на различных уровнях. Споры в основном разворачиваются вокруг выбора во внутренней политике страны одной из основных стратегий адаптации мигрантов к новой стране: применение модели (концепции) культурного плюрализма (мультикультурализма), модели «плавильного котла», или модели культурной ассимиляции.

Культурный плюрализм (мультикультурализм) – это модель, которая поддерживает развитие и сохранение куль-

турных особенностей и различий этнических групп не только в мире в целом, но и в отдельно взятой стране. Согласно сторонникам концепции, параллельное развитие различных культур в русле общечеловеческой культуры предполагает их постоянное взаимное проникновение и обогащение. Идеи мультикультурализма получили наибольшее теоретическое обоснование и внедрение на практике прежде всего в экономически развитых странах. Актуальность теории и практики мультикультурализма стала возрастать начиная с 1960-х гг., когда в Западную Европу в поисках лучших условий жизни хлынули потоки иммигрантов из стран так называемого «третьего мира», в том числе из бывших колоний.

Противоположные политике мультикультурализма подходы присущи модели культурной ассимиляции (лат. *assimilatio* – уподобление), в результате которой этническая группа (или этнос в целом) добровольно или принудительно теряет свои отличительные особенности (язык, культура, религия) и интегрируется в доминирующий этнос.

Промежуточный вариант представляет собой модель «плавильного котла» (англ. *melting pot*), согласно которой предполагается слияние всех культур в одну. Различные этнические группы вовлекаются в процесс объединения культурных особенностей. В результате из этого разнообразия появляется новая единая национальная идентичность.

Очевидно, что на практике ни одна из перечисленных моделей не реализована полностью. Имеются основания говорить лишь о доминировании того или иного подхода во внутренней политике государства. В качестве наиболее известных примеров применения моделей можно привести Канаду, где культивируется мультикультурализм, и США, где традиционно провозглашается концепция «плавильного котла». Одно из наиболее известных определений модели США дано американским философом XIX в. Ралфом Уолдо Эмерсоном: «Так, на этом континенте, ставшем пристанищем всех наций, энергия ирландцев, немцев, шведов,

поляков и казаков, других европейских племен, африканцев, жителей Полинезии создала новую расу, новую религию, новое государство, новую литературу, которая будет столь же энергична, как новая Европа, которая вышла из сплава “темной эпохи”...» [1].

Как уже отмечалось выше, в странах Запада наибольшее развитие получила политика культурного плюрализма (мультикультурализма). Обеспечение потребности в бесперебойном притоке дешевой рабочей силы стимулировало выбор наиболее простого способа адаптации иностранцев к новым условиям. Предполагалось, что большие группы иммигрантов находятся в европейских странах временно, поэтому им не обязательно перенимать местные традиции и ценности. Однако в 2000-е годы такой подход начал давать серьезные сбои. Оказалось, что мигранты не только не уезжали к себе на родину, но их количество вопреки различным ограничениям стало увеличиваться. Волнения компактно проживающих в пригородах крупных городов Франции, Германии, Великобритании выходцев из Азии и Африки продемонстрировали, что вместе с ростом их численности в этих благополучных странах обострились многие существовавшие ранее и возникли новые социальные проблемы (безработица, преступность, религиозный экстремизм и др.). На фоне растущих противоречий между новыми этническими группами и титульной нацией усилились праворадикальные партии и движения, ставшие заметным игроком во внутренней и внешней политике европейских стран (Национальный фронт (Франция), Национал-демократическая партия Германии, Альянс за будущее Австрии и др.).

В 2010-е годы о провале политики мультикультурализма в своих странах заявили некоторые лидеры европейских стран, придерживающиеся правоцентристских и консервативных взглядов (А. Меркель, Д. Кэмерон, Н. Саркози). Так, на встрече с молодыми членами Христианско-демократического союза (ХДС) в Потсдаме канцлер ФРГ А. Меркель

(октябрь 2010 г.) заявила, что попытки построить мультикультурное общество в Германии «полностью провалились». В частности, она отметила, что «концепция, по которой мы в настоящее время живем бок о бок и счастливы этим фактом, не работает». Глава немецкого правительства также заявила, что иммигранты должны интегрироваться, принимать культуру Германии и ее ценности. Это способствовало росту дебатов по поводу иммиграции не только в Германии [2].

Критики мультикультурализма стали активно говорить о стремительном разрушении многовековых культурных устоев, развитых культурных традиций Европы и т. д. По их мнению, если низкий уровень культурного развития мигрантов заметно повышается, то высокий уровень культуры целевой страны мультикультурализма неизменно падает.

На фоне критики культурного плюрализма вновь усилились позиции сторонников пессимистических сценариев взаимодействия мировых культур и религий.

Следует отметить, что, несмотря на резкую критику модели мультикультурализма, вопрос о перспективах и моделях функционирования многонациональных, многокультурных обществ внутри одной страны остается открытым. Ответ на этот вопрос требует более внимательного изучения мнения авторитетных деятелей, представляющих не только Европу, но и всю культурно-религиозную палитру современного мира. Одним из признанных авторитетов является имам Ф. Гюлен, который читателями журнала «Foreign Policy» в 2008 г. был признан ведущим интеллектуалом мира. Помимо своей активной литературной и просветительской деятельности (письма, статьи, выступления известного политико-религиозного деятеля опубликованы приблизительно в 60 книгах, переведенных на многие языки) Ф. Гюлен известен как инициатор масштабных практических акций в сфере образования, поддержки малоимущих и т. д.

Являясь сторонником межрелигиозного диалога, Ф. Гюлен заложил основы исламского отношения к межцивили-

зационному и межрелигиозному взаимодействию. Изучение произведений Гюлена позволяет определить его подходы к обозначенной теме, помогает ознакомиться с мнением одного из видных исламских теоретиков по вопросам интеграции мигрантов, сосуществованию культур и религий.

1. В своих трудах и общественной деятельности Ф. Гюлен выступает как активный сторонник и инициатор межкультурного и межрелигиозного диалога. Анализ размышлений турецкого просветителя подтверждает тот факт, что в наши дни он является одним из наиболее известных исламских богословов, кто активно стремится к диалогу, призывает к терпимости между различными мусульманскими религиозными сообществами, а также между мусульманами и представителями других религиозных конфессий.

Идея диалога составляет фундамент теоретической и практической деятельности турецкого просветителя. Только с помощью диалога человечество способно разрешить самые серьезные противоречия. Гюлен уверен в том, что диалог является естественным результатом исламской этики. Он рассматривает всех людей как слуг Бога независимо от их этнической или религиозной принадлежности. По его мнению, исламская религия придает одинаковое значение всем людям и называет их слугами Милосердного (всемилоственного) Бога. Ссылаясь на хадис (Пророка), гласивший: «Облегчайте (жизнь), но не затрудняйте, приносите хорошие вести, не делайте ее ненавистной», Гюлен отмечает, что это указание может быть достигнуто посредством любви и ведения диалога с представителями других религий.

Говоря о диалоге, Гюлен опирается на аят из Корана: «Люди! Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и династиями, чтобы вы узнавали друг друга...» (Худжурат 13). Известный исламский деятель считает, что диалог является одной из обязанностей мусульман всего мира, именно он необходим для получения более спокойного и безопасного мира.

Репутацию сторонника межконфессионального диалога Гюлен создал не только благодаря своим идейным воззрениям, но и реальным инициативам в процессе общения с лидерами национальных меньшинств в Турции. Во-первых в конце 1980-х гг. мусульманский лидер установил плодотворные связи с лидером греческой православной церкви Варфоломеем. Во-вторых, несмотря на большое противостояние, он провел работу по учреждению образовательной программы в Армении. Ф. Гюлен убедил группу турецких бизнесменов открыть школу для молодежи в столице Армении.

Одним из плодов их усилий стала межрелигиозная конференция, которая была организована Фондом журналистов и писателей Турции. Эта конференция под названием «Симпозиум Авраама» прошла в городе Урфа, который считается местом рождения пророка Авраама. Другим потенциальным результатом этих усилий стало предложение о создании межрелигиозного университета в этом же городе.

Особого внимания заслуживает визит Ф. Гюлена к папе римскому Иоанну Павлу II в 1997 г., который стал важным шагом к развитию мусульманско-христианского диалога, особенно в Турции. Как известно, решение о развитии межрелигиозного диалога было принято Вторым Ватиканским собором (1962–1965). Созданный для поддержания этого диалога Совет стал практиковать ежегодные поздравления мусульман с их религиозными праздниками.

Визит в Ватикан явился своеобразным ответом на развернувшуюся в мире дискуссию, очередным поводом для которой стала книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) о неизбежном и расширяющемся культурно-религиозном конфликте, прежде всего ислама и христианства. Встреча исламского религиозного деятеля с иерархом католической церкви получила горячую поддержку как в Турции, так и за ее пределами. Вместе с тем, действия Гюлена подверглись жесткой критике в Турции со стороны сторонников различ-

ных убеждений, например, антиклерикальных сил и радикальных исламистов. Сторонники жесткой линии, секуляристы, осуждали Гюлена за то, что для визита в Рим он не был наделен необходимыми полномочиями. По их мнению, Гюлен не имел права от своего имени говорить с Папой, так как не был назначен для этого государством. Реакция на визит Гюлена со стороны радикальных исламистов была несколько иной. Они посчитали это как своего рода унижение, поскольку мусульманин не должен наносить визит немусульманину. Кроме того, они безосновательно считали, что визит известного мусульманского религиозного лидера к католическому лидеру в какой-то мере может способствовать увеличению перехода мусульман в христианство.

Приверженность мирному разрешению международных конфликтов Гюлен в очередной раз продемонстрировал, дав комментарий так называемому «Конфликту у берегов Газы», имевшем место в ночь с 30 на 31 мая 2010 г. между Армией обороны Израиля и активистами движения «Флотилия свободы», которые пытались на морских судах провести гуманитарные грузы в Газу. Вопреки мнению турецкого правительства Ф. Гюлен подверг критике попытку доставить помощь в Газу без согласия Израиля, считая, что это не принесет плодотворных результатов. Затею с отправкой флотилии он назвал «отвратительной». Гюлен также подчеркнул, что вне зависимости от отношения к Израилю и блокаде в гуманитарной деятельности следует применять законные средства [3].

2. Успех диалога между религиями, цивилизациями, Востоком и Западом, по мнению Гюлена, гарантирован единством происхождения человечества. Он образно сравнил человечество с деревом: «Человечество – это всего рода древо. Народы – его ветви. События, подобные порывам сильного ветра, в зависимости от степени своей мощности заставляют эти ветви бить друг друга. И страдает из-за этого дерево. Видимо, в этом заключается смысл слов: “Кто бы что ни делал (недоброго), он делает это самому себе”» [4].

Из признания единства человечества вытекает и общность мировых религий. По мнению турецкого проповедника, ислам, христианство и иудаизм «имеют общие корни, практически одинаковые основополагающие принципы и питаются из одного источника. Несмотря на многовековое соперничество религиозных конфессий, общие черты и общая ответственность за создание счастливого мира для всех божественных творений делают необходимым диалог между ними» [5].

Само становление известного исламского проповедника связано с изучением творчества не только исламских мыслителей, но и представителей других культур и религий, в том числе В. Гюго, У. Шекспира, О. де Бальзака и др.

Несмотря на общность человечества и его мировых религий, на протяжении многих веков наблюдается конфликт, который особенно заметен между цивилизациями Востока и Запада. Причину конфликта Востока и Запада Гюлен видит в том, что восточные цивилизации пренебрегли научными принципами, а западные – отделились от духовности. Истинная цивилизация, по мнению Гюлена, всегда могла формироваться только там, где главными ценностями были знание и нравственность. Вот почему Запад, который всегда отдавал предпочтение науке, оставался нравственно парализованным, а замкнувшийся на себе Восток даже сейчас, хоть и частично, но все-таки продолжает оставаться близким природе, ибо он отвернулся от науки в ее западном понимании. Цивилизация будущего сформируется благодаря синтезу научных достижений Запада и веры и этики Востока [4, с. 49].

Равноправие между Востоком и Западом, делает вывод Ф. Гюлен, не восстановлено и на современном этапе: «Промышленная революция стала первым шоком, который испытал на себе исламский мир. Подобно тому, как кошка, зажав мышью в угол, играет с ней, так и Запад вчера и сегодня держит исламский мир в шоковом состоянии и играет с ним» [4, с. 106–107].

3. Признавая единство человечества, общие корни и принципы мировых религий, Гюлен одновременно выступает защитником сохранения традиционных национальных ценностей: «В жизни каждой нации культура занимает одно из важнейших мест. Культура, составляющая неотъемлемую часть прошлого нации и прочно связанная с ее корнями, всегда будет оставаться проводником этой нации и будет продолжать освещать ей путь к новым высотам. И никакая нация не сможет выжить в зигзагах ежедневно меняющихся воззрений и ценностей». Культурная ассимиляция и смешение культур, с точки зрения Гюлена, являются тупиковым вариантом: «Общества, которые думают, что, заключив брак с культурой и цивилизацией другой нации, они смогут гарантировать себе хорошее будущее, подобны деревьям, к ветвям которых привязаны плоды других деревьев, а это смешно и совершенно неправдоподобно» [4, с. 47].

Ф. Гюлен выступает за сплочение нации на основе единой культуры: «Самой зрелой может считаться только та нация, члены которой единым порывом совместно обдумывают все проблемы и предпочитают мнение большинства. Естественно, что эти люди должны быть воспитаны в одной религиозной и языковой традиции и обладать одним общим историческим сознанием» [4, с. 155].

В этом отношении Гюлена нельзя отнести ни к сторонникам культурного плюрализма, ни культурной ассимиляции, ни «плавильного котла». Не вытекает из взглядов турецкого мыслителя и поддержка активных миграционных процессов.

Огромную роль в деле сплочения нации, по мнению Гюлена, играет образование, построенное прежде всего на национальных ценностях и традициях: «Нации, не уделяющие достаточно внимания своим детям, обречены на отставание, а те, кто передает их в чужие руки и доверяет чужим культурам, потеряет их навсегда» [4, с. 163]. В своих размышлениях об общественном прогрессе он развивает этот

тезис: «хотя образование является одним из важнейших элементов общественного развития, однако из-за того, что многие поколения людей воспитываются без учета национальных ценностей, для достижения новых вершин и получения серьезных позитивных результатов одного образования оказывается недостаточно ...» [4, с. 52]. И далее: «Несмотря на то что это самые важные предметы, в школах меньше всего внимания уделяется предметам, посвященным национальному воспитанию и национальной культуре. Если мы когда-нибудь займемся этим вопросом, то это станет самым верным решением, принятым во имя развития нации» [4, с. 173].

Таким образом, Гюлен отстаивает идею суверенного существования наций, которые не смешиваются, но активно сотрудничают между собой.

4. Выступая за расширение межцивилизационного и межрелигиозного диалога, Гюлен позиционирует себя как активный сторонник ислама, стремящийся повысить авторитет этой мировой религии среди других конфессий. Влиятельнейший турецкий религиозно-политический деятель считает, что именно в результате диалога можно повысить доверие к исламу, устранить негативный образ и стереотипы, сложившиеся по отношению к мусульманству.

В качестве примера мирного сосуществования различных народностей и религий Ф. Гюлен приводит 400-летнюю историю Османской империи, в которой, по его мнению, несмотря на все различия, на протяжении столетий народам удавалось жить более мирно, чем в настоящее время.

Гюлен призывает как к уважению к традициям, так и учету результатов прогресса. В частности, он подчеркивает, что «...ошибаются те, кто думает, что сможет обрести настоящую скромность и праведность во внешней неопрятности, в старой шкуре, на которой восседали когда-то старые суфийские шейхи, в давно отслужившей свое обители дервишей. Но точно так же ошибаются и те, кто ищет воз-

рождения нации в европейских шляпах и декольтированных платьях» [4, с. 223].

Одну из причин общественных бед, в том числе упадка Османской империи, Гюлен видит в деятельности недостойных правителей: «С давних времен людьми в большинстве случаев управляли умные, образованные и сильные политики. А ими, в свою очередь – праведны они или нет – люди еще более умные и рассудительные. И мы правили миром именно тогда, когда нами правили такие умы и таланты ...» [4, с. 181].

Очевидно, что «османский романтизм» Гюлена вызывает определенную критику. Вместе с тем, следует признать, что уважение к прошлому своего народа, своей страны заслуживает уважения. Идеализация и романтизация прошлого своего народа, популяризация достижений и лучших черт национального характера присуща большинству, если не всем народам планеты. Не является исключением и Беларусь. Многие белорусские исследователи, представители национальной культуры и искусства также подчеркивают особую толерантность белорусов, пишут о том, что Беларуси удалось избежать масштабных межнациональных столкновений во многом благодаря особому менталитету населения, его исторической склонности к стабильным и спокойным взаимоотношениям с представителями различных религиозных и этнических объединений. Часто повторяется, что в белорусских городах и местечках мирно соседствовали православная церковь, католический костел, иудейская синагога, протестантский молитвенный дом, а иногда и мусульманская мечеть. Однако если критически посмотреть на историю любого народа, то следует признать, что современникам трудно сказать что-либо конкретное о менталитете большой этнической группы в далеком прошлом. Вместе с тем, следует согласиться, что совместное проживание в полиэтнических государствах научило местное население отдавать преимущество не национальным, а социальным ценностям, общим экономическим ин-

тересам. Забота об общем благе как важнейшем условии личного благополучия способствовала мирному соседству и взаимному обогащению культур и языков. Общие интересы не противоречили стремлению каждого из этнических сообществ развивать и совершенствовать свою самобытность. Именно в этом состоят объективные условия национальной и религиозной терпимости, мирного сосуществования представителей различных этнических групп и конфессий в различных государствах, в различные исторические эпохи.

Таким образом, изучение письменного творчества и практической деятельности Ф. Гюлена позволяет сделать вывод о том, что на протяжении многих лет его усилия направлены на укрепление межрелигиозного диалога и терпимости. Известный турецкий мыслитель стремится строить мосты между религиями и культурами для преодоления формировавшегося столетиями отчуждения, создания более стабильного и гармоничного мира. Наряду с расширением межцивилизационного диалога Ф. Гюлен выступает активным сторонником сохранения культурной самобытности, воспитания и образования на основе национальных традиций и ценностей.

Литература

1. *Abramson, H. J.* Assimilation and Pluralism // *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1980. – P. 152.
2. Merkel says German multicultural society has failed [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11559451>. – Date of access: 19.12.2011.
3. *Lauria, J.* Reclusive Turkish Imam Criticizes Gaza Flotilla // *The Wall Street Journal Friday*. – 2010. June 4 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704025304575284721280274694.html>. – Date of access: 19.12.2011.
4. *Гюлен, Ф.* Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен; под ред. В. Шеремета. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
5. Фетхуллах Гюлен и современный мир: толерантность, диалог, взаимопонимание / Ф. Гюлен [и др.]; науч. ред. А. Насынбаева, Г. Соловьева. – Алматы, 2009. – 511 с.

Л. Г. Титаренко

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР: ВОСПРИЯТИЕ Ф. ГЮЛЕНА В БЕЛОРУССКОМ КОНТЕКСТЕ

Белорусский государственный университет, Минск

В основу статьи положены личные впечатления, полученные от знакомства с рядом выдающихся представителей современности, оказывающих неоспоримое влияние на определенные круги населения – от непосредственного окружения до глобального влияния через средства массовой информации и Интернет. Поскольку в центре обсуждения книги находится фигура турецкого мыслителя и религиозного проповедника Ф. Гюлена, для сравнения с ним я выбрала людей, так или иначе близких к нему по своему кругу интересов и масштабу личности, деятельность которых связана с религией и которые в то же время хорошо известны в Беларуси. Эти личности, безусловно, являются неординарными. И именно поэтому каждая такая личность вызывает много споров: одни люди их могут почитать за святых, поклоняться им, другие – подвергать сомнению их вклад в духовное развитие своего народа, критиковать политический контекст их идей. В любом случае такие люди не оставляют никого равнодушным и поэтому достойны широкого публичного обсуждения.

Мой выбор обусловлен сложившимися обстоятельствами собственной жизни социолога, сталкивавшей меня с теми или иными выдающимися людьми нашего времени. Однако за этими личными обстоятельствами вполне можно усмотреть и объективные, глобальные тенденции, которые спрессовывают пространство и делают всех нас, жителей планеты Земля, близкими друг другу, независимо от стра-

ны проживания. Как иначе можно объяснить тот факт, что мне, белорусскому ученому, довелось не только многократно общаться с митрополитом Филаретом, почитаемым лидером православия в Беларуси, но и встретиться с папой римским Бенедиктом XVI, стоящим во главе католиков всего мира? И хотя я лично никогда не встречалась с Ф. Гюленом, религиозным проповедником и самым известным турецким реформатором ислама, проживающим в США, тем не менее и на моей родине, и в республиках бывшего Советского Союза, и в Турции я встречала многих людей, близких Гюлену, находившихся под влиянием его идей и открыто делившихся со мной своими впечатлениями о его идеях и практике их воплощения в жизнь. Поэтому я так или иначе буду сравнивать влияние этих трех неординарных людей, трех религиозных лидеров современности, на молодое поколение, – влияние, которое я изучала по личным наблюдениям и общению с ними и их последователями. Естественно, статья не претендует на репрезентативность, это лишь восприятие личности Гюлена людьми, связанными с его идеями, пропущенное сквозь социологическую призму сравнения с восприятием других религиозных деятелей, которые намного раньше Гюлена были включены в контекст интересов белорусского общества и в научный дискурс. Одним из методов, которыми я пользовалась, было «изучение случая», или «кейс стади» – метод, вполне уместный для сравнения чужих впечатлений с моими собственными эмпирическими наблюдениями, а также для иллюстрации сделанных мною выводов.

Сначала немного теории о роли личности в современном обществе, точнее – в духовно-интеллектуальном развитии того или иного народа, страны. Те, кто из белорусских интеллектуалов получил образование при советской власти, наверное, хорошо помнят положение марксизма, согласно которому роль личности в истории ограничена историческими условиями и обстоятельствами. Мол, когда история требует, когда есть социальная необходимость –

всегда найдется и личность, которая воплотит в жизнь эту необходимость. В этом положении личностный фактор подчинен роли объективных обстоятельств: материальные условия детерминируют сознание и деятельность субъектов.

Однако реальная история многократно доказала, что марксизм в этом вопросе значительно принизил творческую роль личности, которая силой своего сознания, воли может сама повлиять на историю, изменить обстоятельства. Конечно, не каждая личность способна на исторические изменения, но преуменьшать такую возможность было бы неправильно. Более того, та же история предоставляет массу примеров, доказывающих важность роли личности – как в позитивном, так и негативном плане.

Влияние личности проявляется на самых разных уровнях – управления государством, разработки инновационных технологий, совершении научных открытий, в искусстве. Но, пожалуй, не меньшее значение личность (особенно духовный лидер) играет в вопросах образования и воспитания молодого поколения. Сейчас говорят о том, что «молодым принадлежит будущее страны». От того, какую молодежь воспитает нынешнее «среднее поколение», будет зависеть, какой страна станет лет через 10–20, насколько она будет демократичной, образованной, с какими странами будет поддерживать отношения и т. п. На данный момент, когда в Европе и Америке начинает проявляться глубокий демографический спад, этот вопрос особенно важен. Так, в отношении Беларуси демографический кризис становится не менее актуальным, чем финансовый или экологический: население стремительно стареет, количество лиц пенсионного возраста скоро может превзойти количество людей трудоспособного возраста. Сохранит ли молодое поколение трудовой энтузиазм отцов и дедов, уважение к старшему поколению?

Однако и в так называемых «молодых странах», где средний возраст населения достаточно низок, как в Турции

(здесь среднестатистическому жителю менее 30 лет), молодое поколение находится в фокусе всеобщего внимания. Ведь в любой стране молодежь действительно определяет ее будущее.

Важнейшей сферой влияния на молодежь остается воспитание и образование – два института социализации населения. Кроме семьи, в этом процессе огромную роль играют учреждения образования – школы, колледжи, вузы и др. В этом же ряду институтов социализации находится и церковь, или институт религии. Хотя и в Турции, и в Беларуси религия отделена от государства, тем не менее, она играет весьма важную роль как в жизни общества, так и в воспитании молодого поколения. Поэтому религиозный лидер – будь он общепризнан, как патриарх Минский и Слуцкий Филарет, или живет затворником далеко от родины, как Ф. Гюлен, – всегда известен в народе, его жизнь обрастает легендами, его идеи транслируются сотнями последователей, его влияние становится национальным и даже межнациональным. Причем это влияние и интеллектуальное, и моральное, и в конечном счете политическое, т. к. его слово воздействует на множество людей, включая политических деятелей. Еще большей известностью обладает понтифик: благодаря своему мировому статусу религиозного лидера любое его послание доносится до всех верующих, где бы они ни жили, а его деяния обсуждаются на одном уровне с деятельностью мировых политических лидеров. Для нашей многоконфессиональной страны, где католицизм исторически существует много веков и сегодня является второй по числу верующих религией в Беларуси, фигура папы римского, конечно, важнее и заметнее фигуры исламского реформатора Гюлена, но в интеллектуальных белорусских кругах имя последнего получает все большую известность. Тем важнее сравнение этих трех фигур, осмысление влияния их личности и идей на представителей молодежи разных стран, пропущенное сквозь призму восприятия белорусского социолога.

Воспитанию и образованию молодежи уделяет огромное внимание современное государство: везде эти институты находятся под контролем. В этом отношении Беларусь и Турция не отличаются: обе страны возлагают на эти институты большое значение, в обеих образование носит светский характер. Однако в Турции в целом намного более развита система частных школ и учебных заведений, что дает большой простор как для практической реализации разных вариантов образовательных программ, так и широкого использования самых разных средств воздействия на умы и сердца молодежи.

В 2012 году исполняется 30 лет со дня открытия в Турции первой частной школы, в которой были внедрены образовательные и воспитательные идеалы Ф. Гюлена. Сегодня таких школ и колледжей, открытых сторонниками Гюлена и участниками его движения по всей Турции и за ее пределами, – огромное число, в них учатся тысячи детей и подростков. Причем многие – и в самой Турции, и особенно в странах бывшего Советского Союза (например, Туркмении, Кыргызстана, России) учатся бесплатно. Это, как правило, способные, хорошо успевающие ученики из плохо обеспеченных в экономическом плане социальных слоев населения. Всех учеников привлекает в школы не только высокий уровень преподавания, хорошие учителя и материальная база школ, но и особая человеческая атмосфера, господствующая в этих школах: доброта, благожелательность, уважительное отношение друг к другу и старшим особенно. Такие учебные заведения создаются и функционируют в соответствии с духовно-нравственными принципами, разработанными Гюленом.

Хотя я несколько раз принимала участие в научных конференциях, проводимых в Анкаре и Стамбуле, к сожалению, во время этих поездок мне никогда не удавалось лично посетить учебные заведения, открытые сторонниками идей Гюлена. Я только слышала от них от своих коллег –

турецких социологов. Тем не менее, с несколькими учениками школ и колледжей, работающих по принципам Гюлена, открытых в республиках бывшего СССР, я обсуждала саму идею подобных школ, а также социологическими методами пыталась определить удовлетворенность этих молодых людей учебой в Гюленовских учебных заведениях. Эти молодые люди мечтали получить высшее образование, чтобы затем продвинуться в профессиональном плане. Все они были из сравнительно небогатых семей, чей доход не позволял учиться платно, независимо от учебных успехов. Система школ Гюлена и ее открытость для перспективной молодежи обеспечила воплощение их мечты. Поэтому молодые люди были очень признательны Гюленовской образовательной системе, которая приняла их и позволила им, иностранцам, получать здесь высшее образование. Каждый учился в такого типа учебных заведениях сначала в своей стране, а затем в Турции, в вузе. Будучи людьми тюркского происхождения, они не имели языковых проблем, а культура Турции их очень привлекала своим многообразием. Молодые люди были прекрасно воспитаны, охотно поддерживали беседы на светские и духовные темы. Они не были глубоко верующими мусульманами, но искренне почитали исламские традиции, регулярно посещали религиозные службы, с интересом рассказывали о Гюлене и его идеях – как религиозных, так и собственно просветительских, политических. Когда я спросила, что же главное для себя из духовного наследия Гюлена они вынесли, они отметили терпимость, толерантность, открытость к диалогу с другими религиями и культурами. Практически их выводы полностью совпадали с тем, что я прочитала о Гюлене в научной литературе и нашла в произведениях самого проповедника – религиозный диалог и толерантность. Можно было понять, что идеи Гюлена действительно повлияли на мировоззрение и поведение молодых людей, оказавшихся в центре моего «исследования единичных случаев». Полагаю, что из таких молодых людей никогда

не вырастут мусульманские террористы и экстремисты и что турецкий религиозный лидер Гюлен для них останется примером личной скромности, человеколюбия и моральной зрелости.

Не менее интересная встреча с другим религиозным лидером современности состоялась в Риме, где в 2011 году я присутствовала на торжественной службе в Соборе Св. Петра, которую проводил папа Бенедикт XVI. (Сразу оговорюсь, что я бы предпочла послушать предшествующего понтифика, папу Иоанна Павла II, который был признанным оратором и харизматической личностью, но такой возможности жизнь мне не предоставила.) Оказалось, что это была специальная служба, ежегодно проводимая Ватиканом именно в этот день (праздник молодежи) для молодых католиков – студентов университетов, служителей церкви, а также другой молодежи, открытой к диалогу. Тем не менее, и мне – человеку, далекому от католицизма, – было любезно разрешено войти и присутствовать на торжественной службе.

Многотысячная аудитория, собравшаяся в Соборе Св. Петра, приветствовала его появление морем оваций. Несмотря на тихий (даже с микрофоном) голос Бенедикта XVI, когда он заговорил, стало так тихо, что каждый хорошо слышал священника. В обращении папы к аудитории были затронуты и глобальные проблемы человечества, и мировой кризис, однако суть его была в призыве к молодежи нести моральную ответственность за свои дела, помогать друг другу, уважать людей. Другими словами, это была проповедь общечеловеческих ценностей. В этом смысле набор высших моральных ценностей мало чем отличался от тех, которые проповедует мусульманин Гюлен. Конечно, это не значит, что между ними нет различий: признание общечеловеческих ценностей не перечеркивает того, что каждый из них поклоняется своим святым, следует своим религиозным догматам и что в прошлом Гюлен высказывал несогласие с папой Бенедиктом XVI по поводу критики по-

следним ислама и «мусульманского терроризма». И тем не менее, непредвзятое восприятие этих личностей, скорее, схватывает их общие черты, среди которых – огромное влияние на молодежь. В данном случае я могу говорить о Гюлене, опираясь на литературу и свои впечатления от бесед со сторонниками и противниками его идей: и те, и другие подчеркивали его неоспоримое влияние. Увы, личного опыта общения с Гюленом (даже мимолетного, как с папой римским) у меня нет.

Возвращаясь к службе в Соборе Св. Петра в декабре 2011 года, отмечу, что большинство присутствующих состояло не из итальянцев, а из жителей разных стран Азии, Африки, Латинской Америки, где католицизм имеет сегодня больше всего сторонников и молодежь которых с интересом обучается в католических учебных заведениях Ватикана. Один мой сосед оказался инженером из Мексики, другой – архитектором из Филиппин. Оба получали религиозное образование после окончания университетов в своих странах, оба были активными членами Опус Деи. Они были глубоко убежденными верующими, для которых повседневная жизнь и выполнение повседневного долга и есть подтверждение христианских ценностей, их миссия в жизни. Личность понтифика была для них символом христианства, поэтому они глубоко его почитали как образец святости. Для меня было очевидным, что эти католики могли бы успешно жить и работать среди представителей других религий, в любой стране, ибо служение религии для них было равнозначным честной «мирской жизни» по законам справедливости. Я еще долго разговаривала со своими случайными знакомыми после службы, убеждаясь в их искренности и открытости.

Наконец, третья фигура религиозного лидера – лидер белорусского православия, митрополит Минский и Слуцкий Филарет, с которым я познакомилась много лет назад и который сразу произвел на меня огромное впечатление именно масштабом своей личности. Его отличают глубокие

знания, убежденность, человеческая доброта, философская мудрость. По моему мнению, это действительно образец современного религиозного деятеля, причем мирового уровня. Об этом неоднократно говорили и представители других религий, которые общались с митрополитом Филаретом. Я несколько раз слушала его выступления на международных конференциях, организованных Белорусской Православной церковью в Минске: он всегда выступал эмоционально, речь его была выразительной, аргументированной, привлекала к себе внимание слушателей. Я наблюдала, как слушали выступления Филарета молодые люди: им было интересно, они ждали от Владыки важных слов, которые помогли бы им понять мир, и обычно всегда оставались под глубоким впечатлением от его выступлений. Я неоднократно беседовала с православными студентами: их восхищала личность митрополита, и именно через Филарета они снова и снова убеждались в важности тех истин христианства, о которых он говорил.

В отличие от моих предыдущих «кейс стади», в случае с православием объектами моего исследования были девушки. Поскольку все девушки живут в Минске, я могла изучать их «случаи» дольше и глубже, чем «случаи» с молодыми мусульманами и католиками. Две девушки получили светское образование в Белорусском государственном университете, уже в студенчестве они стали посещать церковь, постепенно стали верующими. Обе слушали проповеди Филарета и глубоко его уважали. Обе вышли замуж за священников (уже после окончания учебы), поменяв таким образом не только свое мировоззрение, но и образ жизни. Третья девушка пришла в церковь через музыку: сначала она несколько лет пела в церковном хоре, но постепенно тоже стала глубоко верующей, получила религиозное образование на теологическом факультете БГУ и затем стала работать для церкви. Для нее митрополит был образцом, она говорила о нем восторженно и считала большим счастьем тот факт, что может служить церкви, имеющей такого ли-

дера. Эти примеры подтверждают сказанное выше: сила влияния личности религиозного лидера на молодое поколение зависит от убежденности самого лидера и масштаба его личности.

Белорусская Православная церковь хорошо известна тем, что активно развивает межрелигиозный диалог в современном мире. Одна из международных конференций по развитию этих идей, проводимых в Минске митрополитом Филаретом, была посвящена диалогу православия и исламства; в ее работе участвовали многие представители ислама из разных стран мира. Присутствовали там и ученые БГУ, поэтому я могу опираться на личное восприятие впечатления, которое произвел Владыка на участников конференции. Митрополит Филарет убедительно показал в своем выступлении, что мировые религии, христианство и ислам, имеют точки соприкосновения и поэтому могут мирно существовать, основываясь на общих ценностях, уважая другие религии, а не борясь друг с другом. Его положения были положительно восприняты всеми участниками этого межконфессионального диалога. Подобные конференции под эгидой митрополита, посвященные диалогу православия с другими религиями, также имели большой резонанс в религиозной среде, привлекли внимание белорусских и зарубежных ученых.

В отличие от Гюлена, митрополит Филарет воплощает образец современного религиозного мыслителя и крупного религиозного деятеля, а не практического философа и религиозного просветителя. Но это нисколько не мешает ему влиять на интеллектуальное сообщество в Беларуси, на молодое поколение, т. к. митрополит – фигура публичная. Он часто выступает перед аудиторией, не уходит от острых вопросов и активно трудится на своем посту ради мира и спокойствия народа.

К сожалению, Филарет и Гюлен никогда не встречались, но если бы такая встреча имела место, полагаю, они бы легко могли найти общий язык, так как оба являются глубоки-

ми сторонниками межконфессионального диалога между христианством и исламом, оба несут людям духовность и проповедуют толерантность и взаимное уважение. В любом случае, в современном глобализированном мире, где идеи и люди легко пересекают государственные границы, разные культуры неизбежно обречены на все более тесные контакты. Поэтому взаимное уважение, поиск консенсуса в практических вопросах повседневной жизни между представителями разных религий, а также знакомство интеллектуального сообщества разных стран с фигурами и идеями религиозных лидеров другой культуры – это путь, способствующий сближению народов и стран. Поддержание и упрочение таких взаимоотношений – совместная задача как турецких последователей Гюлена, так и интеллектуальной среды белорусских ученых.

В одном из текстов Гюлена я прочитала, что Гюлен не только не высказывался против профессиональной подготовки в Турции православных священников из числа турецких граждан, но даже активно поддерживал эту идею. С его точки зрения, это могло бы служить национальным интересам Турции, т. к. позволило бы более эффективно, через турецких православных священников, влиять на православный мир, на другие страны. Как видим, проповедуя религиозную толерантность, Гюлен в данном случае думал и о национальных интересах своей страны. Турция – страна, где 98% населения составляют мусульмане. Однако в той же Турции есть признанные национальные меньшинства, исповедующие иные религии, – греки, евреи. Они также являются гражданами Турции, и предоставление им равных прав на исповедание своей религии действительно соответствует государственным интересам Турецкой Республики.

Поэтому идеи Гюлена, поддерживающие межконфессиональный диалог и взаимное уважение между народами одной страны и народами всего мира, очень важны для современной Турции. Эти идеи помогут стране развиваться

по пути демократии и толерантности, будут способствовать преодолению тех многих политических противоречий и конфликтов, которые пока мешают поддержанию мира между народами в этом регионе.

Литература

1. *Гюлен, Ф.* Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2011.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ Ф. ПЮЛЕНА: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

А. В. Рубанов, И. Дилекчи

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Ф. ГЮЛЕНА

Белорусский государственный университет, Минск

В центре социально-этического учения известного турецкого мыслителя и общественного деятеля Ф. Гюлена находятся идеи гуманизма. Гуманизм в понимании Гюлена – это обусловленная Божественным промыслом гармония интересов, во-первых, между людьми; во-вторых – между человеком и природой.

За отправную точку своих социально-этических идей Гюлен взял обращение «Бисмиллахирахманирахим», с которого начинается почти каждая глава Корана. В этой фразе свойства Аллаха даются обозначениями «Милостивый и Милосердный». Постоянная повторяемость в Коране этой фразы (сто четырнадцать раз, согласно Гюлену) должна быть очень серьезно воспринята мусульманами. Таким образом Бог, считает Гюлен, хотел научить мусульман быть милостивыми и милосердными по отношению к людям и природе.

В одной из своих статей о сострадании (милости) Гюлен пишет: «Сострадание есть начало бытия; без него все является хаосом. Все начало существовать через сострадание и посредством сострадания оно продолжает существовать в гармонии... Каждая сущность (вещь) говорит о сострадании и обещает сострадание. Благодаря этому, вселенную можно рассматривать как симфонию сострадания. Все виды голосов провозглашают сострадание, так что невозможно быть не осведомленным об этом и невозможно не чувствовать широкую милость, окружающую все вокруг. Как несчастны те души, которые не воспринимают это...

Человек является ответственным за то, чтобы оказывать сострадание ко всем живым существам... Чем больше он проявляет сострадания, тем становится возвышеннее, в то время как, чем больше грехов, тирании и жестокости он совершает, тем более бесчестным и униженным он оказывается, становясь позором человечества» [1].

Говоря о любви, Гюлен особо сосредотачивает свое внимание на одном из «прекрасных имен» Бога – *аль-Вадуд*, т. е. Возлюбленный (Любимый) [2]. Этим он указывает на то, что от мусульман ожидается, что они будут отображать это свойство Бога в своей жизни, став людьми любви. Тем более, что, по словам Гюлена, «во всей вселенной нет оружия более мощного, чем оружие любви» [3].

Любовь, развивает Гюлен свою мысль, – это самый существенный элемент в каждом существе, наиболее ослепительный свет и великая мощь, способная противостоять и преодолевать любую силу. Любовь возвышает каждую душу, воспринимающую любовь, и готовит ее к путешествию в вечность. Души, познавшие вечность посредством любви, стремятся прививать другим душам все то, что они получают от вечности. Они посвящают жизнь этой святой обязанности, ради которой до конца земной жизни терпят всякие трудности и невзгоды. Так же, как они произносят слово «любовь» на последнем издыхании, они дышат любовью, когда воскрешаются в Судный день.

В качестве основополагающих этических ценностей ислама Ф. Гюлен активно пропагандирует возникающие на основе любви, дополняющие ее и взаимосвязанные между собой такие высоконравственные качества, какими являются толерантность, сострадание, терпимость и прощение.

Толерантность – важнейшая этическая категория, признаваемая и проповедуемая Гюленом. Пророк, согласно Гюлену, определил истинного мусульманина как человека, не способного причинить зло другому ни словом, ни делом. Те, кто закрывают дорогу толерантности, убеждает он, есть животные, потерявшие человечность. Толерантность, наи-

более очевидно проявляющаяся в прощении и терпимости, излечит многие людские раны, но только тогда, когда этот божественный инструмент находится в руках тех, кто понимает ее язык. Быть толерантным, по мнению Гюлена, означает быть истинным мусульманином.

Толерантность, которую Гюлен понимает предельно широко, является для него основой истинного межрелигиозного диалога, установление которого, как он считает, требует сама природа религии. Так, согласно Гюлену, нельзя быть мусульманином, не уверовав в доисламских Пророков, будучи мусульманином, необходимо принимать всех Пророков и все Книги, данные разным народам на протяжении истории. В этой связи он указывает не только на традиционно пропагандируемую основу для межрелигиозного диалога – иудаизм, христианство и ислам – но и на необходимость вовлечения в него других религий мира.

Со времен Пророка многие мусульмане утверждают, что они верят в особый статус верующих в иудаизм и христианство наряду с последователями ислама, который, к тому же, нередко рассматривают в качестве кульминации его обоих, как они считают, незавершенных религиозных предшественников. Ф. Гюлен существенно расширяет данное воззрение, определяя религию метафорически в качестве «симфонии Божьего благословения и милости». Конечно, любую симфонию, продолжает он свою аналогию, характеризует *разнообразие* гармоничного единства совокупности музыкальных инструментов и нотных знаков. Музыкальная гармония не может означать людей, воспроизводящих одни и те же ноты, как и симфонию не может исполнить группа людей, играющих на одном и том же инструменте.

Приверженность сторонников ислама терпимости является основанием того, чтобы ислам в большей степени определяли в качестве мирной традиции, покровительствующей идеям толерантности, чем призывающей бороться со всяким, кто не подчиняется общепринятым формулам и догмам своей социальной общности. Гюлен не только

поддерживает идею обращения к верующим с добротой и к неверующим с бережностью, но и сам поступает соответствующим образом на протяжении всей своей жизни. В итоге, то главное, что совершает религия, по его мнению, — это возвышение души человека до огромных высот для того, чтобы он прожил свою жизнь в мире высших ценностей.

Независимо от того, как воплощают приверженцы той или иной веры свои верования в повседневной жизни, такие ценности, как любовь, уважение, терпимость, прощение, милость, права человека, мир, братство и свобода, являются ценностями, признанными и превозносимыми всеми религиями. Большинству из этих ценностей придается, согласно Гюлену, наибольшее значение в посланиях Моисея, Иисуса и Мухаммеда, а также в посланиях Будды и даже Заратустры, Лао Дзы, Конфуция и индуистских пророков.

В конечном счете, духовная практика и мораль, с точки зрения Гюлена, являются для всех религий более важной категорией, чем ритуал и догма. Это и есть та общая позиция, которая открывает дорогу для диалога с другими религиозными верованиями и традициями.

Данную позицию Ф. Гюлен, стремясь максимально доходчиво объяснить людям, каким образом человек может быть глубоко привержен своей религиозной традиции, оставаясь открытым для других религий, подкрепляет ссылкой на метафору известного поэта-суфия XIII века Мавлана Руми. Говоря словами Руми, отмечает он, такой человек подобен компасу: крепко опираясь одной ногой на веру в ислам, он перемещает другую ногу среди народов многих национальностей.

Этические принципы любви, толерантности, сострадания, терпимости и прощения Гюлен находит в Коране. Он отмечает, что Коран учит верующего не отвечать на бессмысленные и уродливые слова или поступки такими же словами, а проходить мимо них с достоинством, подобно тому, как это делал сам Пророк, проявляя терпимость

и прощение даже по отношению к своим заклятым врагам. Можно сказать, что благодаря, а не вопреки своей приверженности исламу Гюлен покровительствует проявлению терпимости по отношению к другим.

Считая любовь исконно мусульманской чертой и проявлением духовности, Ф. Гюлен безоговорочно и недвусмысленно осуждает терроризм. Посланник Бога проповедовал ислам, религию безграничного милосердия, отмечает он, тем не менее, некоторые «самонареченные гуманисты» утверждают, что ислам – «воинствующая религия». Это совершенно неправильно.

Логичным было открытое выступление Гюлена с осуждением терроризма после нападения 11 сентября 2001 г. на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. В своем письме в газету «Вашингтон пост» он подчеркивал, что любая террористическая деятельность, вне зависимости от того, кто и в каких целях ее осуществляет, наносит величайший вред делу мира, демократии, человечеству и всем религиозным ценностям. По этой причине, никто (и, безусловно, никто из мусульман) не может одобрять никаких актов террора. Террор стоит жизни невинным людям и не может быть орудием борьбы за достижение независимости или спасения.

Отвечая на вопросы газеты «Нью-Йорк таймс», он отметил, что «не стремится к установлению исламского режима, но действительно поддерживает усилия, направленные на обеспечение того, чтобы правительство рассматривало этнические и идеологические различия в качестве мозаики культур, а не причины для осуществления дискриминации» [4].

Не отрицая того, что есть люди и группы, стремящиеся использовать религию в своих эгоистических интересах, Гюлен утверждает, что ислам по своей природе не одобряет проявление терроризма ни в какой форме. В том числе терроризм не может быть использован для достижения какой бы то ни было цели, стоящей перед исламом. Ни один

террорист, убежден он, не может быть мусульманином, и ни один истинный мусульманин не может стать террористом.

Нельзя высказаться по поводу оценки террористических действий более однозначно и доходчиво. Но Гюлен продолжает свое объяснение: ислам не допускает нарушение прав человека, даже если оно якобы происходит в интересах общества, и что Пророк Мухаммед говорил, что мусульманином является тот, кто не может причинить зла ни рукой своей, ни языком. Гюлен, несомненно, понимает, что причиной террористических действий часто служит острое ощущение несправедливости. Однако он не считает это достаточной причиной, чтобы совершать действия насилия против невинных людей.

Излагая социально-этические основы исламской веры, Гюлен придерживается твердого мнения, что турки трактуют и применяют на практике данную концепцию таким образом, что она заслуживает названия турецкого ислама. Основу турецкого ислама, как он считает, составляют самые главные и неизменные принципы ислама, присутствующие прежде всего в Коране и суннах. По этой причине, имея в своей основе любовь, турецкий ислам всегда отличался большей широтой, глубиной и терпимостью [5].

Далее он говорит, что турецкое трактование ислама преобладает более чем в $\frac{3}{4}$ части исламского мира. «Это понимание, – пишет он, – мне очень дорого. Если хотите, то можете называть его турецким исламом. Поскольку я не вижу серьезных причин против этого, с точки зрения основ религии» [5, с. 52].

Ссылаясь в качестве примера на турецкий ислам периода сельджуков и османов и их практики религиозного многообразия, он подчеркивает: «У мусульманского мира есть большой опыт обращения с евреями, и практически никогда они не подвергались дискриминации, не было случаев их истребления или отказа в основных правах человека, как не было и случаев геноцида. Наоборот, во времена бедствий

евреев к ним всегда проявлялось радушие, как это произошло тогда, когда Османская империя великодушно приняла их после изгнания из Андалузии» [5, с. 243].

Рассуждая по поводу соотношения религиозного и светского, Ф. Гюлен утверждает, что ислам и светский характер государства могут быть вполне совместимы. Согласно его взглядам, неверно понимание секуляризма как немусульманского образа жизни. Отделение святого от нерелигиозного и внедрение подобного разделения как проекта в социальную жизнь неперспективно. Одновременно недопустимо исключение святого из жизни общества. Он подчеркивает, что такого рода понимание секуляризма существовало еще в эпоху сельджуков и османов.

Гюлен считает неприемлемым проявление снисхождения к насильникам и угнетателям, по крайней мере, до тех пор, пока они не откажутся от своих насильственных действий, а право на личную свободу признает только за теми, кто не ущемляет свободу других. Он также не признает никаких аргументов в оправдание голода и социальных бедствий в различных регионах планеты и отдельных общественных слоях, считая, что мировое сообщество должно взять на себя задачу по снабжению бедствующих, хотя бы самым необходимым для жизни.

Близки к общепринятым в современном обществе взгляды Гюлена на социальное положение и права женщин; в вопросе о религиозном фундаментализме и догматизме; по многим другим актуальным проблемам – все это отражено в его книгах и интервью.

Показательно, что свой религиозный гуманизм Гюлен интерпретирует в контексте демократических ценностей, отрицая деспотию и насилие в качестве важнейшего метода решения проблем. Личный, национальный и социальный эгоизм он оценивает как образ поведения, недостойный современного человека. Существенно, что и в вопросе вероисповедания Гюлен является демократом и космополитом: он считает некорректным термин «исламский мир», пола-

гая, что это исторический рудимент, а признает только личное мусульманство как сознательный мировоззренческий выбор.

При этом турецкий мыслитель не идеализирует ни одну из существующих государственных систем, признавая, что социальные и политические конфликты неизбежны. Но демократия, несмотря на свои недостатки, ныне является единственной жизненной политической системой, и людям необходимо стремиться к модернизации и консолидации демократических институтов в целях построения общества, в котором индивидуальные права и свободы пользуются уважением и защитой и где предоставление равных возможностей всем и каждому есть нечто большее, чем просто мечта. Демократию в ее современной форме он воспринимает ни как достижение идеала, а как метод и процесс, «который находится в состоянии постоянного развития и совершенствования» [5, с. 150].

Гюлен убежден сам и убеждает других в том, что демократия с течением времени развивается. Поскольку она уже прошла через многие этапы, в направлении самосовершенствования демократия будет продолжать движение в будущем. На этом пути она будет принимать форму более гуманной и справедливой системы, основанной на правоте и реальности. Но она сможет достичь вершины совершенства и дать человеку больше счастья только в том случае, если будет рассматривать человека как единое целое, не умаляя важности духовного измерения его существования, не забывая о том, что жизнь человека не ограничивается пределом земной жизни. Этические принципы ислама, касающиеся равенства, терпимости и справедливости, могут помочь ей достичь этого совершенства.

Ислам для Ф. Гюлена не является политическим проектом, который следует осуществить. Для него ислам – это совокупность взглядов и практик, служащих цели создания справедливого и этического общества. Он прямо говорит, что ислам не предлагает какую-либо неизменяемую форму

правительства или попытку придания ему такой формы. Вместо этого ислам устанавливает основополагающие принципы, дающие ориентацию общему характеру правительства и оставляющие людям выбор вида и формы правительства соотносительно со временем и обстоятельствами.

Поскольку Гюлен критикует «инструментализацию» религии в политических целях, он отрицает мнения, взгляды, риторику, практическую деятельность «политического ислама» в Турции. Поощряя, с одной стороны, участие всех граждан в выборах, с другой – он не высказывает своих предпочтений, не называет конкретных кандидатов или партий. Он дает только основные направления для оценки кандидатов, такие как честность, истинная демократичность, профессиональная пригодность и т. д. В конечном счете, если каждый избиратель начнет руководствоваться этими критериями, считает он, то все избранные кандидаты станут соответствовать пропагандируемым им идеалам, в том числе вне зависимости от членства в конкретной партии. Показательно в этой связи, что сам Ф. Гюлен принципиально не ассоциирует себя ни с одной из политических сил.

Завершив изложение основных, на наш взгляд, социально-этических идей Ф. Гюлена, постараемся дать ответ на вопрос: чем они привлекают людей?

Прежде всего, как нам представляется, они привлекают выдвижением на первый план идей любви и гуманизма, которые, по мнению Гюлена, выражаются в гармоничном характере взаимоотношений, во-первых, между людьми; во-вторых – между человеком и природой.

Далее. Это активная пропаганда таких важнейших в человеческой жизни этических ценностей, как толерантность, сострадание, терпимость и прощение, которые Гюлен считает духовной основой истинного ислама.

А в связи с признанием главенствующей роли в жизни мусульманина именно этих ценностей – категорическое и бескомпромиссное отношение Гюлена к терроризму, которое турецкий мыслитель выразил краткой, но емкой фор-

мулой: «Истинный мусульманин не может быть террористом, а террорист – мусульманином».

Это также уважительное отношение к духовно-нравственным основаниям различных религий, призыв к равноправному диалогу между ними, межрелигиозному и межнациональному согласию.

Импонирует также его стремление гармонизировать отношение религиозности и светскости, признание демократических ценностей, дополняемое стремлением совершенствовать демократическую форму правления, используя в этих целях этические основы ислама и других религий.

Литература

1. *Gulen, F. Towards the Lost Paradise / F. Gulen.* – London: Trustar, 1996. – P. 40–2; *Gulen, F. Fatiha Uzerine Mulahazalar / F. Gulen.* – Izmir: Nil Yayinlari, 1997. – P. 90–95.
2. *Gulen, F. Kalbin Zumrut Tepeleri / F. Gulen.* – Izmir: Nil Yayinlari, 1994. – P. 215.
3. *Said Nursi. Divan-i Harbi Orfi // Risale-I Nur Kulliyati, 1930; Gulen, F. Hosgoru ve Diyalog Iklimi / F. Gulen.* – Izmir: Merkur Yayinlari, 1998. – P. 59.
4. *Gulen, F. Forgiveness / F. Gulen // The Fountain.* – April–June 2000. – N 3. – P. 4–5.
5. *Унал, А., Уилльямс, А. Адвокат диалога: Фетхуллах Гюлен // The Fountain.* – 2000. – N 2. – P. 43.

И. С. Ровдо, Л. В. Олейник

**ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ –
ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ИДЕИ
УЧЕНИЯ Ф. ГЮЛЕНА**

Белорусский государственный университет, Минск

Имя Ф. Гюлена – выдающегося турецкого ученого-богослова, одного из наиболее авторитетных духовных лидеров в современном исламском мире, автора более шестидесяти книг об исламе, сегодня известно далеко за пределами Турции. Идеи, мысли и жизненные принципы Ф. Гюлена находят искренний отзыв у людей, принадлежащих к разным конфессиям, воспитанных в разных культурах и социальных условиях. По некоторым данным, в движении Гюлена, признанного в 2008 году американским журналом «Форин Полиси» и британским «Перспектив» ведущим интеллектуалом мира, задействованы около пяти миллионов человек.

Сегодня есть все основания говорить о феномене Ф. Гюлена, уникального мыслителя и аналитика, предлагающего современному обществу не только теоретические, но и практические решения по возрождению духовности, нравственности, по укреплению мира во всем мире. О феномене разносторонне одаренной творческой личности, концептуально и гармонично отражающей свое восприятие жизни не только в научных трудах и публицистических выступлениях, но и в художественных произведениях. И, безусловно, о феномене талантливого пропагандиста, способного доступно и выразительно доносить свои мысли широким массам, зажигать идеями, вдохновлять.

Во введении к книге «Диалог и толерантность» М. Энес Эргене отметил: «В сущности, модель Гюлена совпадает

с такими основополагающими ценностями человечества, как индивид, терпимость и согласие, является сущностью синтеза, созданного турецкой культурой и исламом. На обширной географической территории турки-мусульмане веками практикуют терпимость и согласие, которые являются квинтэссенцией современной демократии, т. е. ислам был растолкован и воспринят на этой территории как олицетворение терпимости в течение уже тысячи лет. Эта терпимость была инициирована турецкими суфиями-мусульманами и была привита национальным корням, это влияние прослеживается от Ахмеда Яссави до Джалаледдина Руми, а затем от Юнуса Эмре до Хаджи Бекташа Вели и имеет глубокую историю. В современных условиях жизни Фетхуллах Гюлен возрождает основанное на терпимости именно это толкование и понимание турецкого мусульманского суфизма, но при этом выдвигая на первый план более широкое, более активное и более социально-ориентированное видение. Руми, Юнус и Хаджи Бекташ Вели звали людей в обители дервишей, дабы они раскрыли свой внутренний мир, в то время как этикет обителей дервишей и их социальное окружение подчеркивали терпимость и диалог. Гюлен раскрывает эту систему взглядов и видение, трансформируя и расширяя его для всех обществ мира. Другими словами, его миссия включает в себя преобразующую функцию; она распространяется настолько, что он унифицирует эту миссию и движение с целью существования человечества в этом мире».

Но если доктрина Ф. Гюлена основана на толковании турецкого мусульманского суфизма, т. е. на пропаганде общеизвестных идей, почему именно в его интерпретации эти тезисы находят столько сторонников и последователей? Каким образом ученый инициирует философско-культурный диалог, увлекающий широкие массы современников? Почему голоса многочисленных представителей науки и культуры – писателей, ученых, политиков – тонут среди всеобщего многоголосья, а голос Гюлена слышен отчетливо, его слышат и слушают?

Знакомясь с работами турецкого мыслителя, нельзя не заметить, что *любовь* – одно из ключевых слов в его произведениях, а тезис «все начинается с любви» является основополагающим фактически во всех его работах. Об этом свидетельствует не только непосредственно содержание работ, но даже их структура. Так, например, не вызывает сомнений факт, что первый раздел в книге «Диалог и толерантность» не случайно получил название «Любовь и милосердие». Общение с аудиторией автор начинает именно с размышлений о многовекторности любви и ее созидательной силе: «Любовь – неотъемлемая часть любого существа, появляющегося в этом мире, это ярчайший свет и величайшая сила, которую ничто не может победить и которая может преодолеть все на своем пути. Любовь возвышает душу, впитавшую ее, и готовит эту душу к путешествию в вечность. Души, которые смогли прикоснуться к вечности посредством любви, прилагают все усилия к тому, чтобы вдохнуть в другие души то, что они вынесли из этой вечности. <...> Души без любви не могут быть возвышены до уровня человеческого совершенства. Даже если они проживут сотни лет, то и тогда они не смогут заметно продвигаться по пути, который ведет к совершенству. Те, кто лишен любви, запутались в сетях эгоизма, будучи не способными любить кого-то другого, и умирают, не ведая о любви, которая заложена глубоко в самой сущности бытия».

Его понимание любви носит глобальный и всеобъемлющий характер. «Светлое и счастливое будущее построят только герои, олицетворяющие собой любовь», – утверждает мыслитель в статье «Федаины любви и идеальной души». Лишь путь, освещенный любовью, способен привести личность и общество в целом к совершенству, идеалу. Этот путь пунктирно обозначен в книге Гюлена «Критерии, или Огни в пути», в сентенциях и афоризмах, которые поражают лаконичной точностью и глубокой содержательностью: «Любовь, которая заставляет человека забыть о самом себе и обретает новое бытие в Том, кого он любит, – это то самое

состояние, когда сердце без всякого умысла и каких-либо ожиданий полностью покоряется своему Возлюбленному и растворяется в его воле, и я думаю, что это и есть сама суть человека». Именно из любви, как подчеркивает автор, эволюционируют такие чувства и качества человека, как альтруизм, милосердие и великодушие. Именно любовь возвышает человека. И именно в атмосфере любви должен с самого рождения воспитываться ребенок. Это условие – залог гармоничной личности, залог нравственности и духовности человека в зрелости, а также – гарант развития и успеха всего общества: «Если родители смогут окружить своего ребенка настоящей заботой и развить в нем такой ум и такое сердце, благодаря которым он сможет быть полезен как себе, так и обществу, то это будет означать, что они создали для нации еще одну прочную и здоровую опору. Но если они оставят без внимания его духовное воспитание, то это будет означать, что они спустили на общество еще одного зверя».

Эта же мысль целенаправленно воплощается Гюленом и в поэтических строках, поскольку язык поэзии эмоционален и максимально выразителен. Попадая в художественный контекст, слово включается в сложную образную систему произведения и неизменно выполняет эстетическую функцию:

Могучая чинара – наш народ!
Ребенок – лишь росток на этом древе!
Зато пройдет определенный срок,
Ему страна судьбу свою доверит!
Как ты все силы должен приложить,
Чтобы извлечь из почвы клад бесценный,
Так и ребенка надо окружить
Вниманьем и любовью беззаветной!

(Ребенок // Новые грани. – 2011. – № 27)

Совершенно закономерно, что наряду со словом **любовь** в работах ученого-богослова ключевым является также слово **вера**. Зачастую эти понятия почти отождествляются, выступают в органичном единстве: «Герои истинной веры

всегда стараются подготовить благоприятную почву для произрастания добра, начиная с человеческих сердец. Руководствуясь воззрением Рабии аль-Адавии, принимают всех и вся за мед и щербет, даже если они не таковые. Встречают улыбкой пришедших с ненавистью, вооружившись самым непобедимым оружием – оружием любви». Известно, что вера служит основанием для нравственности. Только тогда у человека будет твердая уверенность в незыблемости нравственного закона и необходимости его исполнения, если в основе этого закона будет вера. Вера поддерживает человека в духовной жизни, дает ему силу в достижении цели, стимулирует желание творить, созидать. В сегодняшнем неустойчивом мире, сотрясаемом войнами, терактами, политическими распрями, техногенными катастрофами и природными катаклизмами, человек, возможно, как никогда ранее нуждается в моральной опоре, духовной поддержке. И эту поддержку, как многократно подчеркивает Ф. Гюлен в своих работах, дает вера – истинная вера спасает, обновляет жизнь человека, вселяет в его душу надежду: «...Самой крепкой основой всех человеческих отношений, самым чистым источником всех наслаждений, что дано испытать человеку, <...> являются именно вера и надежда. Каждый человек сердца и души, который обладает верой и надеждой, в состоянии почувствовать всю глубину жизни, которая неподвластна времени». Здесь, безусловно, нужно отметить, что все сказанное – этический аспект веры в Бога. Есть еще интеллектуальный аспект, суть которого также изложена в работах Гюлена. Ученый не является приверженцем слепой фанатичной веры, его тезисы основаны на знании. И к знанию, научно обоснованному подходу он призывает свою аудиторию. Стоит подчеркнуть, что в этом – существенное отличие позиции Гюлена от позиции многочисленных прочих религиозных деятелей. Ведь не секрет, что наука и религия на протяжении долгого времени находились в противостоянии, да и сегодня не все противоречия между ними преодолены. В работах Ф. Гюлена религи-

озная вера не идет вразрез с научным знанием. Наука изучает мир, религия познает Бога. Гармония достижима лишь при условии взаимоприемлемости, толерантности. Гюлен является активным пропагандистом знания, образования, культуры. В книге «Критерии, или Огни в пути» мыслитель справедливо утверждает: «Держаться подальше от точных наук из страха, что они могут исказить веру – это признак младенчества, незрелости разума. А считать, что наука никак не связана с верой, что она неизбежно ведет к безверию – признак невежества и предубежденности».

В этой же книге отражены убеждения Гюлена относительно роли культуры и искусства в жизни человека. В сущности, ученый возрождает восходящий к рационализму и просветительству культ разума как основы познания людей и развития общества, как критерия истинности представлений о мире. Сентенции, изложенные кратко, доходчиво и убедительно, не вызывают сомнений в их справедливости: «В жизни каждой нации культура занимает одно из важнейших мест. Культура, составляющая неотъемлемую часть прошлого нации и прочно связанная с ее корнями, всегда будет оставаться проводником этой нации и будет продолжать освещать ей путь к новым высотам. И никакая нация не сможет выжить в зигзагах ежедневно меняющихся воззрений и ценностей».

Нельзя не отметить, что Ф. Гюлен мыслит прогрессивно, явно отвергая чрезмерный пассеизм и закоренелую консервативность мышления. Ученый очень последователен в изложении своих убеждений, фактически все его тезисы находятся во взаимосвязи и взаимодействии, логически вытекают один из другого. Так, например, рассуждая о миссии верующего человека, Гюлен образно подчеркивает, что ее первоочередными задачами и функциями являются дальнейшее самообразование и просвещение: «Безупречно верующий не останавливается в своем личном росте и развитии, он открывает объятия всем окружающим с пророческой решимостью и живет как сахаб, забывая о своей жизни,

посвящая ее мирскому и вечному счастью других. Он, как свеча с заложенной в душе ее жаждой освещать, сгорает, одаряя божественным светом все вокруг с целью не оставить ни одной крошечной тьмы и ни одного зла, скрывающегося за ней, горит ясным пламенем и, несмотря ни на то, что время от времени сердце сжимается от боли, ни на то, что спина прогибается под тяжестью ноши, продолжает исполнять свой долг. Ничто – ни угроза погаснуть, ни страх сгореть дотла – не помешает ему освещать других».

В неразрывном единстве с понятиями любви и веры в статьях и художественных произведениях Гюлена выступает понятие *надежды*. Трехединный концепт «вера, надежда, любовь», несомненно, воплощает в себе главные категории мировоззрения турецкого ученого-богослова, представляет собой квинтэссенцию его нравственного мира. «Надежда и любовь – это крылья ищущих душ, и они всегда бывают за спиной своих хозяев». И это утверждение вряд ли кто-то оспорит. Вера, надежда и любовь – это универсальные человеческие ценности и основные человеческие добродетели. Апеллируя к этим понятиям, мыслитель, по существу, апеллирует к человечеству.

Ведущие ученые из славянских стран неоднократно и совершенно правомерно подчеркивали важность и значимость трудов Гюлена. Так, например, белорусский ученый – доктор филологических наук, профессор А. Мальдис отметил: «Что импонирует в учении известного турецкого мыслителя Фетхуллага Гюлена, которое для меня открылось совершенно недавно, так это толерантность к инакомыслию, понимание, что все люди имеют одинаковое право жить на земле. Ведь та же терпимость к отличным от твоих взглядам была характерна и для наших предков, «русинов», составлявших ядро Великого Княжества Литовского, – для Франциска Скорины, уважавшего все христианские конфессии, или для Сымона Будного, переписывавшегося с западноевропейскими унитаристами. Мне кажется, что знакомство белорусов с мудрым учением Фетхуллага Гюлена

послужит нашему взаимопониманию, предотвращению глобального и региональных моральных коллапсов». Российский ученый, доктор исторических наук, профессор В. Шеремет подчеркнул: «Труд Гюлена вполне убедителен для правоверных мусульман, знающих, что произвольное толкование Святой Книги несет вред не только отдельным людям, но и всему обществу. <...> Немусульманский читатель найдет для себя массу позитивных положений, открывающих истинные, не искаженные политиканством ценности ислама».

Действительно, Гюлен воспринимает всех людей как слуг Бога независимо от их этнической или религиозной принадлежности. Пользуясь образной речью, но говоря доступным языком, достоверно аргументируя излагаемые тезисы, обращаясь к непреходящим ценностям, Гюлен достигает взаимопонимания с колоссальными аудиториями слушателей и читателей по всему миру.

Философия Ф. Гюлена концептуальна. Нравственные принципы, духовные ценности и образ жизни человека он рассматривает системно и целостно, при этом обоснованно доказывая, что мысли и поступки человека – неразделимы: «Кто взялся исправить мир, прежде всего должен исправить себя. Абсолютно ясно, что эти люди должны очиститься от злобы, ненависти и зависти; а также внешне должны украсить себя всякого рода добродетелями, дабы стать примером для окружающих. Те, кто не смог установить контроль над собой, не сумел противостоять своему нафсу и совладать со своими эмоциями, какие бы прогрессивные мысли и яркие идеи не высказывали, это не воодушевит окружающих, ну а если даже в какой-то степени и воодушевит, то данное воздействие не будет долгосрочным». Жизнь турецкого мыслителя, как известно, является подтверждением принципов его учений. С моральной точки зрения Ф. Гюлен являет собой пример лидера, достойного подражания. Его отличают аристократия духа, глубокий интеллект, безупречная нравственность, явное отсутствие

личных амбиций. Ф. Гюлен ведет аскетический образ жизни, целиком посвящая себя служению человечеству. По большому счету, его жизнь – образец стойкости, мужества и подлинной любви к людям. А его миссия, совершенно очевидно, определена однозначно – быть защитником народа и если не «указующим перстом», то образцом того, каким может и должен быть человек.

Е. А. Данилова

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕННОСТЯХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. ГЮЛЕНА

*Белорусский государственный экономический университет,
Минск*

Начало XXI века было ознаменовано движением в сторону кардинальной смены традиционной и усвоенной человечеством новой картины мира. В какой-то степени это ответ на многочисленные кризисы, с которыми столкнулось человечество во второй половине XX – начале XXI века. Выясняется, что фактически нет такой области человеческой деятельности, которая бы функционировала вне влияния культуры. Именно культурологический подход акцентирует внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформация которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества. Эти ценности проявляются во всех сферах культуры (науке, философии, религии, морали, искусстве, политическом и правовом сознании и др.). Несмотря на относительную автономию этих сфер, они когерентны между собой. Поэтому изменение базовых ценностей в одной сфере неизбежно отрезонирует в других. «Поиск новых стратегий цивилизационного развития, – пишет академик В. С. Степин, – предполагает выяснение того, как происходит изменение базовых ценностей культуры, как влияют на этот процесс встреча и взаимодействие различных культур в современную эпоху глобализации» [1, с. 17]. Культуры основных цивилизаций, долгое время копившие в себе трансформационный потенциал, вдруг, как по мановению волшебной палочки, пришли в движение. Очень точно заметил современный ту-

рецкий гуманист Ф. Гюлен: «Культура – это один из важнейших источников, к которому постоянно обращается нация, следуя собственному пути развития. Гармония в жизни нации и верное направление, которое она себе избрала, всегда были прочно связаны с прозрачными источниками ее культуры» [2, с. 17]. Мир заговорил другим языком, народы, некогда терпевшие тиранию и несправедливость, захотели быть услышанными и понятыми. Они в полный голос заговорили о необходимости диалога цивилизаций, более справедливого и гуманного будущего.

Вулкан, молчавший столетия, проснулся в ответ на глобальные вызовы времени. Нестабильность нового века, вечное стремление человечества к свободе и демократии были столь велики, а повседневность столь печальна и невыносима, что диалог цивилизаций стал неизбежен. «Мы живем в поздний час истории, когда человечество стоит перед дилеммой: либо оно откроет дверь в качественно иное будущее – либо будущего у него не будет вовсе», – писал русский мыслитель А. С. Панарин [3, с. 6]. Ф. Гюлен как представитель исламской культуры отмечает: «Человек подошел к развилке двух дорог: одна – ведет к отчаянию, другая – к спасению. Дай нам Бог мудрости сделать правильный выбор!» [2, с. 46].

Однако несмотря на то что глобальность современной культуры стала заметной чертой современной цивилизации, мир продолжает оставаться конгломератом национальных культур. Национальная идентификация, воплощающаяся в культуре, языке и идеологии, очень сильна, особенно если ее рассматривать через призму исторической памяти. «Культурой называется комплекс оснополагающих ценностей, возникших на базе языковых, нравственных, эстетических и др. Формируясь на протяжении многих поколений, они стали в будущем прообразом жизни этого общества и тем фундаментом, каждая деталь которого представляет собой особую ценность. Игнорировать эти основы – означает проявлять слепоту, а покушаться на них и стараться от-

далить от них само общество – переломить ему хребет и ввергнуть в пучину анархии», – замечает Ф. Гюлен [2, с. 46]. В системе нравственных ценностей главенствующую позицию, по мнению турецкого мыслителя, занимает понятие «толерантность», в которое вкладываются такие смыслы, как уважение, милосердие, великодушие и терпимость [4, с. 68].

В каждую историческую эпоху существует и функционирует вполне определенная система ценностей, обусловленная спецификой социально-экономических, политических и социокультурных условий своего времени. Основанием такой системы является вполне определенный ценностный стандарт, состоящий из базовых ценностей, характерных для данной эпохи, в соответствии с которым создавались и изменялись важнейшие социальные институты. Как только такие институты возникали, они получали собственную движущую силу и активно влияли на все происходящее в обществе. Представляется вполне приемлемой идея зависимости культуры в целом от пути развития страны и тот факт, что для каждой нации характерны свои ценности и институты, берущие начало в различных исторических условиях и социально-экономических ситуациях. Хотя сегодня в мировой повестке дня по-прежнему остро стоит вопрос: будет ли преобладать культурная унификация или все же победит культурное разнообразие?

Изучение данной проблематики с точки зрения аксиологического подхода привлекает пристальное внимание многих ученых, поскольку именно ценности детерминируют понимание и интерпретацию человеком как самого себя и своих поступков, так и окружающего мира. Анализ понятия «ценность» всегда являлся объектом интереса многих мыслителей, начиная с Сократа, сформулировавшего вопрос: «Что есть благо?». Платон в своей философской системе отождествлял благо бытию, добру и красоте. Именно идея блага, по его мнению, обуславливает познаваемость и существование предметов, являясь вместе с тем условием

ценности – того, к чему стремится человек [5, с. 6]. Согласно иерархии благ Платона, высшие, идеальные блага находятся на вершине иерархии и являются главной целью, а низшие (материальные) – ступенью и средством достижения вершины.

Разделение сферы сущего (реальность) от сферы должного (ценность), произведенное немецким ученым И. Кантом, сыграло важную роль в возникновении и развитии учения о ценностях. И. Кант писал, что «все предметы склонности имеют лишь обусловленную ценность, т. к. если бы не было склонностей и основанных на них потребностей, то и предмет их не имел бы никакой ценности» [6, с. 269].

Французский социолог и философ Э. Дюркгейм, рассматривая ценностные и «реальные» суждения, считал, что ценностям присущи объективные и субъективные компоненты, органически слитые воедино. С одной стороны, всякая ценность предполагает оценку, осуществляемую субъектом в тесной связи с определенным состоянием чувств, а с другой – ценностям присуща та же объективность, что и вещам [7, с. 287]. Социальные нормы, ценности по отношению к отдельным людям существуют объективно, т. к. каждый человек взаимодействует с уже сложившимися определенными политическими, правовыми, моральными и другими социальными нормами и ценностями, которые он должен усвоить и реализовать на практике. По мнению Э. Дюркгейма, человек является социальным субъектом, развитие и деятельность которого проходят под определенным воздействием на него социальных норм и ценностей. Особый интерес представляют идеи Э. Дюркгейма о творческих или новаторских периодах, когда под влиянием разнообразных обстоятельств люди приходят к более тесному сближению, когда собрания становятся более частыми, отношения – более длительными, обмен идеями – более активным. Именно в эти моменты, когда идеальное стремится слиться в одно целое с реальным, создавались великие идеалы, на которых базируются цивилизации [7, с. 298–299].

Г. Риккерт как представитель Баденской школы неокантианства полагал, что «о ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат или не имеют значимости» [8, с. 70]. Г. Риккерт рассматривал понятия «природы» и «культуры», разделяя их. Природу он определял как совокупность того, что возникло само по себе, а культуру – как то, что создано человеком в соответствии с его целями и ценностями. Во всех явлениях культуры всегда можно найти воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассмотрено вне всякого отношения к ценностям, а если оно и на самом деле есть не что иное, как природа, то и должно быть рассмотрено таким образом. В объектах культуры, следовательно, заложены ценности – блага или ценные части действительности (в отличие от самих ценностей как таковых, не представляющих собой действительности) [8, с. 70]. Кроме того, если от объекта культуры отнять ценностный элемент, то он станет частью природы.

Немецкий ученый, основатель понимающей социологии М. Вебер воспринял у неокантианцев представление о ценности как норме, способом бытия которой является значимость для субъекта. Поведение становится действием тогда, когда надлено смыслом, а если наделение действия смыслом соотносено с поведением других людей, то такое действие называется социальным. В концепции социального действия ценностная мотивация поступков рассматривается М. Вебером в качестве одного из четырех основных мотивов социального действия. Социальное действие является «ценностно-рациональным, если оно основано на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодавлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [9, с. 628]. Он утверждал, что ценностно-рационально дей-

стует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предназначениях, благочестии или важности предмета любого рода. Такое действие всегда подчинено заповедям или требованиям, в повиновении которым видит свой долг данный индивид [9, с. 629].

Т. Парсонс в своем учении о системах современных обществ подчеркивал, что одной из четырех функциональных потребностей любого общества, наряду с функциями адаптации, интеграции и достижения целей, является воспроизводство образца. Эта функция определяется, «во-первых, как поддержание основного образца институционализированных в обществе ценностей, и, во-вторых, как оформление и поддержание надлежащих мотивационных обязательств индивидов перед обществом» [10, с. 132]. Сущность данной функции заключается в том, что социализация индивида происходит как процесс, посредством которого ценности общества становятся внутренними ценностями личности. При этом ценности Т. Парсонс рассматривал в качестве главного связующего элемента социальной и культурных систем, как высшего принципа, на основе которого достигается консенсус, как в малых группах, так и в обществе в целом. Он считал, что «элемент общепринятой символической системы в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив ориентации может быть назван ценностью» [11, с. 455]. Следовательно, в социологической теории социальных систем и социального действия понятие ценности взаимосвязано с понятием ценностной ориентации. В этом смысле понятие ценностной ориентации является логическим средством для формулировки одного из центральных аспектов выражения культурной традиции в системе действия [11, с. 456]. Помимо социального значения, ценностные стандарты могут быть определены с точки зрения их функциональных связей с действием индивида, тогда ценностная ориентация делится на три вида: когнитивные, оценочные и моральные

стандарты ценностной ориентации. Из общего характера систем действия следует, что моральные стандарты несут большое социальное содержание, которое не сводится целиком к социальному, хотя без социального аспекта невозможно представить себе конкретную систему действия, интегрированную во всех отношениях. В частности, с точки зрения любого действующего лица определение типов взаимных прав и обязанностей, а также стандартов, определяющих его взаимодействие с другими, является решающим аспектом общей ориентации этого действующего лица в ситуации. Благодаря этому специфическому отношению к социальной системе моральные стандарты становятся таким аспектом ценностной ориентации, который с точки зрения социологии приобретает величайшую важность [11, с. 457].

М. Шелер рассматривал ценности как объективные качественные феномены, предписывающие человеку нормы должностования и оценок, при этом ценность всегда дана в эмоциональном созерцании, ее невозможно вывести путем абстрагирования из общих свойств предметов и явлений и выразить в формах логического мышления. Таким образом, М. Шелер считал, что всякий подлинный человеческий акт изначально двойственен по своей природе: он одновременно духовен и инстинктивен, и может быть направлен либо на духовное содержание, либо на область реального содержания [12, с. 242]. В своих работах М. Шелер писал о том, что все человеческие ценности можно представить в виде двух наслаивающихся друг на друга порядков, один из которых выстраивает ценностную иерархию по критерию моральности, имеющей объективный характер: ценности ощущений; витальные ценности; духовные и религиозные ценности (порядок представлен от более низких к более высоким). Другой порядок, по М. Шелеру, отражает отношение между «высотой» ценности и ее «сущностным» носителем. Он состоит из восьми групп ценностей, иерархия которых представлена следующим образом (по нисходящей): личностные и предметные ценности; собственные

и чужие ценности, обладающие одинаковым статусом; ценности актов, функций, реакций; ценности убеждения, действия, успеха; ценности интеграции и ценности состояния; ценности оснований, форм, отношений; индивидуальные и коллективные ценности; самостоятельные и производные ценности [13, с. 125–126].

Основные теоретические концепции П. А. Сорокина были направлены на объяснение изменений в мире, среди которых центральное место занимает теория социокультурной динамики. Анализируя общественную реальность в историческом срезе, П. А. Сорокин характеризовал ее как иерархию различных социальных и культурных систем, начиная с мелких и кончая самыми крупными и объемными – суперсистемами. Последние существуют на протяжении столетий, охватывают все виды социальных взаимодействий, все формы материальной и духовной жизни людей, включая науку, искусство, религию, язык и т. д. В каждую историческую эпоху, согласно трактовке П. А. Сорокина, доминирует и господствует одна из культурных суперсистем, в структуре которой можно обнаружить как остатки ее «предшественницы», так и ростки ее «наследницы». В процессе анализа суперсистем П. А. Сорокин особое внимание уделяет характеристике культурных суперсистем, где главную роль играют ценности. Их классификация представлена четырьмя группами. Первая включает ценности, возникающие в результате познавательной деятельности (основная среди них – истина). Вторая охватывает ценности эстетического удовлетворения (центральная – красота). Третья касается ценностей социальной адаптации и морали (доминанта – добро). Четвертая группа предполагает наличие ценностей, объединяющих все в единое целое (польза) [14, с. 386–387]. Категория «культурная суперсистема», таким образом, является исходной для типологизации культурного развития. Каждая суперсистема ценностей – это специальный вид исторической целостности, интегрированной в некий духовный идеологический стиль. Стиль

структурно определяется ответом на 4 вопроса: каковы пре-валирующие представления о природе бытия, каковы основные потребности человека, степень их реализации и методы их удовлетворения [15, с. 46]. В зависимости от способа получения ответов на эти вопросы вычленяются два основных стиля, два типа культуры: идеациональная и чувственная. Существуют и смешанные типы культур, среди них П. А. Сорокин особенно выделял идеалистический тип. По мнению ученого, сейчас западное общество и культура находятся в состоянии распада чувственной суперсистемы. «Борьба между силами когда-то бывшего творческим, но теперь уже почти истощившегося чувственного порядка и только еще зарождающимися творческими силами нового – идеационального или идеалистического порядка – непрерывно происходит во всех сферах общественной и культурной жизни. Окончательный исход этой борьбы во многом будет зависеть от того, сумеет ли человечество предотвратить новую мировую войну. Если силы умирающего чувственного порядка развяжут эту войну, то вся еще остающаяся у них энергия пойдет на то, чтобы положить конец или хотя бы сильно затормозить творческий прогресс человечества. Если эту апокалиптическую катастрофу удастся избежать, зародившиеся творческие силы приведут человечество в новую, величественную эру его истории. Какая из этих альтернатив осуществится – зависит от каждого из нас» [15, с. 813].

Сравнением культур посредством определения их ключевых ценностей занимался К. Клухон. Он утверждал, что люди, объединенные биологическими признаками и особенностями, которые образуют основу развития культуры, обычно считают, что их собственные культурные традиции и поступки являются естественными, в отличие от культурных традиций и поступков других людей. К. Клухон определял ценность как влияющее на выбор из имеющихся вариантов представление о предпочтительных способах, целях и задачах действия, отличающее индивида или ха-

рактизирующее группу людей [16, с. 395]. Данное определение раскрывает природу ценностей, актуализируя внимание одновременно на их рациональном (когнитивном), эмоциональном (аффективном) и волюнтативном (связанном с «выбором») характере. При этом К. Клуххоном особо подчеркивал функциональную роль ценностей, считая, что без них жизнь общества была бы невозможна; функционирование социальной системы не могло бы сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не могли бы получить от других то, что им нужно в плане личных и эмоциональных отношений; они бы также не чувствовали в себе необходимую меру порядка и общности целей [16, с. 398].

Рассмотрев концепции исследования ценностей, можно выделить три основных подхода к интерпретации данного понятия. Согласно первому подходу ценности понимаются как субъективная значимость объекта для человека, социальной группы, общества в целом. Второй подход настаивает на независимом существовании ценностей, которые являются благами сами по себе. Третий подход основан на понимании ценностей как идеальных объектов, выступающих основой для формирования первостепенных целей в разнообразных сферах человеческой деятельности. Анализ существующих подходов к изучению ценностей позволяет концептуализировать понятие базовых ценностей и рассматривать их в качестве первостепенных приоритетов индивида, выступающих в качестве важнейших целей жизни и основных средств их достижения, являющихся глубинными мотивами и регуляторами социального поведения и обуславливающих характер взаимоотношений индивида и окружающей его реальности.

Среди современных мыслителей интересны результаты исследований академика В. С. Степина [1]. Особенно его представление о надбиологических программах человеческой деятельности, когда наряду с биологическим (генетическим) кодом, который закрепляет и передает от поколе-

ния к поколению биологические программы, он выделяет и социальный код, посредством которого через культуру передается социальный опыт.

Идеи мусульманского мыслителя Ф. Гюлена вдохновляют уже не одно поколение турков на создание нового мира [4]. Но говорить сегодня о большом успехе еще преждевременно. Тем более, как гласит русская мудрость, трудно быть пророком в собственном отечестве. Однако, дорогу осилит идущий...

Ф. Гюлена иногда сравнивают с самыми выдающимися мыслителями прошлого, среди которых, например Б. Джилл Кэрролл, автор монографии «Диалог цивилизаций: исламское учение и гуманистический взгляд Гюлена», называет Конфуция, Платона, Канта, Милля и Сартра [17]. Такое соседство конечно лестно для любого ныне живущего. Но их роднит не только гуманистическая природа видения будущего, но, как мне кажется, прежде всего – острота и глубина постановки актуальнейших проблем современности, где есть все: трагизм человеческого бытия, счастье обретения свободы, жизнь и смерть, война и мир, кризисы и катастрофы, осмысление условий современного выживания всего живого на земле. Великие мыслители дают мудрые советы, которые вызывают бурю эмоций, но проблемы от этого не решаются, а лишь переходят из поколения в поколение, становясь вечными, загадкой для потомков. И поэтому мнение каждого, как золотая россыпь идей и находок, становится новым аргументом в пользу непрекращающегося диалога поколений.

Ф. Гюлен, конечно, мыслитель своего времени, дитя своей цивилизации и культуры. Поэтому он в чем-то уникален и самобытен. Его идеи – сами по себе вызов существующим в стране и мире порядкам, но это мирный вызов, с благородными целями. «Сколько есть дорог, которые нежатся в щедрых лучах солнца, излучают изумруд зелени и утопают среди цветов, но при этом ведут в пустыни, откуда нет возврата. И сколько есть крутых горных тропинок

над пропастями, усыпанных колючками, которые напрямую ведут к раю», – отмечает Ф. Гюлен [2]. Тем не менее, турецкий мыслитель обращает внимание на то, что «неправедные пути не могут привести к праведной цели» [2, с. 218]. Он проповедует ценности хорошей жизни и учит молодежь мудрости, как добиться своей цели в современной жизни для себя и будущих поколений.

Мне кажется, наша главная задача заключается не в том, чтобы слепо принять на веру и воспеть основные идеи Ф. Гюлена, важнее понять их хотя бы для себя, чтобы далее полноценно вести предстоящий диалог. Перед нами стоит непростая дилемма, сможем ли мы преодолеть в себе веками накопившиеся стереотипы и если не изжить, то хотя бы приглушить в себе зависть, ненависть и неприятие другого, поделиться последним, а может быть – отдать последнее. Это основные условия для честного и открытого диалога, чтобы не превращать его в некий торг, цена которого – наша жизнь и наше будущее. Вот почему, о чем бы мы ни говорили, приходим к главному пониманию вызова современного мира. Этот вызов дается нам с рождения, определяется семьей, традициями, обычаями, культурой народа, к которому мы принадлежим. Он в нас с вами, то есть в Человеке. Насколько нравственен его духовный мир – настолько устойчива жизнь на земле. Именно Человек предстает перед историей «мерой добра и зла» и являет собой созидательное и разрушительное начало одновременно. И поэтому необходимо, прежде всего, победить зло в себе, только тогда и возможен полноценный диалог цивилизаций и культур с добрым исходом, которого всем нам так не хватает.

Литература

1. *Степин, В. С.* Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
2. *Гюлен, Ф.* Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен. – М.: Новый Свет, 2006. – 231 с.
3. *Панарин, А. С.* Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2000.

4. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск: Четыре четверти, 2011. – 360 с.
5. Плотников, В.И. Аксиология / В. И. Плотников // Социальная философия: словарь. – М., 2003.
6. Кант, И. Сочинения: В 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. – Ч. 1.
7. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995.
8. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт // Культурология. XX век: Антология. – М., 1995.
9. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.
10. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997.
11. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1994.
12. Громов, И. А. Западная социология / И. А. Громов. – СПб.: ДНК, 2003.
13. Сокурская, Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода / Л. Г. Сокурская. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2006.
14. Зборовский, Г. Е. История социологии / Г. Е. Зборовский. – М.: Гардарики, 2004.
15. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин. – СПб.: РХГИ, 2000.
16. Kluckhohn, C. Values and value orientations in the theory of action / C. Kluckhohn// Toward a general theory of action. – Cambridge, 1951.
17. Кэрролл, Б. Дж. Диалог цивилизаций: исламское учение и гуманистический взгляд Гюлена / Б. Дж. Кэрролл. – М., 2009. – 160 с.

Т. И. Врублевская

КОНЦЕПЦИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ В УЧЕНИИ Ф. ГЮЛЕНА

Белорусский государственный университет, Минск

Ф. Гюлен – один из крупнейших мыслителей исламского мира, широко известный как в Турции, так и за ее пределами. Его идеи в среде интеллектуалов и политиков получают далеко не однозначную оценку, встречая как горячее приветствие, так и основательную критику.

Вместе с тем, ценность учения Гюлена состоит, прежде всего, в том, что он предлагает мировому сообществу особую «срединную модель», модель, совмещающую религиозный и светский подходы к выстраиванию стратегии общественного развития. Вопреки сложившемуся стереотипу о том, что «нечто среднее» есть, в сущности, ничто, в учении Гюлена упор сделан на качественной стороне как религиозных, так и светских принципов организации общества.

Понимая ограниченность содержания этих принципов, взятых порознь, Гюлен объединяет их с тем, чтобы избежать противоречий в выстраиваемой им модели и, как следствие, в практике ее применения. «Выше одного блага может оказаться другое благо и меньше одного зла может оказаться другое зло. И только те, кто одарен разумом и вдохновением (религиозным чувством. – *Т. В.*), могут понять, когда одно лучше или хуже другого» [1, с. 243].

Исследовательский интерес Гюлена сосредоточен вокруг поиска возможных путей эволюции общества в сочетании рационального и того, что существует как данность, не требующая обоснования: принципы религии и морали.

Идейное ядро его учения более чем основательно: его составляет разработанная в средневековой европейской философии модель соединения веры и разума. Концепция, выстраиваемая Гюленом, в этом вопросе во многом созвучна решениям проблемы веры и разума, предлагаемыми крупными европейскими мыслителями. В частности, Фоме Аквинскому принадлежит идея характерной связи между истинами разума и истинами веры. Первые являются истинами *revelabilia*, т. е. такими, которые раскрываются человеку в зависимости от его умственных усилий, их постижение возможно средствами научного познания. Вторые – истины *revelata*, они с необходимостью раскрываются человеку через Откровение и Священное Писание, поскольку самостоятельно их постичь и обосновать разум не способен.

Гюлен излагает фундаментальную для своего учения идею следующим образом: «Разумом человек определяет понятия: например, что красиво, а что – нет. Однако ошибочно предполагать, что с помощью разума можно познать все. Именно поэтому Бог предписал хорошее и запретил плохое, не оставив решение этого вопроса на усмотрение человеческого разума, который всегда может ошибиться» [1, с. 140]. Иными словами, Гюлен настаивает на том, что существует область произвольных решений в образовании, политике, праве, управлении – в любой сфере общественной деятельности, но существует также и область объективно заданных принципов, которые регулируют область произвольных решений, область сущего, в тех случаях, когда они касаются вопросов должного.

Формально идея разделения бытия на сущее и должное как на познаваемое и то, что, будучи задано, открывается в мистическом опыте, не является новой. Она лежит в основе многих систем религиозной нравственной философии, прежде всего, таких, которые складываются на понятийной основе монотеистических религий.

Новаторским в данном случае становится содержание: взгляд на наследие западной и восточной культур как на

две такие области. Европейская цивилизация от самых своих истоков создала множество эффективных моделей и подходов в науке, образовании, политике, управлении, многократно оправдавших себя. Цивилизации Востока в лоне культуры ислама развили значительный нравственный и религиозный потенциал, благодаря которому и в условиях современного мира они избегают многих проявлений духовного кризиса, нравственного релятивизма, формального отношения к вере и убеждениям. «Запад обладает научным, технологическим, экономическим и военным превосходством, а ислам – не извращенными, а живыми духовными традициями» [1, с. 57]. Это высказывание Гюлена, вне всяких сомнений, встретит жесткую критику со стороны тех, для кого традиции христианства не являются пустым звуком, т. е. большинства носителей славянской, западноевропейской, американской, латинской культур.

Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что Гюлен не призывает к обращению в ислам, смене религиозных и иных духовных убеждений. Его концепция строится на той идее, что исламская цивилизация по-прежнему воспроизводит образцы духовной стойкости, непоколебимой, невзирая на все рациональные аргументы, крепости нравственных убеждений. Именно этот аспект, не содержательный, связанный с мусульманским вероучением, а качественный, связанный с ответом на вопрос: «Как сохранять твердость духа везде и всегда?» Ф. Гюлен и рассматривает. Исследователи работ Ф. Гюлена подмечают эту особенность его концепции, указывая на особую устойчивость убеждений, характерную для многих, исповедующих ислам: «Толерантность, или терпимость, неизменная готовность к диалогу с «иным» (...) при глубине и прочности мусульманских принципов в жизни» [2, с. 280].

Такой подход позволяет взглянуть на учение Гюлена с некоторой долей любопытства. Оно может быть вызвано, прежде всего, тем, что это учение содержит последователь-

ный, в значительной степени продуманный подход к объяснению моральных затруднений и их решению.

Развитие духовного кризиса во всем мире, засилие материальных ценностей, повсеместное падение нравов уже стали общим местом в публичных и частных дискуссиях. Интерес к вопросам морали, способам ее практического применения становится более значительным, когда возникает необходимость в практических решениях острых проблем современности.

Одним из существенных аспектов подобных споров является проблема нравственной добродетели, ее отсутствие в характере и в поведении людей рассматривается как признак кризиса нравственности и, одновременно, как одна из причин принятия неправильных, недолжных или неэффективных решений в ситуации морального выбора.

Нравственная добродетель представляет собой положительное, с точки зрения морали, качество человека. Классическое определение Аристотеля раскрывает смысл, вкладываемый в понятие «качество» и конкретизирует «положительное, с точки зрения морали». В нем добродетель рассматривается как «способность поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий» [3, с. 82], а ее основанием является способность человека устанавливать меру, или «середину, как в страстях, так и в поступках» [3, с. 92].

Ясно, что речь идет об устойчивом качестве характера человека, которое вырабатывается им долгое время, с участием как воли, так и разума. Добродетель предполагает последовательное, продуманное поведение, следование избранным принципам. Мораль, предписывая должное поведение, диктует человеку и необходимость развивать добродетели.

В ряде современных исследований зафиксированы изменения в понимании добродетели, характерные для нынешнего этапа эволюции нравов и морали в целом.

Один из наиболее критичных взглядов в этом вопросе принадлежит американскому философу А. Макинтайру. Он

описывает нынешнее положение вещей вокруг добродетели как запутанное и глубоко противоречивое. «В рамках конкретных современных подкультур версии традиционных схем добродетелей выживают, но условия современных публичных дебатов таковы, что когда представительные голоса этих подкультур пытаются участвовать в них, они слишком легко интерпретируются и искажаются в терминах плюрализма, который угрожает поглотить всех нас» [4, с. 305].

Иными словами, в локальных сообществах, сохраняющих ориентацию на ограниченное число четких правил поведения и принципов жизни, добродетели не являются проблемой. Люди, живущие в соответствии только с нравственными установками христианства и других религий или ориентированные только на буржуазный нравственный идеал или даже на представления об американской мечте, формируют в своем характере набор устойчивых качеств, которые продиктованы соответствующей системой нравственности. При этом за рамками своего сообщества их жизненные установки вступают в противоречие с установками других людей, носителей иных моральных идеалов. И тогда добродетель, ее содержание как нравственного качества становятся проблемой. В самом деле, щедрость христианина далека от щедрости буржуа и тем более далека от щедрости последователей американской мечты.

Макинтайр формулирует идею, согласно которой множество теорий теряют из виду сущность добродетели, предлагая самые различные ее трактовки, тогда как многочисленные, зачастую противоположные, мнения, каждое из которых использует рациональную аргументацию и является последовательным, только отдаляют нас от понимания сути нравственной добродетели в условиях современности. Рассуждая о щедрости, и христианин, и буржуа, живущий по светским правилам, и ловец американской мечты предложат разумные аргументы, и останется признать, что каждый по-своему прав. Суть же щедрости, то, какой она является теперь, будет рассеяна. Добродетели как нравственно-

му качеству непременно нужна основа, некая точка опоры, которая бы обосновывала ее, делала очевидной ее необходимость и в то же время делала ее единой, а также устойчивой перед лицом культурных и иных различий.

В учении Гюлена в качестве такой основы добродетели предлагается чистый, незамутненный, живой религиозный опыт. Непосредственные духовные переживания, являясь основой нравственности личности, вовлекают человека в сферу нравственных отношений на качественно ином уровне, заставляют его действовать как будто «от первого лица», отвечая за свои мысли и поступки не только перед сообществом, но и перед собой, и перед источником Добра. Сложно не согласиться с тем, что это не новая для европейской культуры идея. Однако сила эмоций и религиозной вовлеченности, присущих магометанству, редко предлагались в качестве альтернативного решения проблемы добродетели в европейской культуре.

Причиной того, что добродетель становится проблемой, являются, конечно, не только теоретические противоречия. Эволюции понятия добродетели сопутствовала также трансформация структуры общества и общественных отношений. Процессы модернизации изменили и облик морали, и представление о добродетели. Ее неразрывная связь с системой отношений в сообществе была нарушена. Фактическое и нравственное обособление человека, его выделение из группы в течение длительного периода сопровождалось увеличением числа общественных связей и количества правил в различных сферах его деятельности [5, с. 395–396].

На начальных этапах, в частности в новоевропейской философии и этике, предпринимались попытки проследить моральную основу экономических, социальных, политических процессов. Но к концу эпохи Просвещения идея «исправления» действительности, или сущего, с помощью внедрения нравственных принципов и правил, т. е. должного, отодвигается в европейской традиции на периферию исследований в области этики и социальной философии.

Современный этап развития общества характеризуется кардинальной трансформацией классов, наций и национальных государств, их ослаблением на фоне глобализирования экономики и политики [6, с. 114]. Положение, воспринимаемое теперь в обыденной жизни как падение нравов, является симптомом серьезных изменений в морали, изменений, в результате которых человеку уже не достаточно ни одной определенной социальной роли, ни статуса самостоятельной личности, ни позиции автономного субъекта морали.

Это неизбежно изменяет и способы морального регулирования, в частности, превращая добродетель из необходимого элемента социальных отношений в существенную проблему как морального сознания, так и морали в целом. Современный человек, включаясь во множество отношений разного уровня (межличностных, внутри- и межгрупповых, внутригосударственных, международных, транснациональных и т. д.), не может позволить себе «роскошь черно-белого зрения». Добродетель как устойчивое качество утрачивает свое значение.

Концепция Гюлена, предлагающая добродетели, в сущности, внерациональную основу, выводит ее за рамки данной проблемы. Добродетель, как и мораль человека в целом, перестает соизмеряться с разумностью. Нравственным остается то, что согласно с идеей Добра, но аналогия между нравственным и разумным «стирается», остается «в стороне», как «бесперспективная».

Фактически Гюлен предлагает взглянуть на сферу морали и сферу общественных отношений как на автономные в своем союзе сферы: «В каждом приложенном усилии есть свой порядок, а в каждом достижении есть сострадание. Некоторые «естественные» события или общественные потрясения могут, на первый взгляд, казаться неприятными, но мы не должны рассматривать их как нечто несовместимое с милосердием» [7, с. 101]. Добродетели не нужно «внешнее» обоснование в виде общественного одобрения. Добродетель не может быть «продиктована» сообществом

или стилем жизни. Кроме того, она не может и сформироваться как образец поведения в той или иной культуре.

Корни этой идеи Гюлена лежат в суфийском принципе ограниченности познавательной способности разума. Познание нравственной истины здесь возможно не столько в акте рационального познания, сколько в акте интуитивном, акте, в котором раскрывается сила духа познающего. В связи с этим суфизм актуализирует идею любви к Единственному, идею «сердца» в смысле искренности и открытости, которые, хоть и принадлежат к сфере душевной, иррациональными по своей сути признаны быть не могут. Добродетель, таким образом, становится не столько волевой и разумно выработанной чертой характера, сколько качеством, присущим духу человека, качеством, в котором проявляется сила духа, как слияние должного с сущим.

Существует другая точка зрения, согласно которой внутри одной культуры нравственные добродетели, даже взятые вне требований общественной морали, не могут сохранять свое привычное содержание и функционировать, не вступая в конфликт друг с другом. На постсоветском пространстве рыночная экономика и процессы демократизации вносят существенные изменения в способы существования общественных регуляторов и, в особенности, морали [8, с. 99]. «Равенство возможностей», предоставляемое демократическим обществом, оборачивается «неравенством результатов», которое требуется компенсировать вмешательством государства.

Очевидно, что равные возможности соотносятся с такими ценностями, как индивидуализм, самореализация личности, свобода выбора и т. д. Эти ценности определяют выработку таких положительных качеств, как самостоятельность, целеустремленность, независимость, решительность и др. А искомое «равенство результатов» совмещается с идеей ограничения потребностей в соответствии с интересами другого, с принципом коллективизма, согласно которому заслуги одного «делятся» на всех, поскольку «це-

лое», коллектив важнее и сильнее отдельной личности. И тогда важными становятся такие добродетели, как лояльность, послушание, верность коллективу и т. д. Человек, избирающий ту или иную стратегию в поведении, неизменно будет вовлечен во внутриличностный конфликт, который для своего разрешения будет требовать от него совмещения противоположных качеств.

С одной стороны, идея единства в многообразии может быть признана новой моделью добродетели. Нравственные качества, сколь бы разнообразны они ни были, все равно проявляются непосредственно в поступках человека. Оценивая каждый случай как уникальный, как проявление индивидуальности личности, действительно можно не сталкиваться с нравственными противоречиями в деятельности в целом.

Наиболее явно этой идее соответствует идея толерантности как основы нравственной деятельности людей и как главной в числе добродетелей современного человека. Ее сила и основательность подкрепляются гуманистической идеологией, которая, хоть и опирается на разные варианты гуманизма, присуща большинству культур в мире.

Идея человека как высшей ценности, основной признак в содержании понятия «гуманизм», раскрывается также и в понятии толерантности. Ф. Гюлен пишет: «Толерантность предполагает следующее: не обращать внимания на недостатки, уважать чужое мнение, прощать все, что только можно простить; даже когда нарушаются наши неотъемлемые права, мы должны следовать высшим человеческим ценностями и воздержаться от какого-либо самосуда и попыток отмщения; не терять самообладание даже в тех случаях, когда противоположное мнение настолько грубо и вульгарно, что мы никак не можем с ним согласиться...» [7, с. 67–68].

В данном случае толерантность не предполагает, как может показаться на первый взгляд, податливости и уступчивости в вопросах морали. Наоборот, апеллируя к толе-

рантности, мы тем самым утверждаем, что всякий человек с необходимостью признает достоинство другого и его нравственную потребность реализовывать свою свободу. Толерантность, вместе с тем, предполагает, что достоинство человека – понятие, имеющее исключительно нравственное измерение, и оно, достоинство, не определяется его внешними признаками, происхождением и т. д. Толерантность как основа морали и как первое среди добродетелей качество требует особого подхода к человеку. Подхода не просто как к индивидуальности, которая имеет право на самовыражение, но как к уникальной личности, в чьих поступках через нравственные правила (например, «золотое» правило морали, моральный императив, принцип полезности и т. д.) также воплощается идея добра. Это, в свою очередь, и будет служить основой для единства совмещаемых многообразных проявлений индивидуальных добродетелей.

С другой стороны, выработка понятия толерантности – результат сложного и многомерного процесса модернизации как разных сообществ, так и морали в целом. Достижениями модернизации в сфере общественных отношений являются, среди прочих, также идея равенства людей, идея ценности всякого правила, выработанного нравственным сознанием, идея диалога как способа неконфликтного сосуществования разных индивидов и культур.

Однако сам по себе процесс модернизации не является ни всеохватывающим, ни равномерным, поэтому во множестве случаев нравственная регуляция на основе толерантности и других упомянутых идей не может быть последовательной. Руководствуясь гуманистической в своей сути идеей, можно столкнуться с целым рядом противоречий и конфликтов.

Один из них – «конфликт свобод». Политическое надевание каждого правами и свободами, несмотря на то, что представляет собой неоспоримую ценность и обеспечивает равенство возможностей, не приводит к «моральному согласию» каждого члена общества на равное распределение

разного рода прав и свобод среди тех, кого продолжают считать неравными (в силу происхождения, цвета кожи или религиозных убеждений).

Другой острый момент связан с «конфликтом нравов». Всякое моральное сознание стремится к универсализации своего содержания, что не позволяет признать однозначно верными модели поведения и ценностные установки другого. Ситуативно, в конкретных обстоятельствах, любая нравственная установка может быть признана важной, допустимой или даже эффективной. Однако признать ее как безусловно ценную соглашаются не всегда.

Третьим аспектом проблемы может быть назван «конфликт индивидуальностей». Всякая встреча представителей разных культур, будь то культуры одной или многих стран, неизбежно приводит к взаимной оценке партнерами по общению устоев, принципов и ценностей друг друга. В основе нетерпимости и неприятия всего иного лежит отношение к другому, как «чужому», как к тому, чье содержание до конца не ясно, а потому потенциально опасно. Нравственные отношения в таком случае бывают затруднены, диалог зачастую заменяется превознесением своей культуры каждой из сторон.

В отношении добродетели, таким образом, складывается двойственная ситуация: с одной стороны, множество социальных ролей и ориентаций требует развития разнообразных нравственных качеств, что, в свою очередь, предполагает отношение к человеку с позиций толерантности, как к уникальной личности, воплощающей неповторимый спектр добродетелей.

С другой стороны, множественность нравственных ориентаций, множество воплощений добра, далеко не всегда одобряется. Разнообразие добродетелей рассматривается как релятивизация морали, а толерантность воспринимается как синоним формальности, непоследовательности и даже вседозволенности в морали, распушенности нравов в целом. Эту позицию можно проиллюстрировать так: «В наше

время нравственность уже не воспринимается людьми как совокупность всех высоких и благородных достоинств. Современный человек больше хочет видеть в ней лишь тонкость манер и внешнюю воспитанность...» [1, с. 236]. В связи с этим источником моральной регуляции, альтернативным современной идее толерантности, становится традиционная нравственность с четко расставленными моральными приоритетами.

Концепция добродетели, сложившаяся в учении Ф. Гюлена, предлагает вариант решения возникшего затруднения. Слова Гюлена как в пользу толерантности, так и содержащие критику связанных с ней аспектов были приведены не зря. В основе его решения лежит попытка непротиворечивого соединения идеи толерантности, принадлежащей современной морали, с фундаментальными идеями традиционной нравственности, прежде всего, с идеей единого основания морали, а также устойчивым образом добродетели.

Концепция добродетели Ф. Гюлена включает в себя несколько элементов. Прежде всего, суть добродетели связывается с понятием намерения. Сущность всякой подлинной добродетели – обращенность к идее высшего добра. Ни одно качество, ни один поступок, только формально соответствующий правилу, не может считаться благом. Гюлен проводит линию, соединяющую намерение человека, его добродетели и качество жизни. Намерениями определяется нравственное развитие человека. Способность придерживаться исходного нравственного намерения, совершая непротиворечивые поступки, является основой всякой добродетели. Фактически речь идет не столько о качествах (мужество, щедрость, умеренность и т. д.), сколько о моральной целостности личности, умении организовывать свою деятельность, тщательно придерживаясь изначальных положительных установок. В этом отношении показательно другое высказывание Гюлена: «Нравственность сочетает в себе определенные высшие принципы человеческого поведения, каждый из которых является продуктом (возвы-

шенного духа. – Т. В.). В соответствии с этим мы можем утверждать, что люди, не сумевшие обрести самих себя, вряд ли смогут найти в себе силы для того, чтобы жить по законам нравственности» [1, с. 236]. Нравственная устойчивость, единство моральных установок, непротиворечивость нравственных суждений – есть все то, что, согласно мнению Гюлена, делает некоторую добродетель добродетелью, не давая ей превратиться в формальное качество или вступать в конфликты с другими подобными качествами личности.

В этом контексте понятие толерантности действительно становится определяющим. Терпимость к иному, если оно нравственно по своей сути, но при этом обладает непривычными для нас признаками, качествами и свойствами, необходима для адекватного познания, для диалога с ним. Фактически намерение терпимого отношения ко всякому иному поможет сформировать другие положительные намерения и другие добродетели: «Понятие «толерантность», в которое мы вкладываем такие смыслы, как уважение, милосердие, великодушие, терпимость, в системе нравственных ценностей занимает главенствующую позицию, являя собой качество совершенного человека, следующего за божественным откровением, и внутренний важный фактор духовного самоконтроля, способный стать источником для остальных этических норм» [7, с. 68].

Вместе с тем, всякое злое, недостойное намерение, независимо от качества цели и использованных средств, не может, согласно Гюлену, вызвать к жизни что-либо, что нужно оценивать с позиции толерантности. «Он (пророк Мухаммед. – Т. В.) никогда не мирился со злом и не создавал оранжерей для греха, называя это терпимостью. Он очень хорошо сознавал, что терпимость из милосердия, проявленная к преступнику, человеку с черным сердцем, означает покушение на права тысяч ни в чем не повинных людей» [1, с. 88–89]. Очевидно, что и основой пороков Гюлен также предполагает намерение, а значит, качество намерений

одного человека или многих людей определяет, будет ли отношение к ним толерантным или нетерпимым.

Непреднамеренное действие, согласно Гюлену, не может быть одобряемым: «Только тогда человек может считать какое-либо деяние «своим», если имел четкое намерение совершить его» [1, с. 134]. Деяние без намерения характеризует человека как нравственно непоследовательного, морально безответственного. Его можно простить, но все при том же условии: нравственной целостности характера личности.

Своеобразная абсолютизация понятия намерения в качестве источника добродетелей находит свое завершение в том, как Гюлен представляет смысложизненные ориентации личности: «Возможность вечного счастья или вечного страдания заключена в намерениях человека» [1, с. 135]. Очевидно, что в данном случае речь не идет просто о намерении достичь счастья. Идея Гюлена гораздо глубже и основательней – всякое намерение формируется как осознанное, рационально-волевое, мотивированное. Качество намерений свидетельствует о мере добра и зла в человеке, а значит, и о том, как воплотится его жизненный замысел.

В концепции добродетели, таким образом реконструированной, остается без ответа еще один вопрос: что является источником индивидуальной нравственности, той моральной целостности личности, которая необходима для формирования нравственно положительных намерений? Для ответа на него необходимо вернуться к идее, рассматриваемой Гюленом, идее о двух видах истин: истинах, познаваемых разумом, и истинах, постигаемых в их неизменяемой данности. Добродетели и нравственная деятельность в целом, задаваемые намерениями человека, принадлежат к сфере рационального, того, что проблематизируется, познается и воспроизводится человеком.

Но вторым, важнейшим, источником добродетели является вера [9, с. 76]. Нравственный закон можно постичь, восприняв его как объективную, истинную данность. Кро-

ме того, самостоятельно выработать нравственные жизненные установки, очевидно, не только сложно, но и чревато большим количеством заблуждений. Имея в виду ограниченность познавательной возможности человека, а также его духовную неустойчивость без соответствующей опоры, Гюлен отстаивает необходимость религии и религиозности в жизни человека [9, с. 74]. К тому же, упомянутая выше «внерациональная» природа добродетели будет полностью реализована и избавлена от противоречий при наличии ее единого источника, единого первоначала, в акте обращения к которому любое нравственное качество найдет свою точку опоры, станет устойчивым.

Концепция добродетели является неотъемлемой частью учения Ф. Гюлена, в ней происходят развитие и обоснование его идей относительно нравственности и моральных качеств, определяющих облик человека и качество его жизни.

Можно говорить о специфическом подходе Ф. Гюлена к проблеме добродетели: он сосредотачивает внимание на качестве натуры человека, которое достигается частично происхождением, носит врожденный характер, и частично – воспитанием. К слову, воспитанию Гюлен отдает несомненный приоритет. Нравственные добродетели – качества, формируемые в характере человека, являются таковыми, т. е. положительными с точки зрения морали, в силу личной ориентации человека на совершение добра. Гюлен в некоторой мере переосмысливает подход Аристотеля к понятию добродетели, акцентируя намерение в качестве источника добродетели. Идея добродетели как «золотой середины» двух крайностей подчиняется понятию намерения. Поступки человека, который руководствуется благородным намерением, глубочайшей основой которого являются вера и религиозные постулаты, все равно будут свойственны добродетели, даже если формально, внешне на первый взгляд в них реализуется нечто порочное: «Добро может быть бесполезным, а иногда и частично вредным, но оно никогда не превращается во зло» [1, с. 240]. Подобная

идея была разработана также в классической этической традиции, а именно в этике стоиков, в учении о мудреце. Судить о том, что принесет добро, а что – зло, может только человек, чей разум присущ Высшей истине. Соответственно, и его намерения будут отражать ее.

Реактуализация такого подхода к добродетели в учении Гюлена не кажется случайной. Одним из важнейших факторов общественной и личностной регуляции по сей день остается религия. Кроме того, нравственные постулаты, не требующие рационального обоснования, содержатся именно в священных книгах и являются основанием вероучений мировых религий. С этих позиций необходимость выработки моральных качеств не только становится очевидной, но также снижается вероятность личностных противоречий в ситуации морального выбора. Истины веры становятся своеобразным указателем на пути решения сложнейших моральных коллизий, непререкаемым авторитетом, обладающим очевидной для всякого, кто принимает их ценность, объективностью и статусом морального добра.

Литература

1. Фетхуллах Гюлен и современный мир: толерантность, диалог, взаимопонимание / Ф. Гюлен [и др.]; науч. ред. А. Насынбаева, Г. Соловьева. – Алматы, 2009. – 511 с.
2. *Шеремет, В. И.* О парадигмах турецкого мыслителя / В. И. Шеремет // Фетхуллах Гюлен и современный мир: толерантность, диалог, взаимопонимание / Ф. Гюлен [и др.]; науч. ред. А. Насынбаева, Г. Соловьева. – Алматы, 2009. – 511 с.
3. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель. Соч.: в 4 т. – Т. 4. – М.: Наука, 1984. – 830 с.
4. *Макинтайр, А.* После добродетели: Исследование теории морали / А. Макинтайр. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
5. *Беляева, Е. В.* Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е.В. Беляева. – Минск: Экономпресс, 2007. – 464 с.
6. *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р.Г. Апресяна.* – М.: Альфа-М, 2009. – 494 с.

7. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск : Четыре четверти, 2011. – 360 с.

8. Титаренко, Л. Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания / Л.Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2003. – № 12. – С. 96–108.

9. Карабанова, О., Авдеев, В. Отвержение своей жизни во имя другого / О. Карабанова, В. Авдеев // «Диалог Евразия». – № 28. – С. 76.

Г. В. Бороздина

ВЛИЯНИЕ ВЗГЛЯДОВ Ф. ГЮЛЕНА НА ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Белорусский государственный экономический университет,
Минск*

Глобальной целью современной школы является формирование созидательной творческой личности, олицетворяющей собой высококвалифицированного специалиста, добропорядочного семьянина, сознательного гражданина и патриота своей родины, ответственного за ее настоящее и будущее. Не обучать и одновременно воспитывать, а воспитывать, чтобы сделать человека способным к образованию, постоянному усвоению нового и профессиональному росту – именно так должен стоять сегодня вопрос.

Мы часто говорим: счастье – это когда человек делает то, что ему предназначено в этой жизни. Следовательно, будет ли его жизненный путь счастливым, во многом зависит от того, обретет ли профессиональная деятельность личностный смысл, будет ли она отражать и воплощать через себя личность или нет.

Решение этой проблемы предполагает поиск некоей высшей организующей инстанции, которая либо способствует расцвету творчества, либо разрушает этот процесс, а вместе с ним и личность профессионала. В качестве таковой выступают жизненно важные ценности и смыслы. Действительно, пока человек действует, исходя исключительно из определенных целей и средств, т. е. вопросов: зачем? для чего? правильно или нет? нужно или не нужно? и т. д., но никогда не ставит вопросы: ради чего? во имя чего это де-

лается? (вопросы о смысле и ценности деяния для него самого), его действия остаются лишь предметно направленными и могут с легкостью перескакивать с одного предмета на другой, увлекаясь их многообразием.

Именно это и происходит сегодня в молодежной среде, а точнее – в студенческом социуме.

К сожалению, связь молодежи с системой общечеловеческих ценностей оказалась если и не прерванной до конца, то существенно искаженной. Из-за недостаточности жизненного опыта и неготовности самоопределяться в сфере высших смыслов и нравственных ценностей, молодые люди часто путают идеалы с иллюзиями.

Кроме того, необходимость для многих студентов платить большие суммы за получение образования, неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне ведут к «запрограммированному неблагополучию» молодежи. Юношеский максимализм уступает место трезвому расчету, высокая коммуникабельность – отчужденности от общества, мечтательность сменяется чувством неуверенности в себе и своем будущем, романтизм – скептицизмом и цинизмом, стремление к созиданию – потребительством. На вершине смысловой пирамиды человека все чаще оказываются временные, преходящие смыслы (деньги, карьера, успех и т. д.). А подлинные высшие ценности и смыслы, такие как радость бытия, полнота самоутверждения и самореализации, творческая самоотдача, «дарение себя», остаются неосознанными и не востребованными.

Сегодня мы с сожалением должны констатировать: бескорыстное служение истине, идее, добру как массовое явление в высшей школе «сходит на нет». Среди студентов и преподавателей все реже встречаются нравственное подвижничество, культура мысли, общения и поведения.

Оторванные от традиционных ценностей молодые люди подвергаются опасности быть воспитанными вообще без каких-либо идеалов, кроме стремления к материальному успеху. Такие нематериальные ценности, как глубина идей

и чувств, ясность мысли, способность ценить культуру или духовность, игнорируются в современных учебных заведениях, которые в большинстве своем нацелены на массовый выпуск исполнителей для глобальной рыночной системы.

Такие студенты, возможно, легко могут найти работу, но они недостаточно сформированы внутренне для того, чтобы достичь истинной человеческой свободы. Лидеры (как в экономической, так и в политической сфере) часто благосклонно относятся и содействуют таким ориентированным на будущую профессию и «свободным от ценностей» школам, потому что это позволяет им легче контролировать «тренированные, но необразованные» рабочие кадры.

Что можно предпринять в сложившейся ситуации?

С одной стороны, можно ужесточить административный контроль и, соответственно, усилить морализаторское начало, обеспечив «формальный порядок» среди студентов и преподавателей, вспоминая о нравственном воспитании лишь тогда, когда поведение тех и других выходит за рамки социально одобряемого. Но реальную действенную силу воспитание приобретает только тогда, когда не просто декларирует нормы, правила, а организует жизнь, пространство взаимодействия в соответствии с этими правилами. Так, например, если педагогу приходится на каждом шагу направлять активность студентов, если они ждут готовых решений, если общая совместная деятельность занимает незначительную часть их мыслей и усилий, то основная масса энергии будет растрачиваться впустую и уходить на преодоление инерции.

С другой стороны, можно положиться на волю случая и предоставить студентов самим себе, переложив заботы об их воспитании на другие социальные институты (семью, средства массовой информации, психологические службы и учебно-воспитательные отделы вузов и т. д.), а деятельность преподавателей ограничить выполнением просветительских функций. Но тогда студенческий образ жизни,

основными признаками которого являются экономическая несамостоятельность, организационная зависимость и хозяйственная неустроенность, будет автоматически способствовать формированию особой студенческой субкультуры с собственными критериями нравственности и собственными смыслами. А поскольку эти критерии часто оказываются заниженными, в студенческой среде широкое распространение и нравственное одобрение получают (и уже получают!) девиантные формы поведения, а система моральных ценностей заменяется системой антиценностей.

Оба эти пути вполне вероятны, поскольку имеют глубокие традиции в вузовском образовании. Однако в какой степени они будут способствовать улучшению нравственной атмосферы вузов и личностному росту будущих специалистов, предугадать несложно.

Возможен и третий путь: создание в вузе таких социально-экономических условий и организационных предпосылок, при которых степень реализации материальных и духовных запросов и потребностей личности будет находиться в прямой зависимости от уровня ее социально-нравственной зрелости и смысловых предпочтений.

Реализация этого пути предполагает изменение структуры и повышение культуры внутриорганизационных отношений как по вертикали, так и по горизонтали, четкое определение тех нравственных ценностей, на базе которых будет осуществляться весь воспитательно-образовательный процесс.

Долгие годы работы в системе образования и воспитания, обращение к идеям выдающихся педагогов, античных мыслителей ориентировали на поиск ответа на волнующие проблемы: какой должна быть молодежь XXI века, что должно лежать в основе воспитания подрастающего поколения, кто возьмет на себя образовательные и воспитательные функции и каким должен быть сам учитель и воспитатель?

Знакомство со взглядами Ф. Гюлена перевернуло прежние представления о самой личности и ее предназначении.

Яркий интеллектуал, писатель и поэт Ф. Гюлен в течение последних трех десятилетий является также весьма влиятельным и авторитетным исламским ученым и просветителем, автором многих конструктивных идей. Его призыв к терпимости и милосердию, коренному улучшению образования, последовательному самосовершенствованию нашел отклик в широких кругах турецкой общественности. Его деятельность, направленная на достижение этой высокой и благородной цели, вышла за рамки одной страны и сейчас охватывает целые регионы мира.

Ф. Гюлен родился в 1938 г. в селе Коруджук на востоке Турции. Уже подростком Ф. Гюлен знал наизусть Коран, а в двадцатилетнем возрасте стал имамом в одной из мечетей. Служба в мечети, разъяснение и профессиональное чтение Корана, проведение занятий в религиозных кружках, произнесение проповедей, а затем литературно-публицистическое творчество и общественная деятельность – вот основные вехи его жизненного пути. Путь этот не всегда был внешне благополучен. Тем не менее, в своей стране Гюлен считается лидером общественного мнения. Его усилия привели к появлению движения Гюлена, которое является сегодня наиболее авторитетным в Турции.

Гюлен утверждает, что если вы желаете держать массы под контролем, то просто лишите их знаний. Они могут победить тиранию лишь через образование. Дорога к социальной справедливости лежит через адекватное универсальное образование, ибо только оно может обеспечить людей достаточным пониманием и терпением для того, чтобы уважать права других. Таким образом, по мнению Гюлена, отсутствие всестороннего образования не только мешает установлению справедливости, но также препятствует признанию прав человека и терпеливому отношению к другим. Если люди адекватно образованны, способны думать самостоятельно и поддерживают такие ценности, как социальная справедливость, человеческие права и толерантность, то они станут вестниками пе-

ремен, которые смогут воплотить эти прекрасные цели в жизнь.

Отсутствие согласованности и интеграции между соперничаящими и противодействующими образовательными системами привело к появлению того, что Гюлен называет «жестоким борьбой, которая не должна существовать: наука против религии» [6, с. 77].

Эта ошибочная конфронтация, которая на протяжении XIX–XX веков высасывала энергию из ученых, политиков и религиозных лидеров, представлявших противоборствующие стороны, привела к разделению философий и методов образования. Современные светские педагоги рассматривают религию в лучшем случае как ненужную трату времени, а в худшем – как препятствие на пути к прогрессу. В среде религиозных деятелей дебаты привели к отрицанию всего современного и восприятию религии «скорее как политической идеологии, а не религии в ее истинном значении». Ф. Гюлен полагает, что через учебный процесс, в котором религиозные деятели обретут крепкие научные знания, а ученые станут обладать религиозными и духовными ценностями, «долгую научно-религиозному конфликту придет конец, или, по крайней мере, будет признана его абсурдность» [6, с. 78].

Ф. Гюлен долгое время мечтал о молодом поколении, которое сочетало бы интеллектуальную просвещенность с истинной духовностью, мудростью и жизненной активностью.

Но для того чтобы это произошло, он считает необходимым введение новой системы образования. Эта система должна «объединить религиозные и научные знания с нравственностью и духовностью для воспитания поистине просвещенных людей, сердца которых будут освещены светом религии и духовности, а разум просвещен точными науками» [6, с. 78]. Она должна формировать людей, которые будут жить в соответствии с человеческими и моральными ценностями и при этом будут находиться «в курсе социально-экономических и политических реалий своего времени» [6, с. 78].

Ф. Гюлен хочет воспитать реформаторов, т. е. тех, кто обладает системой ценностей, которая включает в себя как материальные, так и нематериальные ценности всего человечества. Он утверждает: те, кто хотят изменить мир, должны сначала изменить себя. Для того чтобы направлять других на путь, ведущий к лучшей жизни, они должны очистить свой внутренний мир от ненависти, злобы и ревности и украсить свой внешний мир всеми возможными достоинствами. Те, кто далек от самоконтроля и самодисциплины, кто не смог облагородить свои чувства, на первый взгляд могут показаться привлекательными и проницательными. Однако они не смогут надолго вдохновлять других, и рожденные ими чувства вскоре исчезнут.

Турецкий мыслитель утверждает: «Человек является поистине человеком, если он учится, учит и вдохновляет других. Трудно считать человеком того, кто невежествен и не желает учиться. Сомнительно и то, является ли образованный человек поистине человеком, если он не обновляет и не улучшает себя, дабы служить примером для других» [6, с. 80].

Гюлен часто говорит о необходимости учитывать культурные и традиционные ценности. Его призыв к включению в процесс образования культурных и традиционных ценностей был воспринят критиками как реакционный призыв к прошлому. Это обвинение он всегда отвергал. В свою защиту Ф. Гюлен утверждает: «Я человек, целью которого является вечность, а не только то, что произойдет завтра. Я думаю о будущем нашей страны и стараюсь сделать все возможное для нее. Я никогда не выказывал стремления повернуть ее назад ни в своих работах, ни в своих выступлениях, ни в своих поступках» [6, с. 79].

Закономерно встает вопрос: как же актуализировать человеческий идеал? Какие методы и механизмы необходимы? Ответ один – благодаря образованию и воспитанию. И именно Ф. Гюлен формулирует особый тип образования и воспитания, который выявит или максимизирует высочайшие возможности достичь того уровня развития личности,

к которому он стремится. Иными словами, для Ф. Гюлена всеобъемлющее образование и воспитание под необходимым руководством является главным условием развития высочайшего человеческого идеала.

Некоторые термины, относящиеся к образованию, постоянно повторяются в работах Гюлена и требуют дополнительного разъяснения во избежание их неправильного понимания. Первый – это духовность и духовные ценности. Для Гюлена духовность включает не только религиозные учения, но также этику, логику, психологическое здоровье и эмоциональную открытость. Ключевыми терминами в его работах являются слова «сострадание» и «терпимость» (толерантность). И задача образования, помимо преподавания «точных» дисциплин, заключается в том, чтобы привить ученикам эти «количественно неизмеряемые» качества.

Ф. Гюлен представляет нам в целом теорию образования и воспитания. Он полагает человека состоящим из телесного, ментального (умственного) и духовного компонентов. Каждый из этих компонентов следует развивать соответствующим образом. Гюлен объясняет: «Мы – создания, которые состоят не только из одного тела, или разума, или чувства, или же духа. Мы – гармоничные сочетания всех этих элементов. Каждый из нас – это тело, извивающееся в путях потребностей, как и разум, который обладает гораздо более тонкими и жизненно важными потребностями, нежели тело, и которым движет в жизни беспокойство о прошлом и будущем... Более того, каждый человек – это создание, обладающее чувствами, которые нельзя удовлетворить разумом, и создание духа, через которого мы обретаем нашу сущностную человеческую значимость. Каждая личность – это все вместе. Когда мужчина или женщина, вокруг которых обращаются все системы, будут рассматриваться как создание со всеми этими аспектами, и когда все наши потребности будут удовлетворены, мы обретем истинное счастье. С этой точки зрения, истинный челове-

ский прогресс и развитие нашей сути возможны только через образование» [4, с. 119–120].

Турецкий мыслитель в приведенном отрывке утверждает, что каждый человек – мужчина или женщина – представляет собой сложный комплекс компонентов, которые следует развивать в себе и организовывать гармонично, чтобы последовал человеческий прогресс.

Ф. Гюлен – уникальный новатор в области социальных реформ. Интересен его принципиальный подход к их реализации. «Что касается попыток убедить других людей в своей правоте, – отмечает он, – то времена грубой силы уже давно остались позади. В современном просвещенном мире единственный путь убедить других принять твою точку зрения лежит через обоснованные аргументы. А те, кто рассчитывают на грубую силу на пути к достижению своей цели, изначально обрекают себя на провал. В своей жизни человек должен поддерживать равновесие между материальными и духовными ценностями, – подчеркивает Ф. Гюлен, – и остерегаться необузданной жадности. Только тогда он сможет быть по-настоящему счастливым» [6, с. 15].

Философ прослеживает развитие цивилизаций как Востока, так и Запада. Он утверждает, что, хотя цивилизация Запада доминировала в мире в течение последних столетий и обеспечила ведущую роль в науке и технологии, мировоззрение современного Запада является материалистичным, и в качестве такового оно ущербно. Это означает, что западное мировоззрение рассматривает человека большей частью в материалистических терминах и стремится к осуществлению человеческих устремлений в этих же редуцированных терминах. При таком подходе оказываются принесенными в жертву иные измерения человеческой личности, духовные, и такое пожертвование породило многие социальные кризисы. Часть видения будущего у Гюлена включает в себя комбинирование лучшего из западной культуры, которая является научной и технологической, с лучшим из культуры восточной, т. е. духовной и мораль-

ной, чтобы создать более развитую и целостную человеческую культуру, которая введет нашу существующую реальность в новую эпоху.

Проводя реформу образования, нельзя игнорировать задачу подготовки учителей. Гюлен отмечает: «Дать образование – это не просто научить. Большинство людей могут быть учителями, но число настоящих педагогов резко ограничено» [6, с. 77]. Разница между ними заключается в том, что и учителя, и педагоги дают информацию и учат мастерству, но педагог – это человек, который способен помочь ученику найти себя, который поощряет ученика самостоятельно мыслить и делать выводы, который формирует характер и помогает ученику воспитать такие качества, как самодисциплина, терпимость и чувство долга. Тех, кто просто учит ради зарплаты и кого не интересует формирование характера учеников, он называет «слепыми, ведущими слепых» [6, с. 77].

Первые ученики, которые прошли его курсы в Измире, возглавили ту сформировавшуюся немногим позже новую генерацию, которая выразила готовность следовать его высоким идеалам. Это молодое поколение, очарованное его искренностью, альтруизмом и любовью к людям, начало и поныне продолжает служить людям, не ожидая взамен материального вознаграждения, что трудно вообразить в условиях рыночных отношений в обществе. Это служение включает в себя духовное просветительство, педагогическую работу, открытие во всем мире частных учебных заведений, издательскую деятельность, выпуск теле- и радиопередач, а также учреждение специальных премий для малоимущих студентов и учащихся.

Ф. Гюлен утверждает, что ни отдельная личность, ни общество в целом не достигают развития своего потенциала до высшей степени без образования. Получение образования является самой важной задачей в жизни.

Образовательные идеи Гюлена охватывают не только школу, но также семью, общину и средства массовой ин-

формации. Все главные компоненты общества должны работать в одном направлении, стремясь дать молодому поколению образование и выгоду познания.

Ставки здесь очень высоки, поскольку будущее любой нации или цивилизации зависит от ее молодежи. Гюлен утверждает: «Люди, которые хотят гарантировать свое будущее, не могут с безразличием относиться к образованию своих детей. Семья, школа, окружение и средства массовой информации должны все кооперироваться, чтобы обеспечить желаемый результат... Особенно СМИ должны делать свой вклад в образование молодого поколения, следуя образовательной политике, которую одобрило общество. Школа должна быть безупречной настолько, насколько это возможно, в том, что касается учебной программы, научных и моральных стандартов педагогов и физических условий обучения. Семья же должна обеспечить необходимую теплоту и атмосферу, в которой растут дети» [4, с. 124].

Мне довелось неоднократно бывать в Турции, общаться с людьми разного социального статуса, разных политических убеждений. И перед глазами раскрылась впечатляющая картина. И самое главное, что все это вписывается в нашу национальную ментальность. Больше всего как педагога и воспитателя меня интересовала школа. Мы посещали школы, колледжи, университет. Главная цель обучения в этих школах – дать учащимся современное профессиональное образование и сформировать у них посредством обучения на основе примеров из повседневной жизни нравственные ценности.

Сам Гюлен не имеет почти никакого контакта с этими школами, а может быть, не знает даже точного их количества. Его собственный ранний педагогический опыт, а также его идеи об образовании, человеческом прогрессе и т. д. вдохновили целое поколение людей создать школы не только в Турции, но и во всех регионах мира, чтобы сражаться с вечными проблемами невежества, нищеты, формировать новое молодое высоконравственное поколение.

Школы финансируются через благотворительные организации, общественные группы и плату за обучение. Местная администрация помогает с инфраструктурой. Учителя работают с мыслью о служении другим, нередко за низкую плату.

Часто оказывалось, что здание школы – самое современное архитектурное сооружение в районе. Стены школ увешаны фотографиями учеников, получающих награды на различных национальных и международных конкурсах и соревнованиях, а также принимаемых в стенах школы гостей – министров правительства Турции и членов парламента. Учебные помещения, лаборатории и офисы чрезвычайно функциональны и выглядят весьма внушительно, даже когда их используют сотни восторженных учеников. Сами ученики оживленные, смысленные и очень коммуникательные. Руководители, администраторы и учителя преданы своему делу и гордятся школами и учениками. Многие из них живут рядом с учениками, если школа предлагает систему пансиона.

Нам приходилось встречаться со многими турецкими семьями, которые посылают своих детей в эти школы, и мы задавали один и тот же вопрос: «Почему вы посылаете своих детей в эту школу?». Каждый раз получали один и тот же ответ. Они посылают их в эту школу из-за преданности учителей своему делу, качества образования и в целом – из-за видения того, чего именно эта школа, благодаря своим учителям, добивается в отношении глобальной гуманности, образования, толерантности, диалога.

Вызов ответственности – это большой вызов во все времена, но, возможно, нынешний век быстрых перемен и массового насилия призывает нас более открыто принять этот вызов, чем когда бы то ни было.

Литература

1. *Вербицкий, А. А., Бакшаева, Н. А.* Развитие мотивации студентов в контекстном обучении / *А. А. Вербицкий, Н. А. Бакшаева.* – М.: ИЦ, 2000.

2. Зинченко, В. П., Моргунов, Е. Б. Человек развивающийся / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов. – М.: Тривола, 1994.
3. Шадриков, В. Д. Происхождение человечности / В. Д. Шадриков. – М.: Логос, 1999.
4. Кэрролл, Б. Дж. Диалог цивилизаций: исламское учение и гуманистический взгляд Гюлена / Б. Дж. Кэрролл. – М.: Наука, 2009.
5. Гюлен, Ф. Критерии, или Огни в пути / Ф. Гюлен. – М.: Новый Свет, 2006.
6. Гюлен, Ф. Перспективы: очерки, мнения / Ф. Гюлен; сост. Х. Ешилова. – Минск: Четыре четверти, 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Учение Ф. Гюлена в контексте мировой философской традиции	9
<i>Винокурова С. П.</i> Исторический контекст просветительских идей Ф. Гюлена: поиск путей духовной свободы	11
<i>Трахимёнок С. А.</i> Ф. Гюлен: грани личности в рамках «диалога цивилизаций»	22
<i>Грищенко Ж. М., Качанова Д. В.</i> Учение Ф. Гюлена и его роль в формировании нового мышления современной Турции ...	35
<i>Легчилин А. А., Клецкова И. М.</i> Идейное наследие Ф. Гюлена в контексте европейской философской мысли	49
<i>Лецинская И. И.</i> Идеи Ф. Гюлена в системе ценностей глобализирующегося мира	64
Глава 2. Проблемы современного цивилизационного развития в учении Ф. Гюлена	79
<i>Елсуков А. Н.</i> Конфликт или диалог цивилизаций? (заочный диспут Ф. Гюлена с С. Хантингтоном)	81
<i>Соглаева Л. А.</i> Ф. Гюлен об актуальных проблемах общественного развития: социологический аспект	88
<i>Бурова С. Н.</i> Анализ брачно-семейных ценностей в творчестве Ф. Гюлена	97
Глава 3. Ф. Гюлен о диалоге религиозных и культурных традиций: презумпция толерантности	119
<i>Бабосов Е. М.</i> Вчитываясь в Ф. Гюлена: толерантность – основа диалога людей, религий и культур	121
<i>Можейко М. А.</i> Концепция толерантности Ф. Гюлена: аксиологические предпосылки и перспективы	136
<i>Тенянюк М. Ю.</i> Ф. Гюлен о необходимости межконфессионального диалога	158
<i>Безнюк Д. К.</i> Сакральное в современном мире: Ф. Гюлен о культуре диалога	166
<i>Шадурский В. Г.</i> Проблемы межкультурного и межрелигиозного диалога в учении Ф. Гюлена	175
<i>Титаренко Л. Г.</i> Личностный фактор: восприятие Ф. Гюлена в белорусском контексте	187

Глава 4. Социально-этическое учение Ф. Гюлена: ценностные основания и воспитательный потенциал	199
<i>Рубанов А. В., Дилекчи И.</i> Социально-этические идеи Ф. Гюлена	201
<i>Ровдо И. С., Олейник Л. В.</i> Общечеловеческие ценности – основополагающие идеи учения Ф. Гюлена	211
<i>Данилова Е. А.</i> Эволюция представлений о ценностях и аксиологические взгляды Ф. Гюлена	220
<i>Врублевская Т. И.</i> Концепция добродетели в учении Ф. Гюлена	233
<i>Бороздина Г. В.</i> Влияние взглядов Ф. Гюлена на воспитание и образование студенческой молодежи	250

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ
УЧЕНИЯ Ф. ГЮЛЕНА:
взгляд белорусских ученых**

Редактор *М. С. Макрицкая*

Художественный редактор *И. Т. Мохнач*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Н. И. Кащуба*

Подписано в печать 15.03.2012. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,86 + 0,42 вкл. Уч.-изд. л. 12,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 3057.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука». ЛИ № 02330/0494405 от 27.03.2009.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

Открытое акционерное общество

«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009. Ул. Корженевского, 20,
220024, г. Минск

ISBN 978-985-08-1402-9

9 789850 814029

Встреча с бизнесменом Ихсаном Калкваном
в гостинице «PERA PALAS»

Посещение гуманитарного фонда «Кто-нибудь есть?»

Встреча с учеными в университете «SÜLEYMANŞAH»

Встреча в главном офисе Платформы «Диалог Евразия» с писателем Харуном Токаком, писательницей и журналистом Невваль Севенди, писателем и журналистом Джемалем Ушаком

Встреча с председателем компании «EMSAŞ» Али Рыза Арсланом

Посещение генерального офиса Международной олимпиады по турецкому языку

Встреча на базе холдинга «Каунак» с директором Департамента издательской деятельности Фикретом Йашаром

Встреча с директором агентства новостей «СІНАН» Абдулхамидом Билиджи, аналитическим обозревателем газеты «ZAMAN»

Посещение университета «GEDİZ»

Визит в район г. Измира, где в конце 1960-х гг. работал директором школы Ф. Гюлен

Посещение Центра межкультурного диалога в г. Измире

Встреча с сотрудниками газеты «ZAMAN»

Посещение женского фонда «Başakşehir Kadın Derneği»

Посещение Конфедерации промышленников и бизнесменов Турции «TUSKON»

Собрание спонсоров частного студенческого общежития «BURÇ»

Визит в колледж «YAMANLAR»